

ВЕСИМ

№ 2, 2024

В.Наймушин на персональной выставке.

Ковчег. XXI век.

НАИВНО-ВОЛШЕБНЫЙ ТЕАТР ХУДОЖНИКА ВИКТОРА НАЙМУШИНА

Виктор Наймушин родился в 1953 г., в городе Виляка (Латвия).

Был актером в театрах Твери, Кирова и Кишинева, Литературном театре ВТО, Московском драматическом театре имени А.С.Пушкина. Снимался на киностудии «Молдова-фильм». В качестве режиссера работал на Шаболовке в Москве и в Перми на телеканалах «Уралинформ-ТВ» и «Авто-ТВ».

Режиссер и сценарист документальных фильмов и создатель и руководитель Пермского молодежного театра «Визави». Член Союза кинематографистов России. Член Гильдии кинорежиссеров России. Член Гильдии неигрового кино и телевидения (входит в состав Ревизионной комиссии). Член Союза художников Подмосковья.

В далекие 70-е годы я со своим старшим приятелем художником был приглашен в один из номеров кишиневской гостиницы «Экран» недавно открытого Театра Киноактера. Мое внимание привлекли маленькие рисунки неких типажей, иголками прикрепленные к стене над одной из кроватей. Внимательно и с интересом их рассматривая, сказал своему приятелю, что это рисунки скорее художника, чем артиста. Приятель кривовато усмехнулся и ничего не сказал.

Сопровождавший нас артист театра Афанасий Тришкин поздравил симпатичного худощавого юношу, стоявшего у окна в некотором стеснении, и познакомил нас ним. Это был Виктор Наймушин. В беседе выяснилось, что он таким способом готовится к своей очередной роли, которую стремится постичь не только психологически, но и визуально. Когда я сказал, что в нем живет художник, Виктор с застенчивой улыбкой ответил: «Да какой я художник. Я всего лишь молодой артист, недавно закончивший ГИТИС».

Прошло время, и лет через десять узнаю, что Виктор стал успеш-

ным артистом московского театра им. А.С.Пушкина. Там же, в Москве, он приглашается работать в домашней студии, которую организовал известный режиссер и артист МХАТа Игорь Васильев.

И как-то в конце 80-х, на одной из встреч, спросил я у Наймушина о его художническом творчестве. На что Виктор с грустью сказал, что до него так пока не добрался – всё дела, проблемы, спектакли, репетиции, сложности отношений с новым главным в театре им. Пушкина, да и посиделки в примерках. В конце концов, Виктор уезжает в родную Пермь, где навсегда оставляет сцену в поисках иных способов самовыражения. И Пермь, с ее стариной, раскрыла его дремлющие таланты – стал писать пьесы, снимать документальные фильмы.

В наших московских встречах о жизни и творчестве ни словом не обмолвился о своем художническом увлечении. И только когда он зарегистрировался в соцсетях, я неожиданно увидел фотографии его графических и живописных работ. И мне стало понятно, что родная Пермь сотворила, возможно, свое главное дело в душе Виктора Наймушина – навсегда погрузила его в свои легенды, мифы и тайны Урала, материалы которых им переосмысливались в живописном творчестве. Причем, мастерство артиста, драматурга и режиссера никуда не ушло. Эти таланты помогли проснуться таланту художника, дремавшему в нем с юных лет.

Вот что написал Виктор о себе, о своем пермском периоде жизни для виртуальной галереи «От и До»: «К живописи меня привело одиночество и болезненно экзальтированное восприятие мира. Художником театра и кино стал по необходимости от безденежья. Огромное влияние оказали на меня такие мастера кисти, как Анатолий Зверев, Юрий Кононенко, Юрий Лапшин и другие. Повлияли на мировоззрение и «бульдозерная»

выставка у метро Беляево, и выставка графики на Малой Грузинской в Москве. Активный период был в Перми на протяжении 15 лет. В тех краях бытует много мифов и легенд, а также возник целый ряд ярких городских символов. Чего только стоят потрясающие воображение деревянные скульптуры «Спасители и Святые Апостолы», сотворенные коми-пермяками!

Мне было легко распознавать их, я был человек со стороны и всё улавливал свежим взглядом...»

В одном из интервью пермского периода жизни Наймушин говорит о творческих переживаниях на своих полотнах, посвященных родному пермскому краю: «Это корни. А корни – это всегда дорогое. И то, что происходит в родном крае, – это всегда драгоценно. Может, эти ценности важнее для осмысления, чем всё остальное».

Известно, что человеку для того, чтобы нечто изобразить, нужны масляные краски, колонковые или щетинные кисти и холсты. И всё это в наше время безумно дорого. А Наймушин от безденежья начал писать недорогими акриловыми красками на упаковочных картонах и листах оргалита, что находил во дворах. Иногда попадались брошенные баннерные рекламные щиты, ткань которых Виктор натягивал на самодельные подрамники.

Живописные работы Наймушина множились, с каждым разом удивляя меня и его поклонников своими идеями и смыслами, порой явными, но иногда в закодированной форме. Его картины порой ироничны, в некоторых сквозит юмор или сарказм, но есть такие, что наполнены философскими размышлениями. И вместе с тем, сюжеты его картин как бы поверху покрыты некой пленкой мистериальности бытия.

*Стефан Садовников
(Окончание на стр. 40)*

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвиг
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

чл.-кор. РАН, д.и.н.
И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Ярославль)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
С.М.Тенятников (Москва)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
Е.И.Шупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ: 620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке живопись В.Наймушина: (1) «Вагон»;
(4) «Уральские скрепы от Михаила П.».
Подписан в печать 28.02.2024.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

12+

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Несколько размышлений об общественном транс-
порте в отдельно взятом городе.

Поразмышлять на эту тему сподобил случай, ког-
да, возвращаясь из командировки, я не без труда на-
шла нужный мне номер троллейбуса, просидела в
нем на вокзале более 40 минут, прежде чем он выехал
на маршрут.

Транспортная реформа в Екатеринбурге идет
уже почти десять лет. В каждый ее этап вкладыва-
ются деньги, пассажиры ждут реальных улучшений,
которых на практике не происходит. На первом этапе
разработчики под руководством зарубежного «спе-
циалиста» предложили более чем вдвое сократить ко-
личество маршрутов. Представьте, у вас в квартире
было два крана с холодной водой — в кухне и в ван-
ной, а остался только один, но напор в нем увеличили.
И вам приходится бегать мыть посуду в ванной, зато
не надо прокладывать трубы до кухни, да и управ-
ляющей компании считать потребленную воду ста-
нет в одной трубе удобнее. А вам? Дальше реформа
шла под руководством москвичей. Они предложили
не маршруты сокращать, а количество единиц транс-
порта. Хорошо, когда на метро можно доехать в лю-
бой район города, а когда ты ждешь троллейбус 45
минут, то пешком получается быстрее. Правда, не до
каждого района можно пойти пешком, и с тяжелой
сумкой, или по какой другой причине наматывать
километры ногами просто нереально. Два крана вам в
квартире оставили, вот только вода из них почти пе-
рестала бежать. И никакие информационные стенды,
датчики температуры внутри салона и даже новые
машины (что само по себе и хорошо) не помогут пас-
сажирам добраться до своих мест быстрее, чем пеш-
ком. А однажды «специалисты» взяли и поменяли но-
мера, по их выражению — «ввели сквозную систему
нумерации». Теперь трамваи только с 1-го по 24-й, за
ними троллейбусы с 25-го по 39-й, ну а потом авто-
бусы. Кстати, вот уже полгода большинство машин и
вагонов ездят под двойными табличками, иначе ни-
кто не понимает, что это за маршрут и куда он идет.
Такое экзотическое новшество рождает закономер-
ный вопрос: «А зачем?» Оказывается, ответ на него
есть: «Многие люди не могут отличить троллейбус от
трамвая, а по номерам им проще будет ориентиро-
ваться, на каком виде транспорта они едут». Я поду-
мала: «А много ли в моем окружении людей, которые
автобус от трамвая не отличают?» — Ни одного!

Так для кого же вводятся эти новшества...

Вот и поразмышляла.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСТИ

№ 2
(202) 2024
февраль-март

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Стефан Садовников</i>	
Наивно-волшебный театр художника Виктора Наймушина	1, 40
<i>Александр Юдин</i>	
Чухломская быль	4
<i>Владимир Шкерин</i>	
Шурф	13
<i>Александр Крамер</i>	
Рассказы атеиста	26
<i>Олег Чебыкин</i>	
Кусочек сыра	32
<i>Галина Щекина</i>	
Лепестки	35
<i>Александр Муленко</i>	
Птицы, прощаясь, летели мимо	41
<i>Екатерина Ивушкина</i>	
Рассказы	58
<i>Наталья Румарчук</i>	
Волга-волга	68
<i>Андрей Сальников</i>	
Рассказы	76
<i>Евгения Васильева</i>	
Погода разлуки	80

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничейвой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ЧУХЛОМСКАЯ БЫЛЬ

Русь опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,
Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Александр Блок

Александр ЮДИН

Автор романов
«Византийские каникулы»,
«Талисман империи»,
«Бикинский тупик»,
«Остров Сладулин»,
«Золотой лингам»,
«Пасынки бога».
Неоднократно
публиковался в российских
и зарубежных журналах
и сборниках.
Живет в Москве.

Несколько лет тому назад автору этих строк довелось работать в архиве городской библиотеки города Чухломы. И вот там, среди залежей совсем ветхих изданий и старых документов мне на глаза попала зеленая папка с тесемочками, а в ней – кипа исписанных листов.

Листочки были желтые, в «лисых» пятнах, а рукописный текст – с ятями, ерами, фитами да ижицами, то бишь писан, очевидно, до орфографической реформы восемнадцатого года. Я, понятно, заинтересовался, стал читать. И что же? Хотя начало рукописи отсутствовало – думаю, был утрачен лишь самый первый лист – по всем приметам выходило, что эти листки – неизвестное письмо писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского, адресованное Владимиру Ивановичу Далю.

Как известно, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Павел Иванович Мельников, он же – писатель Андрей Печерский, автор эпической дилогии «В лесах» и «На горах», был коротко знаком с создателем «Толкового словаря живого великорусского языка» и даже три года жил в его московском доме на Большой Грузинской. А впервые познакомились они еще в Нижнем Новгороде.

По ходу чтения я пришел к выводу, что, судя по многочисленным поправкам и помаркам, мне в руки попал черновик. Само же письмо, как мне думается, так никогда и не дошло до адресата. Черновик датирован не был, но поскольку речь в бумагах шла об изыскательской поездке Мельникова-Печерского в эти места по поручению тогдашнего министра внутренних дел

Тимашева, мне без особого труда удалось установить, что описываемые автором события относятся к лету 1869 года. Хотя само письмо писалось спустя год после той поездки. А, возможно, и позже. Содержание этого неотправленного письма настолько поразило мое воображение, что...

Впрочем, лучше прочтите его сами, вот оно:

«...Всей душой надеюсь, что и вы, любезный мой Владимир Иванович, в столь же добром здравии ныне пребываете. Но вернемся к приключившейся со мною поистине диковинной истории. И хотя в прожитом времени много было мною видано, много слышано и немало такого знаемо, что весьма немногими знаемо, эта история стоит особняком в силу ее особенной удивительности. При всем том смею вас уверить в ее полной правдивости. Во всяком случае рассказ мой коснется лишь тех событий, которые сам видел и про которые сам слышал. А как вам, Владимир Иванович, ведомо, Бог дал мне хорошую память, и где я ни был бы, что ни видел, что ни слышал, всё твердо помню. И когда вздумается мне про то писать – пишу по памяти, как по грамоте, согласно старинному присловью. Коли изложение мое не стройно окажется – простите покорно, но представляя, что стало мне известно, не смею дозволить себе для большей стройности изложения что-либо переиначивать. Так вот, продолжаю.

Из Нижнего я выехал двадцать первого июня вместе с моим старинным приятелем Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым. Вам он также хорошо известен. Помните, в свое время вы

весьма высоко оценили его статью о современном состоянии русской исторической науки в «Московском обозрении» за 59 год?

Пропускаю дальнейшие не относящиеся к моей истории события и перехожу... (это неоконченное предложение было зачеркнуто). Когда мы с ним были в Урене, у самой границы Вятской и Костромской губерний, на постоялый двор, где мы остановились на ночлег, прискакал посыльный с запиской от капитан-исправника Чухломского уезда Ивана Андреевича Кокорина. В той записке исправник писал, адресуясь ко мне, что, как ему стало известно, что я нахожусь здесь по прямому указанию Александра Егоровича Тимашева с поручением провести изыскания о состоянии дел в северных губерниях, так он настоятельно просит посетить его уезд, поскольку-де в одной из деревень Алешковской волости творятся большие неполадки: завелись там, якобы, некие сектаторы – не раскольники и не хлысты, коими в Заволжье никого не удивишь, а какая-то вовсе неслыханная секта; и творят те сектаторы всякие безобразия и даже похищают для своих ритуальных целей местных девок. А продолжается-де это уж неведомо сколько лет – издавна, только прежнее полицейское начальство это всё под сукно прятало, а он – Кокорин Иван Андреевич, хочет оное непотребство вытащить на свет божий и пресечь. Но человек он на должности новый, опыта не достаёт, при этом немало наслышан о моих прежних успехах в борьбе с расколом и ересями, о ревностном исполнении служебного долга и неумолимой суровости, с каковой я приводил в единоверие керженские и чернораменские скиты, а потому обращается ко мне с просьбой оказать помощь и содействие в расследовании, дабы изобличить фанатиков-изуверов, привлечь их (следующие два слова были вымараны) и прочая.

После ознакомления с сей запиской, мне на память поневоле пришел рассказ (весьма недурной кстати, а вот название поза-

был) Алексея Феофилактовича Писемского, пропечатанный лет пятнадцать или более назад в «Современнике». В нем тоже ведется речь о таинственных пропажах девок, приписываемых народной молвою лешему. Причем действие, помнится, разворачивалось именно что в Чухломском уезде! На поверку же разъяснилось, что всё это пустяки и виновник пропаж не в меру сластолюбивый барский управитель. Итак, изначально достоверность полученных сведений вызвала у меня серьезные сомнения. Тем не менее, я тут же собрался и немедленно выехал Константинополя же Николаича оставил за себя в Урене.

И вы меня, Владимир Иванович, знаете: мог ли я устоять, услышав про неведомую и дотоле неизвестную мне секту? Да и вправду ли я был исключать возможность существования оной? Уж с какими нелепыми, небывальными и изумительными сектаторами не доводилось мне сталкиваться за годы службы! Чего стоят те же хлысты или скопцы, я уж не говорю про морельщиков, детоубивателей, самосжигателей, шелапунов и многих-многих других, обитавших и донныне обитающих в Брынских лесах нижегородского и костромского Заволжья. Признаться, польстило мне и сделанное исправником упоминание о прежних моих заслугах и победах. Хотя за службу те далеко не всем пришлось по нутру. Керженские беглоповодцы, к примеру, иначе как «сыном пагубы, отступником Христовым» меня не именуют, говорят, что я-де знаком с чертями и при моем появлении гаснут свечи. В тех местах по сию пору ходит про меня одна легенда: дескать, когда я ночью увозил из Шарпана икону Казанской Богородицы – великую их шарпанскую святыню, то на плотине у речки Белой Санохты, под Зиновьевом, вдруг ослеп. И хотел, устранившись, тут же бросить ту икону в реку, но дьявольским наущением отвращен был от этого; зато потом мне от дьявола же зрение возвратилось. Вот ведь оно как! Вам ли, друг мой, не знать какая это суцая ерунда,

сколь далеко это от истины. Да, я всегда был и остаюсь врагом религиозного фанатизма, аскезы и начетничества (оба последующих предложения автор перечеркнул). Впрочем, я, кажется, вновь вдался во многоглаголанье, а по сему спешу вернуться к предмету настоящего письма.

Опуская подробности поездки, перехожу сразу к встрече с исправником Иваном Андреевичем Кокориным, каковая состоялась в назначенном им месте – в деревне Филино Алешковской волости Чухломского уезда. Иван Андреевич оказался мужчиной в летах, но помоложе меня – лет этак сорока с гаком, представительной наружности и статного сложения. Он с первого погляда произвел на меня самое благоприятное впечатление: в прошлом боевой офицер, участник трагической для нас Крымской войны, на груди – медали за оборону Севастополя и за усмирение недавнего польского мятежа (последняя – из светлой бронзы – порадовала меня особенно), значит, побывал в переделках; речь обстоятельная, манеры исполнены достоинства. В общем и по всему, человек на этой должности не случайный. В становой квартире, где ожидал меня капитан-исправник, присутствовали помимо него также местный преподаватель – тонкий да звонкий, седой как лунь старец с козлиной (последнее слово вычеркнуто) с жидкой бороденкой, какие обыкновенно изображают у китайских мандаринов; еще дюжий рябой дед с отечным лицом и востроглазый мужик лет тридцати с кудрявой русой шевелюрой.

– Имею честь представиться: чухломской земский исправник Кокорин Иван Андреевич, – отрекомендовался исправник. – Спасибо, Павел Иванович, что не оставили мою просьбу без внимания. Это вот, – исправник указал на преподавателя, – отец Зосима, священник церкви Ильи Пророка села Верхняя Пустынь, он здесь на правах старожилы, хранителя, так сказать, преданий старины глубокой, ну и от духовных властей. А эти господа, – кивнул он на осталь-

ных, – представители уездной полиции, которые, так сказать, сопричастны и, гм... будут полезны. Вот здешний хозяин – становой пристав...

– Степан Звонов, – просипел рябой детина, распространяя вокруг злой водочный дух. И зачем-то добавил: – Не имеющий чина, из чухломских мещан.

– А этот вот, сотский Ефим Турусов. Он местный, филинский и сможет засвидетельствовать, поскольку всё, так сказать, на его глазах...

– Точно так-с, вашбродь, – потряхнув кудрями, подтвердил сотский.

Перезнакомившись таким образом, мы сели чаевничать. Стол уж был накрыт.

– Ну что же, Иван Андреич, рассказывайте, какая такая диковинная секта у вас завелась, – спросил я исправника, – которая девок уводит. Между прочим, личность последней похищенной известна?

– Известна, Павел Иванович, как неизвестна, – несколько смущенно подтвердил исправник. – Впрочем, полагаю, правильнее, если про нее вам расскажет пристав Звонов, как лицо изначально владеющее всеми, так сказать, деталями... Докладывай, Степан!

– Слушаюсь, ваше высокобродие! – вскочил пристав.

– Ты, Степан, чаю что ли похлебай, – поморщился исправник, – а то несет, как из бочки. Нехорошо, братец, право нехорошо.

– Чай нам не по нутру, – пробурчал пристав, переминаясь с ноги на ногу.

– Известно! Было бы винцо поутру. Тогда пожуй чего-нибудь, вон хоть баранку. И садись, не на плацу же.

– Да, давайте без церемоний, – поддержал я. – Время дорого – пропал человек, а мы политеся разводим.

Пристав послушно пихнул в рот баранку и продолжил с набитым ртом:

– Пропадающую зовут Настасьей Теляевой, девка неполных семнадцати лет, тутошняя она, филиновская. Пропала четверо суток назад. Сегодня только сыскалась...

– Как сыскалась? – не понял я.

– Сама воротилась, – пояснил пристав.

– Стало быть и пропажи никакой нет? Может, и с сектой та же история?

– Так ить она не целая воротилась.

– Что значит «не целая»? Надругались что ль над нею?

– Про это самое ничего не знаю, поскольку девка не в себе сделалась, полоумная. А не целая потому как у ней три пальца – мизинец, средний и безымянный – на правой руке напрочь откушены.

– Откуда известно, что именно откушены? – уточнил я. – Может, отхватила серпом, топором отяпала или еще как?

– Таково заключение земского доктора Колокольского, который осмотрел ее по моей просьбе, – вставил исправник.

– Сама-то как объясняет? – спросил я.

– Говорю ж, вашбродь, не в уме девка. Бормочет что-то про «чудь белоглазую», которая ее в Чудьгору утащила, и там, в той Чудьгоре, двое суток держала. А она оттель как-то сама сбегла, а после еще двое дён плутала по лесу, ягодой да грибами питалась, покудова не вышла к соседней деревне Чурилово. Еще бает про чудско-го божка Кузю, которому-де ее в жены там уготовили.

– Вы же понимаете, Павел Иванович, – вновь вступил в разговор исправник, – что не стал бы я вас беспокоить из-за какой-то пропавшей девки. Не столичному же начальству эдакими делами заниматься. Тут важно, что не первая она такая. Как я вам и писал, тут действует стародавняя и притом тайная секта.

– Давайте по порядку и с самого начала, а то мы этак до сути никогда не доберемся, – предложил я.

– По порядку вернее, – согласился исправник. – Тогда предлагаю следующий порядок: пускай сначала пристав Звонов изложит обстоятельства нынешнего похищения Настасьи Теляевой, а сотский Ефим дополнит, как и отчего. А после того отец Зосима

расскажет, что в здешних местах известно про секту (или кто там эти лешие?), пояснит, так сказать, предысторию вопроса. Я же со своей стороны представлю обстоятельства, ставшие мне известными по ходу следствия.

– Давайте так, – согласился я. – Только я хочу после сам ту Настасью допросить.

На том и порешили. (Далее был густо вымаран целый абзац; я не стал его разбирать, а перешел к следующему)

Но я уже вижу, Владимир Иванович, что письмо мое стремительно превращается в беллетристический рассказ и едва ли не в духе Эдгара Поэ, а посему, дабы не затягивать повествования, изложу своими словами содержание дальнейшей беседы, а также того, что поведала мне девица Настасья, которую я допросил в тот же день.

Со слов пристава Звонова и сотского Ефима выходило, что Настасья Теляева пропала с 23 на 24 июня, аккуратно в ночь на Иванов день. Вы, Владимир Иванович, знаете, что купальскую ночь во многих местностях Заволжья по сию пору празднуют, несмотря на очевидно языческий характер этого праздника. Как ни старалась церковность истребить всякие остатки языческой обрядности, много обломков древней старорусской веры доселе сохраняется в нашем простонародье. Вот и Настасья отправилась на закате с подружками на речку Вексу жечь костер, купальные травы да банные веники собирать, ну и в Вексе купаться, понятное дело. Пошла, а назад не вернулась. Подружки божились, что была она с ними до последнего; и они только тогда ее хватились, как засобирались по домам; искали и кликали до самых петухов, потом вернулись с мужиками, но всё попусту – Настя как в воду канула. Да только в той речке Вексе не утонуть – больно мелка и омутов рядом нет. Думали разное: заплутала в лесу, лихого человека встретила, а то мог медведь заломать, в чухломских лесах их пропасть.

А утром, в день моего приезда, ее бесчувственной нашел пастух,

в березняке у поля, что возле деревни Чурилово, в пятнадцати верстах от Филино. Вместо сарафана на ней дерюга драная, сама с ног до головы исцарапана, точно через ежевичные кусты напрямки ломилась, и трех перстов на правой руке не хватает. Уже дома – а жила она без матери, со вдовым отцом, мужиком непутным, запойным, который даже и в поисках дочери не участвовал, а все дни провалялся пьяным – маленько прочувствовавшись, Настасья поведала, что когда она с другими деревенскими девками купальные травы собирала, позвал ее из лесу, из-за сосенки, некий голос, ласковый такой, шепотливый, вроде женского, по имени позвал: «Подь-ка сюды, Настасьюшка, подь, голуба-душа, глянь-кось, чего у меня есть для тебя». Девка сначала поостереглась, хотела подружек кликнуть, а голос снова: «Ты только не говори никому: у меня от матушки твоей гостинец, как помирала, горемычная, наказала передать тебе на Иванов день, во купальску ночь». Осмотрелась Настасья: костер весело горит, потрескивает, луна, от реки отражаясь, ярко светит, вокруг видать всё, ровно белым днем, да и подружки вот они, рядом, в речке плещутся, песни поют. Чего бояться? Она и зашла за сосенку-то. Зашла, глядь, никакой женщины там и нет, а стоят три мужичка: дробные, ниже ее ростом, бородами по самые глаза поросли, а глаза – белые, белые, только зрачки угольками чернеют. Скумекала тут Настя, что это ее чудь белоглазая заманивает, хочет своему богу Кузе в жены отдать. Дернулась прочь, да куда: сзади ей руки-ноги обхватили, повалили наземь, на голову мешок или что другое нахлобучили; она девок на помощь звать, да сквозь мешок не больно покричишь, а за смехом девичьим и песнями купальскими те, видно, не услышали, а тут ей рот зажали и уволокли в лес. Тащили долго, она все брыкалась, норовила вырваться, убежать, тогда похитители сделали остановку, всю ее с головы до пят лыками обвязали и дальше понесли.

Очнулась она в какой-то каморке без окон, вроде чулана; лежит она, развязанная уже, на свежей соломе, вдоль стен – не то каменных, не то глинобитных, не разобрать – толстые сальные свечи горят, будто в храме на двенадцатый праздник, а супротив нее, у самого изголовья, на корточках, по-татарски, сидит дед: страшный, желтый, тощеватый такой, но без бороды – лицо скоблёное, а на глазах стеклышки, «как у фершала», только синие. И принялся тот желтый дед ее уговаривать да началить, чтобы вела себя послушно, делала всё, что ей велят, и тогда-де будет ей счастье великое: примет ее бог Кузя в законные жены, и станет она как сыр в масле кататься – в золоте ходить, в руках серебро носить – ни в чем отказа иметь не будет. Ну а ежели супротивиться или того хуже – бежать удумает, то вовек уж белого света не увидит. И ставит перед ней липовую плошку, по виду с кашей, только вроде как с грибами, и строго так велит: «Ешь! Кузя до тощих девок не охотник». Настя не посмела перечить и поела той каши. А как поела, разморило ее шибко и на сон потянуло. Долго ли спала, коротко ли, она не знает, только как очи размежила, видит, старуха над нею склонилась – чистая Яга! Горбатая, простоволосая, лохмы седые до пупа висят, нос в подбородок упирается, а изо рта три зуба щерятся. Проскрипела та карга что-то не по-нашему и ткнула узловатым пальцем в большую бадью с водой, которую, видно, пока Настя спала в камору притащили, и руками эдак показывает, дескать, полезай мыться. Девка поначалу головой крутила, но ведьма как зашипит на нее, точно кошка бешеная, Настасья, делать нечего, скинула с себя сарафан и залезла в бадью. Ведьма сама ее помыла жестким мочалом, выскоблила ровно чугунок, едва кожу не ободрала. Настасья, ничего, вытерпела и это, напугана была шибко. После мытья старуха забрала ее сарафан, кинув взамен дерюжку, чтобы наготу прикрыть, и принесла ей снова плошку с грибной кашей, а сама

скрылась в узкой дыре, что зияла в стене узилища этого, и в которую только в три погибели согнувшись можно было залезть. Тут уж девка смекнула, что каша та сонная и не стала ее есть – вывалила на пол да соломой прикрыла.

Через несколько времени после слышит – шаги; не будь душой, притворилась она спящей, а сама поглядывает из-под ресниц. Заходят трое: давешний желтый старик со стекляшками, а с ним двое белоглазых, лядащие, ровно сморчки лесные; встали над нею и давай что-то на своем тарабарском наречии балакать. Желтый старик на нее показал и говорит: «нейжне», а те давай причмокивать: «чёма, чёма, чёма». Потом сдержнули с нее дерюжку и принялись всю ее ощупывать, как кобылу на ярмарке. Настасья и это стерпела, хоть и жутко и срамотно ей то было. Желтый дед запалил пук каких-то сухих духовитых трав и обкурил им спящую. От запаха тех трав – тяжелого да горького – Настя едва снова не впала в забытье. Наконец, чудь ушла, девка же, выждав сколько-то, вскочила, намотала на себя кое-как дерюгу вместо сарафана, лыками для крепости обвязалась да и полезла в стенную дыру. За ней обнаружился лаз вроде норы, по которому двигаться можно было лишь на четвереньках. Долго она по нему ползла, коротко ли, девка не запомнила, только постепенно проход стал расширяться, и вот уже она смогла встать и идти в полный рост.

Вдруг слышит девка впереди глухие ритмичные удары, будто кто в полулю колоду тукает, а потом и голоса различила. Голоса те пели что-то не по-нашему, то стихая, то поднимаясь до визга, как на хлыстовских радениях. Настя было затаилась, хотела уже назад повернуть, да прислушалась: вроде пение не приближается, и решила – крадучись двинулась далее. Голоса поющих меж тем становились всё громче, явственнее; а потом Настасья увидела впереди свет, только не дневной, а будто сполохи от костра по стенам пляшут.

Пройдя еще сколько-то, увидела девка, что лаз уходит дальше на подъем, но в его правой стене зияет отнорок, уводящий вглубь. Из этого-то отнорка и идет свечение и голоса слышны. Заглянула она в ту дыру и видит: крутые ступеньки ведут вниз, в пещеру, а там – костры горят и чуди видимо-невидимо. С полста бородатых карлов с смоляными факелами в руках беснуются, поют непонятное, в самой же середке на высоком каменном топчане сидит голый мужик – огромный, ровно медведь, дородный, дебельный; телеса его сплошь какими-то черными полосами да завитушками изрисованы, башка выскоблена, как яйцо, аж отсвечивает, рожа носатая да толстогубая от жира лоснится. В правой ручище у него кость белая, перед ним, промеж кривых ног, большой медный котел стоит, сверху вроде как кожей обтянутый; и лупит тот детина по котлу костью, как в бубен, а чудь в лад тем ударам подскакивает да подвывает.

Потом, смотрит Настасья, сквозь толпу чуди пробираются давешний старик в синих стекляшках и карга простоволосая, что ее в бадье купала, и волокут под руки бесчувственную нагую девицу, лишь веночек из болотных кувшинок у ней на голове, а на теле живого места нет: всё исцарапано, в кровоподтеках и страшных укусах – как застарелых, так и свежих; местами прямо куски мяса выхвачены, словно ее свора голодных собак погрызла. Тут детина на ноги вскочил и принялся еще шибче по котлу лупить, а уд срамной у него, как у семенного быка перед случкой – дубина дубиной. Девка та голая очнулась и, увидав куда ее тащат, ну голосить дурным голосом; вдруг – откуда силы взялись – вырвалась, да наладилась прочь бежать. И вот только она лицом-то повернулась, Настасья враз признала в ней Агафью – старшую дочку старосты Пантелея, которая два года назад аккуратно в эти же июньские дни сгинула, и про которую мир решил, что она от отцовской строгости с отходниками в город подалась. Однако ж теперь далеко

убежать ей не дали: щипками да шлепками погнала ее чудь обратно к той образине с бубном. А бугай отшвырнул прочь кость и как ухвтит Агафью за волосы, наземь как швырнет, сам-от сверху на нее как кинется, и давай ее, горемычную, катать да валять по всей пещере.

Долго он так с нею тешился, Настасья же видела всё это и, оцепенев от ужаса, даже и пикнуть боялась. Вдруг леший этот в горло девке, как волк лесной, вцепился и – ну грызть, ну грызть с урчанием утробным, аж кровь во все стороны брызнула! Та ногами эдак мелко-мелко задрыгала и обмякла. Тут он заревел, точно сохатый по осени, коленями грудь Агафье придавил и обеими ручищами хватить ее за голову. А чудь еще более в раж вошла: скачут все, факелами машут и орут: «Рикта! Рикта! Рикта!» Бугай поднатужился да и оторвал девке башку, ровно куренку какому; потом за волосы голову вздернул, раскрутил да и метанул через всю пещеру прямо Настасье под ноги. Тут уж та не сдюжила – в крик и прочь бежать что есть мочи. А чудь, с воем да вигом истошным, следом.

Себя не помня, добежала Настя до выхода из той норы, наружу сунулась, а там, под ногами – склон едва не отвесный, вот она и замешкалась чуток. Обернулась проверить, далеко ли погоня, а прямо за спиной бугай этот разрисованный стоит, на нее уставился буркалами своими. Морда вся в крови агафьиной, взгляд тяжелый, мертвящий, как у аспиды, аж ноги у девки отнялись – хочет бежать, а шелхнуться не может. Подняла она кое-как руку, дабы крестное знаменье сотворить, он оскалился – зубищами кляц – и скусил ей три пальца на правой длани напрочь, ровно стручки гороховые. Настасья от боли назад прыгнула и – кубарем под гору. Удивительно, как руки-ноги не переломала, пока с горы той катилась. Ну а потом двое или трое суток по чащам да болтом скиталась, покуда к людям не вышла. Чудом от чуды спаслась, не иначе. Ведь в лесу те инородцы, надо полагать, как дома себя чув-

ствуют. Видно, Бог упас...

Вот такую историю поведали мне пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов, а капитан-исправник со своей стороны дополнил некоторыми подробностями. Примерно то же, только короче и сбивчивее, поскольку пребывала в жару и едва не бредила, после рассказала мне и сама Настасья Теляева.

Настоятель церкви Ильи Пророка отец Зосима в целях прояснения обстоятельств изложил нам историческую подоплеку нынешних событий, каковая свелась к следующей легенде: в стародавние времена, задолго до Иоана Грозного, жил-де в этих местах народ чудского племени. Были те инородцы закоснелыми идолопоклонниками, и шла про них слава, как о чародеях и волхвотелях изрядных. Из-за белесых, почти прозрачных глазных радужек, прилепилось к этому племени прозвание «чудь-белоглазая». Когда же пришли сюда оседлые русские люди, не вынесла чудь соседства с православным христианством и всем скопом – с бабами и детишками, ушла под землю – в Чудь-гору, где обретается и поныне. И якобы молится эта чудь-белоглазая своему живому богу, именем Кунинагазс, которого наш простой народ переименовал на свой манер, прозвав Кузей. А еще, рассказал Зосима, совсем недавно – каких-то полсотни лет назад, здесь в округе черемиса обитала. Несмотря на то, что числились черемисы воцерковленными и православными, однако ж, скорее, по форме. По правде же, как полагал отец Зосима, продолжали коснеть в язычестве. Как бы то ни было, немало их селений тут стояло, и вот эти-то черемисы, почитая себя данниками чуды, ежегодно в ночь на Ивана Купала приводили к подножию Чудь-горы девку своего племени и оставляли там на ночь, а белоглазые под покровом темноты из своих нор выходили и забирали уготованную жертву, как считалось, в жены подгорному богу. Но шло время, и постепенно поселения черемисов безлюдели (очень возможно, не последнюю роль в их

оскудении сыграл как раз сей изуверский обычай), пока лет пятьдесят назад не опустели под корень. Долгое время после того всё тихо да покойно было, как вдруг где-то лет двадцать тому назад стали из деревень Алешковской волости пропадать молодые незамужние девицы. Хотя и не каждый год такое случалось, но всякий раз – накануне или вскоре после купальских гуляний, а частенько и в самую Иванову ночь. Понятное дело, по деревням в народе пошел слух, дескать, это чудь-белоглазая озорничает. Да только земство, как волостное, так и уездное, никаких мер на сей счет не принимало, почитая подобные слухи проявлением народного невежества. Про губернское начальство и говорить нечего. А еще по словам отца-настоятеля упомянутая Чудь-гора, в недрах которой те язычники вместе со своим живым богом схоронились, находится в заповедных чащах здешних алешковских лесов, и в погожие дни ее поросшую дремучими елями вершину даже и из Филино видать. Но ходить туда никто не ходит – боятся.

Однако же, как вы, Владимир Иванович, наверное, догадываетесь, история этим не закончилась. Ведь земский исправник меня не для того за столько верст зазвал, чтобы я выслушивал старинные сказки. Надо было теперь решить, какие должно принять ввиду случившегося меры. Я предложил было, не мешкая, снарядить полицейскую экспедицию к той Чудь-горе и на месте удостовериться насколько соответствует истине древнее предание, а равно есть ли правда в рассказе самой Настасьи Теляевой. Но пристав с сотским в один голос убедили меня, что сей прожект не исполним, поскольку гора та велика и обширна, дебрями лесными покрыта и целого полка солдат не хватит, чтобы всю ее обшарить, даже если до осени искать станем. Стоит отметить, что сотский Ефим вообще настроен был весьма скептически и остальных призывал не верить Настасье на слово, дескать, та «колокол льет» и следовало бы ее «примерно наказать и вся недолга». Впрочем,

пристав Звонов быстро его пресек, заметив, что сотский клепает на девку со зла, потому как затаил на нее личную обиду, и Ефим тут же стушевался.

Что ж, принялись мы наново судить да рядить, как вдруг Степан Звонов по столу рукой хлопнул и говорит: «На живца, ваши высокобродия, ловить надобно!» В ответ на наше общее недоумение, пристав предложил следующий хитроумный план. «Помнишь, Ефим, – обращаясь к сотскому, начал он, – как два года назад, аккуратно перед самой пропажей старостиной дочки, случай был с девкой Акулькой, ну рыжая которая?» – «Это на Аграфену Купальницу-то? Когда бабы на закате из бани возвращались? Помню, как не помнить, – отвечал Ефим Турусов. – Так ить она не пропадала. Так, напужалась только». – «Это верно, – кивнул Звонов. – А после рассказала, что когда ломала в березняке банные веники, поотстав маленько от остальных, видит, в ореховом кусте бородастый мужичок-недомерок сидит – страшный, белоглазый, а потом, глядь, еще двое таких из-за пня вылезли и к ней подбираются. Обомлела она со страху, да тут на ее счастье бабы вернулись и белоглазые сгнули, как в воду канули». – «Мирские пересуды, – пожал плечами Турусов. – Бабы они завсегда так: на супрядках аль у колодца зачнут языками молоть... Что их слушать?» – «Рассудлив ты, Ефимка, не по годам, – заметил пристав. – Заладил одно, как со рока Якова. А я вот про что: после того случая девки поостереглись и не пошли ночью, как заведено, костры жечь и в Вексе купаться, а потому Иван Купала без потерь минул. Да только всё одно, через четверо суток, в ночь на Петров день пропала Агафья, филинского старосты Пантелея дочь. Я к тому веду, что раз Настёне удалось из Чудь-горы сбежать, белоглазые наверное станут пробовать ей замену найти, видать не может их бог долго без бабы обходиться. Вот и следует нам подsunуть чуди новую невесту. Отведем ее в лес, поближе к Чудь-горе, а сами в за-

саду сядем. Так и накроем этих изуверов». – «Кто ж из деревенских решится на такое? – усомнился исправник. – И вправе ли мы рисковать невинной жизнью?» – «Никакого особого риска, ваше высокобродие, – заверил пристав. – Ефим у нас опытный охотник, на медведя не раз хаживал, и я ружьишком балуюсь, а про вас и говорить нечего. А решится кто? Да, вон, хоть та же Дунька Тараканова! Она за мзду малую хоть к черту в пекло согласная». – «Тараканыха? – ухмыльнулся Ефим. – Из Чурилова которая? Да, эта может. И горевать, если дело не сладится, по ней некому: ни сродников, ни свойственников – сирота. Только польстится ли кто на эдакую, больно рылом погана».

Опуская дальнейшие споры-разговоры, скажу сразу: после долгих обсуждений и сомнений все, кроме разве отца Зосимы, который, ввиду позднего времени, покинул нас раньше, сошлись на том, что лучшего варианта, нежели предложенный приставом Звоновым, нам не придумать. И уже на следующий день вся наша компания: ваш покорный слуга (разумеется, я настоял на своем участии в сей авантурной экспедиции), исправник Кокорин Иван Андреевич, становой пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов, пробиралась по лесу в направлении пресловутой Чудь-горы. Впереди, на изрядном от нас удалении, но в пределах видимости, шествовала упомянутая Дуня Тараканова – рябая, неуклюжая, как ступа, зато здоровенная девка, которая действительно без особенного труда позволила себя уговорить за пять рублей серебром. Сотский с приставом были при ружьях, мне исправник выдал однозарядный пехотный пистолет старого образца, сам же вооружился шестизарядным французским револьвером Лефорше. «Трофейный, с Крымской войны», – пояснил он.

Когда мы вышли к подножию Чудь-горы, стало смеркаться, и все согласно постановили дальше сегодня не ходить, а обустроить засаду здесь. Развели на небольшой луговине костер, а Дуньке ве-

лели у огня сидеть да песни петь, чтобы ее издали слышать было. Пристав дал ей фляжку с водкой – для сугреву и для смелости, а мы соорудили себе по обе стороны от той полянки шалашики, укрыли их еловыми лапами и в них схоронились. В одном я с сотским застался, а в другом – исправник с приставом. Лежим, ждем. А Дуня из фляжки отхлебывает да знай себе поет про свое, про девице:

Сахаринка на полу,
Не ленива – подниму.
Сахар съела, песню спела,
Целовать дружка хотела.
Дударь, мой дударь молодой,
Самодударь мой, дударь молодой.
Ты играй, играй, дударик на дуду,
Я, младшенька, плясать пойду.

Я, чтобы как-то скоротать время, тихонько перешептывался с Ефимом и, между прочим, высказал сомнение в успешности нашего предприятия, которое всё более и более представлялось мне чистойшей аферой, заметив также, что на «невесту» нашу разве медведь позарится. «Как знать, вашбродь, – пожал широким плечом сотский, – как знать. Предыдущая-то, Агафья Пантелеева, тожа не принцесса была – левый глаз слепой, бельмастый, да и хроменькая... Ей ведь двадцать пятый годок шел – перестарок, никто сватать не хотел. А высидеть мы здесь ничего не высидим, в этом я с вами согласный. Бабы сказки всё это, про чудь-белоглазую, про бога Кузю. Я так себе разумею: с полюбовником Настька сбежала, из соседней деревни, али с купчиком каким заезжим, да что-то у них, видно, не заладилось. Может, прибил он ее и прогнал от себя, вот она и блажит». Между тем Дуня затынула пещальную, с причитаниями песню:

Нерамно жа муж достанется –
Ой, либо вор да горький пьяница,
Либо старый пёс удушливой,
Да либо ровнюшка да недружливой
Уж я старого да утешила бы,
Среди полюшка ой повесила бы
Да на тонкую-то осинушку,
Да я на самую-то вершинушку,
Вот вершинушка ой да качается,
Да мой старый пёс болтается.

Уже настал вечер, высота небесная потускла, и заискрились на ней бледные звездочки, но Луны видно не было. Теплый воздух наполнили благовонные запахи ночных трав, в небе то и дело вспыхивали зарницы. «Курить страсть охота, – прихлопнув на шее комара, вздохнул Ефим, – да нельзя, Иван Андреич заругает». Я попросил сотского рассказать мне о всех прошлых случаях подозрительных исчезновений окрестных девок. К слову, Владимир Иванович, народный говор в Чухломском уезде отличается значительным своеобразием. Если в прочих местностях Костромской губернии, со всех сторон, окружающих чухломские земли, окажут, то здесь произношение московское, на «а», и аканье выражено даже явственнее, резче, нежели в Первопрестольной. Пока мы так шептались, у нашей фальшивой невесты, вероятно, под влиянием содержимого фляжки, настроение изменилось. Задорно гикнув, она запела:

Пошла Катенька горошек молотить,
Ее некому за ой-ой-ой схватить,
Вот нашелся парень бравый, молодой,
Привалил ее к овину головой.
Заголяет он пестринный сарафан,
Вынимает кукареку с волосам...

«Ух, зазорная девка, – усмехнулся в усы сотский. Но вскоре обеспокоился: – Чего она песню-то оборвала?.. Сползать, разве, вашбродь, посмотреть?» Однако раздавшийся следом шум, треск и придушенный дунькин крик заставили нас всех вскочить на ноги. Кинулись мы к костру, глядим, у нашей Дуни на плечах повисли два мужика – в вывернутых мохнатых тулупах, мелкорослые, лохматые – чисто лешаки, а третий такой же – ей на голову мешок нахлобучил и уже вокруг шеи веревку вяжет. «Не стрелять! – крикнул исправник. – Девку зацепите!» Тут Тараканиха поднатужилась, поднапружилась, на ноги поднялась да обоих поганцев с себя стряхнула, ровно котят, а тому, что ее веревкой вязал, так поддала коленом в грудь, что он

улетел прямиком в костер. Разом потемнело – не разберешь, где кто. «Хватай, вяжи нехристей! – вновь скомандовал исправник. – Уйти не дай пога...» Не договорив, он с руганью схватился за колено и рухнул наземь. А в следующий миг в нас со всех сторон полетели увесистые булыжники. Один из камней просвистел у самого моего виска. Я упал в траву, но успел разглядеть между окружавших поляну деревьев смутные невысокие фигурки, которые, раскручивая что-то над головой, метали в нас камни. Подняв пистолет, я выстрелил в одного из них, но, кажется, и близко не задел. Остальные тоже принялись палить в сторону леса, но фигурки врагов то появлялись, то исчезали во мраке, так что стрельба велась наугад, почти вслепую. Тем временем целая толпа лесных жителей накинута на Дуню. Облепив девку, как мураши гусеницу, они повалили ее и стремительно уволокли в чащу, покрывавшую Чудь-гору до самой макушки. Обстрел тут же прекратился.

Осторожно поднявшись на ноги, я осмотрел поле битвы: исправник сидел, держась за разбитое колено, а пристав Звонов, опершись о ружье, смотрел куда-то вниз и сокрушенно охал. Было ясно, что наша засадная экспедиция окончилась полным фиаско. «Где Ефим?» – спросил исправник. «Здесь он, – ответил пристав. – Кажись, кончается». Я помог Иван Андреевичу подняться, и он с моей помощью кое-как допрыгал до пристава. У его ног мы увидели сотского; он лежал с окровавленной, похожей, проломленной головой и был без сознания. Пристав склонился к нему, прислушался: дышит. «Девку надо идти спасать, пропадет, – заявил исправник. – Только как быть с Ефимом?» «Куда вам, ваше высокобродие, идти, – возразил пристав. – Я эту кашу заварил, мне и расхлебывать, а вы тут Ефима постерегите». Иван Андреевич поначалу заартачился, но я решительно поддержал Степана, заметив, что надо спешить, а исправник с его разбитым коленом будет нам лишь в обузу. Как

человек трезвомыслящий, тот вынужден был согласиться и отдал мне свой револьвер, сам же взял ружье сотского.

Пристав обмотал палку берестой и соорудил себе факел, я же получил от исправника масляный фонарь со стеклянной, предохраняющей от ветра, колбой, который тот с военной предусмотрительностью захватил с собой. Снарядившись таким образом, мы отправились в погоню, благо, земля сохранила явственные следы волочения дородного дунькиного тела, а тут еще Луна взошла нам в помощь. Однако не прошли мы и ста сажений, как след оборвался. Шарили мы со Степаном, шарили – всё без толку: нигде ни единой веточки не поломано, а под ногами – толстый слой нетронутой хвои. «Чертовщина, – ворчал пристав, – не сквозь землю же они провалились?» Тут-то меня и осенило: именно что под землю! Воротились мы к тому месту, где след обрывался, и стали тщательно всё вокруг обыскивать. «Нашел!» – через несколько времени крикнул Степан, обнаружив под корнями кряжистого тысячелетнего дуба квадратный лаз, надежно скрытый зарослями папоротника и уводящий куда-то в непроглядную тьму, в недра Чудь-горы. Я полез первым, Звонов Степан – следом.

Стены лаза были укреплены бревнами, поддерживающими бревенчатый же настил. Высота его составляла не более полутора аршин, поэтому двигаться пришлось по-собачьи, на четвереньках. Факел Степана потух, да в столь узком проходе он бы только мешал, и путь нам освещал лишь тусклый свет масляной лампы. Сколь долго мы так ползли, не знаю, мне тогда показалось, что целую вечность и я уж, грешным делом, стал подумывать не поворотить ли назад, как вдруг впереди забрезжил свет. Я задул фонарь и сделал знак Степану, чтобы не шумел. Лаз вывел нас в галерею, по которой можно было уже идти в рост, хотя и пригнув голову. Через каждые пять-шесть сажений в выложенных из необработанных камней стенах крепились

глиняные плоски, заполненные неким жиром с плавающими в нем горящими фитильками. Где-то через версту мы очутились перед развилкой: левый проход был освещен, правый же уводил в чернильную тьму. Мы прислушались: слева явственно доносились голоса и глухие ритмичные удары, и мы свернули туда.

Шагов через полста галерея уперлась в стену, в которой зияла расщелина; из нее-то и слышались голоса и удары. Протиснувшись в щель, мы очутились в обширной пещере, и нашим глазам открылась следующая поразительная картина. Под сводами пещеры, по всей ее окружности, на равном удалении были проделаны отверстия, через одно из которых мы и проникли внутрь; от тех проходов крутым уступом шли ступени, спускавшиеся к овальной площадке, вроде арены, как в античном амфитеатре. Всю арену и часть ступеней заполняла возбужденная толпа чуди – мужчины, женщины и даже дети; многие держали в руках смоляные факелы. В центре арены на каменном возвышении восседал жирный толстопузый урод – натуральное чудовище: исполинского роста, лысый, голый, разукрашенный по телу черными рисунками, как это делают американские индейцы и некоторые наши сибирские инородцы. Глубоко запавшие глаза его, под тяжелыми, как кузнечные оковалки, надбровными дугами, казались парой черных угольков, источавших некое темное свечение. Кошмарный облик дополняли мощные выступающие челюсти при совершенном отсутствии подбородка. «Полно, да человек ли это?» – невольно усомнился я. В левой руке он держал белую кость, весьма походившую на берцовую человеческую, и равномерно колотил ею в стоящий перед ним медный чан, а окружавшая своего живого бога паства, помавала факелами и речитативно, с подвываниями пела: «Кунингазс! Кунингазс! Мейде Кунингазс, сьонд Кунингазс! Кунингазс-мадо!»

А у подножия каменного возвышения лицом вниз лежала наша

Дуня. Одежда с нее была сорвана, руки связаны за спиной; спину и бедра испещряли кровавые царапины и укусы; она не шевелилась. Неужто, мы опоздали, и беззаконная жертва уже принесена? Я, честно признаться, совершенно растерялся, что делать далее, как поступить. Выстрелить в чудище? Но в моем револьвере оставалось четыре патрона... Даже помятуя о ружье пристава, что это против целой толпы чуди? Они же нас просто растерзают! Однако пока я так мучился сомнениями, Степан, недолго думая, вскинул ружье да и выпалил в чудского бога. Под сводами что-то заворчал, точно в ненастный день перед громовым раскатом, и сверху дождем посыпались мелкие камешки. Когда пороховой дым рассеялся, стало видно, что примолкшая чудь оборотилась и вся смотрит на нас, а по груди восседавшего на каменном троне чудовища сбегает алая струйка крови. Но вот страхолюдный исполин медленно, как ни в чем не бывало, поднялся во весь рост и вперил горящий взор свой в Степана. А потом оскалится, поднял руку и молча указал ею на пристава. Не знаю, что послужило причиной дальнейшему: колдовская ли сила взгляда чудского божества или иное что, только пристав безвольно уронил ружье и как зачарованный пошел по ступеням вниз, прямо в лапы чудища. Я ухватил Степана за плечо, но тот, не оборачиваясь, вывернулся из моих рук и ускорил шаг. В совершенном отчаянии я послал две пули в треклятого Кузю, а потом дважды выстрелил вверх. Страшный грохот сотряс пещеру... И начался адкромешный! Земля у меня под ногами содрогнулась, и огромные глыбы стали рушиться со сводов прямо на головы побежавших во все стороны людей чудского племени. Всё заволкло густыми клубами, из которых доносились отчаянные вопли, звуки ударов, стоны. Я увидел, как каменный обломок размером с телегу рухнул и придавил собою чудского бога. В тот же миг, словно избавившись от наваждения, Степан Звонов пришел в себя, и мы вместе кинулись

к Дуньке. Пристав разрезал ее путы, перевернул на спину и приложил ухо к груди: жива! Вдвоем мы подхватили бесчувственную девку под руки и, уворачиваясь от продолжавшегося камнепада, поволокли к выходу из подземелья. Бросив взгляд назад, я заметил торчащую из-под каменной глыбы руку чудовища – она была шестипалой... (далее в письме снова были густо вымараны два абзаца).

Не стану досаждать вам рассказом, как мы выбрались из Чудь-горы, как воротились в Филино – всё это мало относится к сути моей истории. Скажу только, что сотский Ефим, нас не дождавшись, отдал Богу душу, а мы с приставом Звоновым и едва могущим передвигаться, опершись нам на плечи, капитан-исправником кое-как дотащили Дуню Тараканову до становой квартиры, препоручив там обоим доктору Колокольскому.

Само собой, я отправил Александру Егоровичу Тимашеву подробный доклад о сем происшествии, да только ходу ему дадено не было. Сколь мне известно, доклад засекретили и упрятали в архив по личному настоянию обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Дмитрия Андреевича Толстого. Последний, якобы, выразился в том роде, что мало нам сраму перед просвещенной Европой от всяких саможигателей да скопцов, так тут еще хотят секту людоедов на суд мирской вытащить. Помимо того, огласка сего доклада может-де породить враждебность великороссов в отношении инородческого населения Российской Империи. Короче сказать, история была, как у нас водится, упрятана под сукно и забыта. Однако ж этим она не закончилась.

После тех событий уж год минул, а мне случившееся всё не давало покоя, не отпускало. Летом сего года пришлось мне побывать в Ляхово – имени моей жены; оно верстах в восьми от Нижнего. Старый господский дом ныне в полном запустении, вот и решился я наново отстроить родовое гнездо. А там, в Ляхово, запала мне мысль

съездить в Алешковскую волость, провести станowego пристава Звонова да разузнать у него, какие последствия имела наша прошлогодняя кампания. Я уж знал, что капитан-исправника Кокорина вскоре после того в отставку ушли (между прочим, колено его срослось худо, он так и остался хромым. Вот ведь, согласитесь, каприз Фортуны – две войны прошел невредимым, а тут...), Степан же по-прежнему исполнял свои обязанности. Сказано – сделано.

К моей досаде, станowego застать на месте не удалось – тот был в разъездах. Тогда решился я навестить несчастную Дуню Тараканову. По понятной причине, в ее отношении я чувствовал себя виноватым, хотя и не моя была та идея, сделать из нее подсадную утку. Дунька как и прежде жила в соседней деревне Чурилово, в покосившейся избенке у самого леса. Встретила она меня радушно, едва ли не как своего спасителя (хотя я того и не заслуживал) и рассказала, что дня через два после ее вызволения из чудского плена исправник с приставом организовали целый поход к Чудь-горе, однако ж пользы из того не вышло. Правда, нашли они ту поляну и даже тот самый дуб, под которым нам лаз открылся. Вот только лаз оказался накрепко забит глиной и камнями, будто его там от века не бывало. Пробовали мужики другие тайные проходы в Чудь-гору сыскать, да без толку – так ни с чем в Филино и воротились. «Как ты, Дуняша, сама-то живешь?» – поинтересовался я. «Да как, барин? – заметно поскуцнев, ответила Дуня. – Ни девка, ни вдова, ни мужняя жена». Тут из кутного угла послышался детский плач. «Это что ж, дитё у тебя? Мальчик или девочка?» – спрашиваю. «Сынок», – отвечает. Заглянул я за занавесь, а там в деревянной колыбельке и впрямь здоровенький такой карапуз. «Сколько ему?» – снова спрашиваю. «Четвертый месяц пошел». Мальчик, увидав мать, стал просить грудь, протягивая ручонки. И что-то мне неладно показалось... Присмотрелся внимательнее – с нами крестная сила!

– левая ладошка младенца – о шести пальчиках...

Вот и вся история, дорогой Владимир Иванович. Согласитесь, из нее вышел бы замечательнейший рассказ, да кто решиться такое напечатать, даже если изменить все имена и самое место действия? Полагаю, никто и никогда. А сейчас меня терзает сомнение, стоит ли даже и сие письмо доверять бумаге и вам отправлять? Опасюсь, не доставит ли оно вам какие неприятности? По здравому размышлению – не стоит.

Как бы то ни было, остаюсь вечно вам преданный А.П.»

Дочитав рукопись до конца, я поначалу решил, что это и не письмо вовсе, а черновик неизвестного рассказа Печерского. Не случайно же Павел Иванович подписал его начальными буквами своего литературного псевдонима – «А.П.», то есть Андрей Печерский, а не настоящими инициалами... А если так, тогда вся история – плод писательской фантазии, и не более.

Однако, изучив вопрос глубже, я выяснил, что письма к Далю Мельников всегда подписывал своим литературным псевдонимом, потому как именно Владимир Иванович Даль этот псевдоним для него и придумал. И потом, зачем бы тогда автору использовать имена-фамилии реальных людей? Я проверил: все упомянутые в письме лица подлинные – от министра Тимашева до земского исправника Кокорина. Конечно, нельзя исключить, что Мельников-Печерский планировал впоследствии сделать из этой истории рассказ либо повесть... Впрочем, окончательное разрешение этого вопроса я оставляю за читателем.

ШУРФ

Владимир ШКЕРИН

– Буйрун! Буйрун! Буйрун!
Из Турции пора было выбираться. Или убираться. Вопрос заключался не в формулировках, а в том, где раздобыть денег для такой ретирады.

– Что я тут делаю? – переспросил Александр, сидя на корточках на набережной аналитийского городка, выкрикивая этот самый «буйрун» и отгоняя веером назойливых мух от разложенных на невысоком столике сладостей: засахаренных орехов, халвы и рахат-лукума. Веер был старый и дырявый, зато на нем возлежал султан в окружении толстых и веселых одалисок. – Что делаю? Ну, например, разрабатываю план, как рассорить кемалистов с советскими большевиками. Похоже?

– Ах, вот оно что! – ухмыльнулся Дерк и без спроса взял со стола пару орехов. – А я-то уж опечалился, что нужда принудила тебя торговать всякой всячиной.

– Эй-эй! – Александр замахнулся на него мушиным веером. – Хочешь, чтобы меня побили бамбуковой палкой?

– Точно побьют? Тогда я поем еще и халвы.

– Ненавижу тебя!

Но хозяин сладостей, хромой Сахип, уже спешил к ним, подпрыгивая на каждый шаг, путаясь в широченных шароварах, стуча тростью и громко бранясь.

Так Александр потерял работу.

– Ты нарочно это сделал? – спросил он Дерка.

– О, да! Сколько ты тут получал? Горсть курушей? Разве этого хватит, чтобы добраться хотя бы до Стамбула? А я не хочу, чтобы ты навечно застрял в этом городишке и вконец испортил мою репутацию у добрых его обитателей.

– Репутацию! – с чувством повторил Александр и сплюнул.

– Я предлагал тебе стоящую работу, приятель.

– С каких это пор мошенничество называется работой?

– Какие словеса! А когда я просто давал денег, чтобы ты убрался отсюда?

– Знаешь ведь, что в долг у тебя не возьму.

– В долг? Разве я похож на простака, который даст в долг человеку без работы, жилья и без нормального паспорта? Я предлагал тебе деньги без отдачи.

– Иди ты вместе со своими деньгами!

Городок плавился под сентябрьским солнцем и желобами каменных улочек стекал в море. Далеко было до зимних ветров и дождей, далеко. Смуглые мужчины цедили кофе, дымили плохими папиросами, метали кости и двигали фишки на досках древней игры тавла. Пышнотелые женщины в платках до самых сурьмленных бровей и в платьях до пят или в таких же шароварах, как у Сахипа, плавно несли на плечах медные и глиняные кувшины. Цирюльник с глазами-маслинами, водрузив плетеный из ивовых прутьев стул в ажурной тени

Рисунки автора.

балкона, мылил и скреб черные щеки какого-то матроса, мылил и скреб. Большие светло-рыжие собаки кланчили еду, насытившись же, ложились животами на горячие мостовые и блаженно замирали. В мареве и печном дыму плыли над черепичными крышами два белых минарета, ближе к порту вздымалась кирпичная труба паровой мукомольной фабрики наследников почтенного Хаджи Мехмета.

Теперь здесь жили турки, до них – армяне, еще раньше – эллины и бог весть какие еще полустертые со страниц истории племена. От армян осталась обезглавленная церковь, от греков – вросшие в землю мраморные колонны. Но не было в череде народов, оставивших на этом побережье изглоданные ветрами мраморы и стерегущие небо минареты, ни англичан, ни, тем паче, русских. А между тем Дерк Шеффилд был истый

брит, выпускник Оксфордской медицинской школы, имевший довольно денег, чтобы вести жизнь бездельника и авантюриста. Помотавшись по миру, он купил в этом городке дом, старый армейский автомобиль «Рено», синий катер и однажды сам привез сюда этого русско-го, от которого теперь пытался избавиться. Бывший поручик и недоучившийся студент Александр Горский попал в Средиземноморье как охранник некоего графа, но, будучи изгнан без расчета, застрял тут без дела и денег. С Шеффилдом он ругался, разумеется, по-английски и лишь на последней фразе перешел на свой родной и британцу недоступный язык.

– Года три назад, во Владивостоке я работал портовым грузчиком, – обронил Александр, когда они проходили мимо причала, на котором белые-белые люди таскали мешки с мукой

вверх по сходням на черный чумазый пароходик. – Потом служил кочегаром на итальянском сухогрузе. Не знаешь, куда идет это корыто?

– Не получится, – охотно заверил Дерк. – Ни грузчиком, ни кочегаром. Тут кругом свои люди. Да и корыто это направляется не в Европу, а в Бейрут.

– Уверен?

– Это маленький порт. Корабли отсюда ходят только на Кипр и в Бейрут. И все знают, куда и кому отгружает продукцию здешняя мукомольня.

Александр немного подумал и безнадежно соврал:

– А еще в ту пору мне случилось поколачивать английских моряков.

– Джентльмен желает боксировать? Это его утешит?

Александр развернулся к противнику всем корпусом.

– Послушай, Дерк! Сегодня ты лишил меня куска хлеба и

миски мерджимек чорбасы – чечевичной похлебки. Можешь считать, что прожил день не зря. Так что избавь меня от дальнейшего малоприятного общения.

– Ай-ай, – Дерк сокрушенно покачал головой. – Ай-ай! Какого же ты, русский, поганого мнения о нас, об англичанах. А я как раз пришел предложить тебе работу мечты. Место садовника в саду Эдема. Звали меня, но я решил, что тебе нужнее.

– Работу лучше, чем у хромого Сахипа?

– Хуже найти мудрено, приятель.

– Излагай!

Рассказ Дерка уложился ровно в то время, которое потребовалось, чтобы дойти до его дома. Доктору философии по классической археологии из Оксфордского университета Сидни Роллер удалось получить финансирование на проведение разведки на руинах городища, предположительно принадлежавшего королевству Олба. Что за королевство такое? Небольшое древнее королевство на южных склонах Таврских гор. Может, и не королевство, так как правила в нем не короли, а жрецы.

– Храмовое государство, – подсказал Александр.

– Пусть будет храмовое государство. Недоучкам виднее.

– Не отвлекайся. Дальше.

Дальше от Дерка досталось олбанским жрецам, уповавшим на силу молитв, а не оружия и потому платившим дань оливковым маслом, виноградным вином и корабельным лесом сначала Селевкидам, а после Риму. Дань, впрочем, была весьма умеренной, масла, вина и леса хватало и для ведения морской торговли. Проблемы начались, когда побережье захватили киликийские пираты и лишили Олбу портов. Пришлось признать королем одного из их капитанов – Ксенофана, после

гибели которого трон унаследовала его дочь Аба, воспитанная в Олбе как жрица. Когда же повздорили два римских вождя, Марк Антоний и Октавиан, королева поставила на Антония и проиграла. Став императором, Октавиан покончил с автономией Олбы и включил ее земли в состав римской провинции Исаврия.

– И что нужно от меня доктору философии?

– Услуги по твоему профилю.

– Неужели по профилю историка?

– Боже упаси! – гоготнул Дерк. – По профилю офицера и телохранителя. Все-таки женщина одна в глубинах Азии. В стране, где аэропланы бомбят повстанцев, низвергаются правительств и лютуют трибуналы. Земная твердь и та трясется.

Александр хотел было спросить, как бы он мог защитить от землетрясений, но вырвалось иное:

– Женщина? Как – женщина?

– И даже две женщины. Мы почти пришли. Потерпи еще мгновение, и на все твои дурацкие вопросы ответит сама Сидни Роллер.

Дом Дерка стоял на краю городка, на отшибе, но в отличие от других здешних неряшливых строений был белый, двухэтажный, каменный, с черепичной крышей и узкими деревянными балкончиками. У невысокой ограды, сложенной из оранжевых ноздреватых глыб, был припаркован зеленый «Рено». Это был почтенный агрегат, отслуживший во французском экспедиционном корпусе, битый, поцарапанный, в двух местах прошитый пулями. Дерк недорого приобрел его у какого-то турка, в свою очередь поживившегося при эвакуации двадцать первого года. Александру живо представилась поджидавшая их в доме сморщенная учена

грымза с репейным взглядом, бескровными губами в ниточку и непременно рыжая, ибо англичанка. Характер, разумеется, невыносимый, иначе Дерк этого места ему бы не уступил.

Угадал он только цвет волос. Доктор Роллер оказалась рыжей. Восхитительно рыжей. Поток золотистой бронзы лился на круглые плечи. Глаза цвета морской волны при таких волосах были еще одним дьявольским искушением. Лицо женщины светилось нездешней белизной, было понятно, что прибыла она на побережье недавно, может, день или два назад. Длинная льняная рубаха цвета светлого хаки и холщовые брючки по щиколотку облегали зрелые формы. Лет ей было, видимо, под сорок, хотя он никогда не мог похвастать точностью своих догадок насчет женских возрастов. Но когда тебе самому двадцать пять, еще есть время всему научиться.

– Ну, и кто этот прокопченный молодец?

– Сидни, это Алекс. Александр, это Сидни, – скороговоркой представил Дерк и плюхнулся в жалостно скрипнувшее плетеное кресло. – Алекс будет верно служить Сидни, если Сидни будет щедро платить Алексу.

– Прошу прощения, но... – попытался встрять Александр.

Доктор Роллер взмахнула рукой, словно саблей рубанула:

– Послушай... Алекс! Хочешь у меня работать, так вот тебе первое задание. Чеси на базар, там найдешь Эмму, мою ассистентку. Полагаю, что легко отличишь ее от здешних аборигенок. Купите с ней продукты на пару дней: картошку, огурцы, хлеба, какого-нибудь мяса. Рыбу не берите: дорого и протухнет быстро. Можете взять арбуз в честь нашего с Эммой приезда. Впрок не набирайте, на месте возьмем дешевле. В общем, помощи как носильщик и консультант. Ступай!

Откровенно говоря, Александр пока не решил, хочет ли он работать у рыжей стервы (насчет характера он, кажется, тоже угадал). И сумма вознаграждения не была оглашена. Да еще это задание: пойди, отыщи незнакомую девчонку...

– Иди, иди, приятель, – подбодрил его Дерк. – Мимо Эммы не пройдешь.

Местный базар был просто пустырем, раскинувшимся неподалеку от белого дома Дерка. На этот пустырь два раза в неделю – по четвергам и воскресеньям (а в тот день был именно четверг) съезжались окрестные поселяне. Они вонзали в сухую каменистую почву длинные сучковатые жерди, к верхушкам которых привязывали полотнища самых разнообразных расцветок и степеней ветхости. В созданной таким образом рукотворной тени расставляли деревянные лотки или же расстилали на земле другие полотнища, на которых выставляли свои немудреные товары: фрукты, овощи, мясо, рыбу, недорогую одежку, обувь и посуду. При желании и некоторой настойчивости можно было отыскать и кое-что из оружия. Ибо каждый любящий турецкий отец считал себя обязанным подарить своему отпрыску на совершеннолетие ржавый пистолет.

Сегодня над базаром висел особенно густой «буйрун», причиной которому была свежая жертва – европейская девушка, белая лицом и платьем, очевидно, не искушенная в знании здешних цен и обычаев торговли. Плечи у нее были, пожалуй, широковаты, ростом она была почти с Александра. Тем трогательнее смотрелась ее подетски пухлощекая мордашка. У нее были излишне широко посаженные голубые глаза, излишне вздернутый нос и губы бантиком. Еще сохраняя дистанцию, глядя на девушку со сторо-

ны и как бы невзначай, он уже был вынужден себя одернуть: «Отставить розовые сопли, поручик! Задание состояло в том, чтобы обнаружить и доставить барышню к начальству по возможности совокупно с картошкой, мясом и арбузом, а не прожить с ней долгую совместную жизнь и помереть в один день».

Александр разомкнул кольцо особо настойчивых торговцев и сказал:

– Мисс... Извините, мне известно только имя: Эмма. Я не ошибся?

– Есть грешок: Эмма это я, – кивнула девушка, разглядывая Александра без малейшего беспокорства, с одним только любопытством. – А ты кто?

– Александр Горский. Кажется, буду в экспедиции кем-то вроде телохранителя.

– Телохранителя? – нарасспев повторила Эмма, поднимая брови удивленно и насмешливо. – Чьего же тела хранителя, позвольте полюбопытствовать. Едва ли моего. А для другого тела вроде и хранитель намечался другой.

Ого! Язычок у Эммы, очевидно, был заточен остро. Голубые глаза смеялись, глядя из-под белого поля шляпки и каштановой челки.

– Другому телу захотелось обсудить что-то с другим хранителем, – принимая ернический тон собеседницы, ответил Александр. – Поэтому меня и отослали.

– Это старая история, – кивнула Эмма.

– Следовало догадаться.

Продавцов раздосадовал приход Александра: они его знали как человека без денег, он их – как людей без чувства меры. Закупка провизии состоялась по среднебазарным ценам. Обрато к дому Дерка Александр тащил две тяжело нагруженные сумки. Эмма шла, прижимая к животу, арбуз, отчего выгибалась спину и

двигалась немного по-утиному. Солнце палило нещадно.

– Не пойму, телохранитель, какой ты нации.

– Русский. Служил в армии, воевал с большевиками. После учился в Праге, на историко-филологическом факультете. А телохранитель... – Александр смутился. – Подряжался один раз, да и то не особо удачно.

– Стало быть, еще один коллега. Я подозревала, что с тобой не всё так просто.

Александр поднял и опустил плечи. Насколько это позволили сумки.

Дерк копался в моторе своего «Рено», что-то там чистил и смазывал.

– Привет тебе, дивная Эмма! – закричал он, взмахивая промасленной тряпкой как батиновым платком. – Саям, понашему. Вижу, у тебя новый грузовой ишак? Подходи, посплетничаем. А ты, горемыка, ступай в дом условия контракта с шефом обговаривать.

Доктор Роллер восседала на длинной софе под окном, закрытым деревянными жалюзи, и что-то строчила вечным пером в блокнот. На столике, на краю глиняной пепельницы дымилась сигарета. Впервые внимательно оглядев Александра с головы до ног, она указала двумя перстами на противоположный край софы:

– Обойдемся без предисловий, – заявила она, как только Александр сел. – Мистер Шеффилд отказался помочь экспедиции, но на ближайший месяц отдает нам свой драндулет. Клянется здоровьем королевы-матери, что ты справишься с работой шофера и вообще... Ты ведь понимаешь, Алекс, что в экспедиции нужен мужчина.

Кажется, Александр неосторожно ухмыльнулся. Рыжая нахмурилась.

– Нам предстоит произвести зондирование культурного

слоя на одном древнем городище. Иными словами, выкопать шурф – яму площадью в двадцать квадратных ярдов. Придется нанимать землекопов из местных и следить за ними. Задача не для женщин. Во всяком случае, здесь так не принято. Обсудим вознаграждение. Дерк рассказал о твоей проблеме. Экспедиция продлится месяц, после чего я готова оплатить твой проезд до Праги и выдать некоторую сумму на карманные расходы.

Очевидно решив, что предложение сформулировано достаточно ясно, Роллер замолчала и сосредоточила взгляд своих чудесных глаз на Александре.

– Я все-таки офицер с боевым опытом и... – попытался он поднять цену.

Роллер отложила бумаги и встала. Распрямылась словно стальная пружина.

– За один месяц это достойная оплата. К тому же все твои рекомендации – это ручательство Дерка, которое, как выяснилось, немногого стоит. Так что, если ты согласен, считай себя принятым. А если нет, убирайся к черту!

– И чего я не знаю?

– Ты знаешь достаточно.

– А по поводу твоих отношений с Сидни?

– Это моя старая знакомая. Еще по Оксфорду.

– И, вероятно, очень близкая знакомая. Судя по тому, как она психует.

– Это тебя не касается.

– Не уверен. Мне с ней работать. Что если доктор философии узнает, что ее старый знакомый грешен по части подделки археологических артефактов?

– Шантажируешь своего благодетеля?

– Шантажист – чем не парашошенику?

– Ну, раз так просишь... Я был студентом-медиком, она – ассистенткой сэра Уильяма Рамзи, первого в Оксфорде профессора классической археологии. Он поручил Сидни найти, кто бы помог разобраться с останками из одного разоренного массового захоронения. Там была каша из костей мужских, женских и детских, не говоря уже о лошадиных, козьих и коровьих. Через общих знакомых Сидни вышла на меня. Встретились в каталогах Бодлианской библиотеки. Конечно, я согласился. Мыслимо ли было отказать Сидни? Так я впервые попал с ней и Рамзи на раскопки в Турцию, тогда еще Османскую. Ну, а дальше случилась обычная амурная история, растянувшаяся на несколько лет.

– История, которая, по твоему, уже закончилась, а по ее мнению – еще нет?

– Пожалуй, дальше ты и без меня нафантажируешь. Не стану мешать. И, кстати, насчет Эммы...

– Что насчет Эммы?

– Напомни, чтоб я отрезал ей язык. Сам бы ты ни за что не догадался.

– Удивительно, – сказал Александр, задрав голову и глядя на ряд светло-серых колонн, связанных поверху консолью. – Они ведь не из мрамора, а из цельных кусков гранита. Потому почти не пострадали от времени. Как же древние вырезали колонны из столь твердой породы? Какими инструментами?

Доктор Роллер взглянула насмешливо.

– Кому действительно интересно, тот читает десять книг римского архитектора Витрувия: там всё подробно изложено. А ты иди, следи за нашими диггерами. Жаль, что недостаточно знаешь турецкий, чтобы понимать, о чем они говорят.

– И о чем же они говорят?

– О том, что зарежут нас, как только найдем золото.

– Надеюсь, они шутят? И мы ведь не найдем золота?

– Во всяком случае, специально не ищем. Но сквозь землю никто не видит. Может, нам и повезет. Как Говарду Картеру с Тутанхамом.

Александр вздохнул – то ли горестно, то ли с затаенной надеждой.

– Пошел к диггерам. Можно вопрос напоследок? Что там вырезано на консоли?

– «Орриус, сын Обримуса, и Кирия, дочь Леонида и жена Орриуса, храм богини Тихе посвящают городу», – не поднимая глаз, ответила Роллер. – Тихе – это греческая богиня судьбы, более известная под римским именем Фортуны.

– Я знаю Тихе, – нетвердым тоном заверил Александр.

– Неужели? Значит, не зря Эмма величает тебя коллегой?

Отвечать на колкости шефа было себе дороже. Особенно если твой шеф – женщина. Александр пожал плечами (жест чуждый англичанам) и отвернулся, чтобы уйти. Тогда доктор философии негромко сказала ему в спину:

– И не морочь девчонке голову. От этих романов на раскопах ничего хорошего.

Ах, если бы в тот момент Роллер видела довольную физиономию Александра!

В стороне от колоннады, в живой пятнистой тени грецкого ореха сидела за грубо сколоченным дощатым столом Эмма. Крутила-вертела в руках первые мелкие фрагменты керамики, надеясь склеить из них фрагменты покрупнее. Голову ее венчала шляпка с ярко-красной лентой, каштановые волосы были скручены в короткую толстую косу, на смену романтическому платью пришли широкая белая блуза и короткие брючки.

Феминистский стиль от Сидни Роллер. Рядом с девушкой поблескивал латуню дорогой прибор – теодолит фирмы «E. R. Watts & Sons».

– Привет! – подходя, сказал Александр.

– Привет, коллега, привет!

– Удалось что-нибудь склестить?

– Ты про осколки олбанских сосудов или моего девичьего сердечка?

Александр улыбнулся. Из-за такой вот безответственной игры словами доктор философии и решила, что у них роман. Ему же с Эммой легко и весело. И только.

– Вот что, коллега, больше не называй меня коллегой, ибо это нервирует шефа. Она считает, что я не достоин столь почетного звания, потому что ни черта не смыслю в античной истории вообще и в истории королевства Олба в частности.

– Ну, положим, в истории королевства Олба никто ни черта не смыслит.

– Даже доктор Роллер?

– Она – исключение.

– А профессор Рамзи?

– Старый надутый индюк! Он уверен, что столица королевства находилась не в горах, но на морском побережье. Однако, судя по величине и богатству здешних храмов... А, кстати, что тебе известно об истории Олбы?

Александр добросовестно пересказал то немногое, что слышал от Дерка.

– Версия небезупречна, но за основу принять можно, – вынесла вердикт Эмма.

– Что же в ней не так?

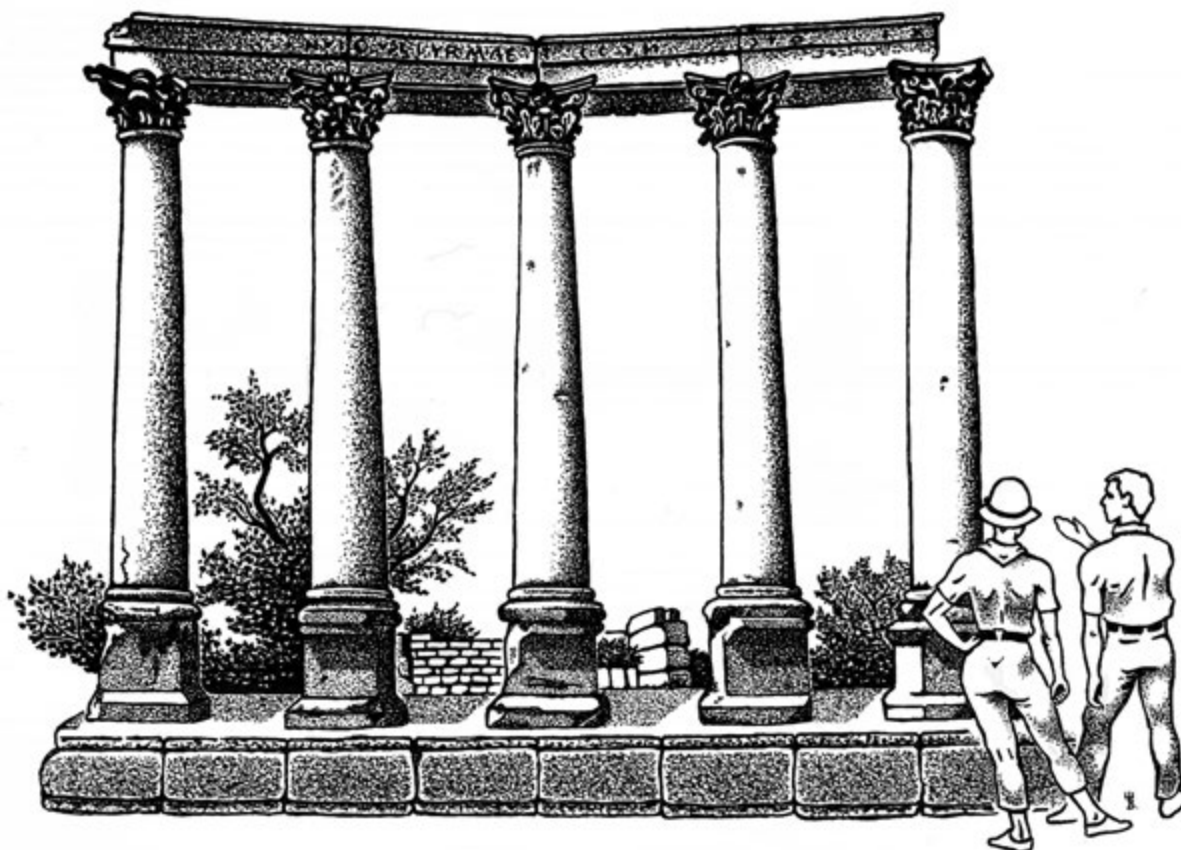
– Ксенофан не был пиратом, поэтому не громыхал по палубе деревянной ногой и не учил попугая сквернословить. Происходил он из знатного олбанского рода. С пиратами якшался, но исключительно в государственных интересах.

– Прощай романтический образ!

– Я не нарочно. Впрочем, роль Ксенофана во всей этой истории не столь уж и велика. Правил он не более трех лет, да и то не ахти как умно. С одной стороны, притеснял олбанских жрецов, с другой, рассорился с Римом, коим тогда совместно правили Октавиан и Марк Антоний. И если Октавиан был далеко, то Антоний заведовал богатыми восточными провинциями, включая Олбу и заморский Египет. Воинственный и скорый на решения и к тому же подстрекаемый жрецами, он выступил в поход. И Ксенофан погиб. Конец первого акта.

– Однако его дочь все-таки стала королевой?

– Не по наследству, но выйдя замуж за главного жреца. Потом чума унесла мужа в царство Плутона и Прозерпины или куда она там уносила олбанцев, сыновья еще были сопливы, и

Аба оказалась как бы единодержавной правительницей.

– Получается, Марк Антоний был повинен в смерти отца Абы. И все-таки в последующем споре Антония с Октавианом она выбрала сторону Антония. Как так?

– Вот так, дорогой коллега, вот так. Логика женская против мужской. Ну, или, в твоём представлении, против логики вообще. Аба даже спасла Антония, когда вероломные жрецы задумали его убить. Папа Ксенофан был мертв, Октавиан в Риме, а Антоний рядом. К тому же у Октавиана была так себе репутация. Ещё молодой, он уже славился холодным расчётливым умом и жестокостью. Имел хилую грудь и нервное расстройство живота. Антоний же – красивый, сильный, с кипучим темпераментом. Потомок Геракла в сияющем на солнце бронзовом шлеме с плюмажем, в бугристом доспехе лорика мускулатура, в багряном палудаментуме, ниспадающем с широких плеч на сильные лодыжки. Пьяница и бабник. За что бы его ещё похвалить? Антоний был вульгарен, как все римляне, зато безупречно говорил по-гречески. Думаю, что Аба была от него без ума.

– Женская логика как основа научной гипотезы? Bravo!

– Коллега, которого высочайше не рекомендовано величать коллегой, изволил язвить? Увы, знакомо! Профессор Рамзи тоже говорит, что женским головам присуща логика, как женским ножкам – брюки. А между тем на его шотландской родине мужчины поныне щеголяют в шерстяных клетчатых юбках.

* * *

Их было шестеро. Шестеро мужчин с тонкими темными лицами и курчавыми бородами, в тубетейках на бритых головах, в мешковатых штанах, перехваченных в талиях широкими

поясами и снизу заправленных в носки, в старых стоптанных туфлях. Они более походили на тех торговцев, что привозили чернослив и финики в родной для него далекий русский город, чем на своих соотечественников из космополитичных приморских городков. Ветхие их одежды пахли дымом великих костров, отмечавших путь далеких кочевых предков из азиатских степей и пустынь в горную западню прекрасной Анатолии. Работать с лопатами, ломанами и кайлами им было привычно, как предкам привычно сжимать рукояти хищных кривых сабель.

Глядя на Александра снизу вверх – из шурфа, они обменивались короткими фразами на своём непонятном языке и белозубо ухмылялись. Он предчувствовал, что стычка неизбежна, но ждал причины. Или повода. Вопрос как всегда заключался не в формулировках. Поэтому почти обрадовался, заметив, как один из землекопов, воровато оглянувшись, сунул что-то в карман своих широких штанов.

– Эй, – крикнул Александр и направил на землекопа указующий перст, словно ствол пистолета. – Эй, ты! Подойди-ка сюда.

То ли по-английски крикнул, то ли по-русски. Мужчины внизу ни того, ни другого языка не знали, но, разумеется, всё поняли. Пятеро побросали работу и уставились на Александра во все глаза. Шестой – тот самый – поглядел только одним глазом, потому что на месте другого у него зияла пустая глазница.

Момент настал. Александр прыгнул в раскоп, подошел, протянул правую руку открытой ладонью вверх. Циклоп дернулся всем телом, отступил на шаг и принялся кричать. Рубаха его распахнулась, открыв впалую медно-красную грудь с частыми каплями пота, блиставшими между завитками смоляных волос. Поперек лица

– со лба на худую щеку, поверх пустой глазницы лиловым червяком вздулся старый шрам. Прочие землекопы одобрительно закивали. Выждав пока циклоп немного утомится, Александр поднял ладонь к его лицу и произнес еще настойчивее:

– Ну...

И тут циклоп сделал то, чего делать не следовало: плюнул на эту ладонь. В следующее мгновение он рухнул плашмя на спину, по-рыбьи зевая в безуспешных попытках ухватить ускользавший воздух. Его товарищи, глухо ворча и сжимая в руках лопаты и кайлы, двинулись на обидчика. Александр обвел их ледяным взглядом и предостерегающе покачал головой. Не надо, мол, не советую. Этого оказалось достаточно: землекопы отступили. Александр присел на корточки рядом с поверженным противником и вывернул ему карманы. На рыжий глинистый грунт выпали: короткая керамическая трубка, кисет, дешевые четки и рядом – три золотых бусины и окислившаяся до изумрудной зелени древняя монета. Осталось лишь переместить золото и медь в свой карман, выволочь воришку из шурфа и тумачком направить в сторону родной деревни.

– Что тут, черт подери, происходит?

Доктор Роллер появилась, словно из-под земли. Ноздри ее трепетали.

– Прогоняю нерадивого работника.

– И только? Кто же дал тебе такое право? Кто наделил полномочиями?

Александр извлек из кармана бусины и монету:

– Воровство нужно пресекать на корню. И не смотри на меня глазами Медузы. Я делаю свою работу.

Роллер забрала находки, но признавать правоту Александра всё еще не хотела:

– Надеюсь, что ради этого стоило рисковать отношениями с местными.

Отвернулась и пошла к своему командирскому шатру из выбеленного солнцем брезента. Александр поглядел ей вслед и подумал, что загар и веснушки очень идут к рыжим волосам. И еще о том, что небо тут такой густой синевы, какой никогда не увидишь в наших северных краях. Ни в Англии, ни в России.

– Я так испугалась за тебя.

– В жизни моей бывали ситуации и опасней.

– Возможно, коллега. Но не у меня на глазах.

Они находились в ближайшем прибрежном городке, куда Александр обычно ездил один. Доктор Роллер выдавала ему османские лиры с затейливой арабской вязью и список нужных для экспедиции продуктов, он парковал «Рено» у лавки толстяка Хамди, напротив лотков с празднично-разноцветными

фруктами, а дальше всё было просто. У лавочника хватало ума не искушать оптового покупателя из-за нескольких зажженных лир. Поэтому он ставил медный чайник с водой на огонь и чайник с заваркой – на чайник на огне, приносил бублик, посыпанный какими-то зернами, и пока Александр вкушал некрепкий чай, насыщал его багажник товарами.

На этот раз переговоры с торговцем были почему-то передоверены Эмме, и Александр остался без бублика. Еще более он удивился, когда, вернувшись из лавки, девушка объявила, что Хамди сейчас уедет и придется его подождать час-полтора.

– Мы что, заказали ему омаров?

– Вроде того. Чем бы ты хотел занять это время?

– Тут неподалеку есть какая-то крепость. Если не возражаешь...

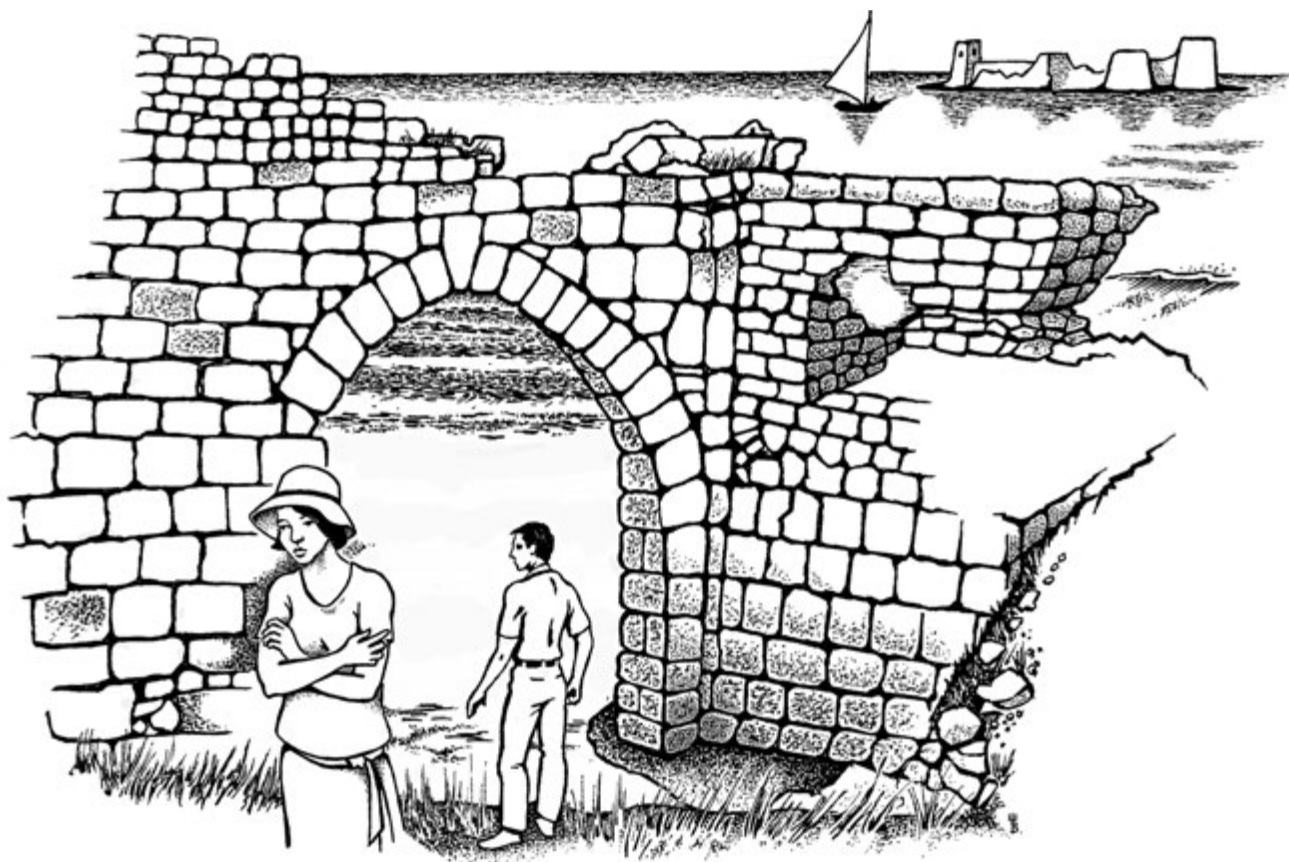
Крепостей там было даже две: одна на берегу, другая – на скалистом островке напротив.

Речь шла, разумеется, о крепости береговой. Когда Александр заглушил мотор под ее стенами, Эмма, взяв на себя роль экскурсовода, повела его бродить по руинам. Внутри, как обычно в таких местах, было безлюдно, в беспорядке валялись белые каменные блоки, росли редкие деревья и вездесущие колючки.

– И это тоже олбанская крепость?

– Не знаю. Если только в самом начале. В источниках она появляется уже как римская. Потом здесь обосновались армяне, но устали сдерживать мамлюков и подарили крепость киприотским крестоносцам. Те презент приняли, а зачем он им – не придумали. Вероятно, поэтому менее чем через сто лет – мгновение в масштабах средиземноморской истории! – тут уже хозяйничали турки.

Крепость располагалась на небольшом полуострове, и когда они забрались на его макушку, море открылось перед ними бесконечной синей далью. Камени-

стая тропа круто сбегала вниз – к высокой белой арке морских ворот. Проход в арку загромождали каменные блоки: вероятно, их пытались, но не сумели вывезти в те времена, когда крепость служила каменоломней. Направо от ворот метров на сто или более в море вдавалась древняя дамба. Еще дальше виднелась островная крепость.

Эмма стояла спиной к Александру – впереди и ниже по склону.

– Этакое пекло, – выдохнула она. – Не хочешь искупнуться?

– Я не взял купального костюма, – легко отвечал он, не думая, что это всерьез.

– Я тоже. Но за этими воротами мы попадем в мертвую зону. Со стороны крепости нас оградит стена, от берега скроет дамба. Нас ниоткуда не будет видно.

У него вдруг перехватило дыхание. Нужно было что-то ответить. Или молча подойти, обнять за плечи, прижать к себе покрепче. В конце концов, это всего лишь летний роман. Остужается разлукой, расстоянием и первым осенним дождиком. Но он молчал и ничего не делал. Стоял, глядел на белый косяк парус: чья-то лодка огибала островную крепость. Еще мгновение – и осталось только море.

Эмма оглянулась.

– Я пошутила, просто пошутила. Не делай такие глаза! – рассмеялась она и носком туфли толкнула камушек вниз по склону. – Вернемся к машине.

Весь обратный путь – до лавки Хамди, из которой Эмма вышла с небольшим матерчатым свертком в руках, и после – до самого лагеря они не проронили ни слова. Лишь когда за очередным поворотом крупная грязно-желтая черепаха едва не угодила под колеса, девушка вскрикнула, схватила правую руку Александра и вонзила в его ладонь острые ногти. Некоторое время они так и ехали.

Эмма давила всё сильнее и злее, пока Александр не решил, что боль стала слишком острой, а дорога слишком горной, чтобы держать руль одной левой.

В лагере, открывая дверцу машины, девушка обронила через плечо:

– Пойдем. Продукты разгрузишь после... Пожалуйста!

Сверток предназначался, конечно, начальству. Распеленав его, Роллер извлекла на свет божий бутылку шампанского с алой полосой поперек потертой этикетки.

– Эмма, ты превзошла мои ожидания! Откуда сей нектар Юпитера?

– Из того же источника, что и драндулет Шеффилда – от оккупационных щедрот. Пройдоха Хамди божится, что купил ее у французского полковника.

– Угу, – кивнула Роллер, продолжая изучать когда-то белую этикетку. – Год, и правда, довоенный.

– Что – хорошее вино? – подавал голос Александр, который всё еще был смущен и потому спрашивал невпопад.

Метнув на него быстрый взгляд, доктор Роллер ответила так, чтобы не столько разъяснить, сколько унижить вопрошавшего:

– Переводя с французского на древнеримский, я бы оценила его ближе к хорошо выдержанному фалернскому и весьма далеко от дешевого албанского. Что ж, дорогая Эмма, преподнесем бутылку ценителю, а уж он, если не тупица или неблагодарная свинья, догадается нас угостить.

– В честь чего бы это? – осведомился сбитый с толку Александр.

– В честь чего преподнесем или в честь чего надеемся на угощение? Впрочем, на оба вопроса ответ один. В честь того, что тебя, Алекс, угораздило сделать важное археологическое

открытие. Жаль только, что не в земле, а в кармане землекопа.

– Золото? – физиономия Александра сама собой растянулась от уха до уха. – Золотые бусины?

– Мимо. Не они. Монета.

– Монета? Тот медный кругляш? И что ж он – дороже золотого аурея?

– Это первая монета с надписью «Olbeon» и профилем королевы Абы. До сих пор никто подобных не находил. Изображение ее украсит страницы всех мировых нумизматических каталогов. Но, еще важнее, что находка этой монеты подтверждает верность наших предположений. Мы на правильном пути. Ура!

– Бахус заждался, – напомнила Эмма, держа в руках оловянные кружки. – Не пора ли, коллеги, воздать ему хвалу? Александр, вы способны откупорить бутылку, не расплескав при этом ее драгоценное содержимое?

Потом все трое сидели на складных деревянных стульях, маленькими глотками пили теплое шампанское и глядели на заходившее над горами солнце. В такой час в Тавре гаснут все краски, кроме золота. Всё теперь и было золотым: небо, горы, окрестные виноградники, древние колонны, дерево грецкого ореха, под которым днями работала Эмма, сама Эмма и доктор Роллер.

– Доктор Роллер, как вы пришли в античную археологию? – умно спросил Александр, потому что молчание Эммы стало невыносимым.

Не повернув головы и даже не шевельнувшись, Сидни ответила:

– Моя любовь к античности, ко всем этим древним камням вспыхнула сразу, озарением. Это случилось в детстве, когда наша семья поехала на минеральные воды в Бат, где я впер-

вые увидела римские термы. Ты бывал в Бате? Это в Сомерсете.

– Я вообще не был в Англии.

– Боже, с кем приходится работать! Кстати, те злосчастные золотые бусины я вернула одноглазому. Он привел десять свидетелей, клявшихся, что это наследство его бабушки. Ни к чему портить отношения с местными. Да и опасно.

* * *

Большую часть рабочего времени Александр проводил теперь не снаружи, а внутри шурфа. Всё реже ходил он по краю раскопа как надсмотрщик, всё чаще брал в руки кайло или лопату и гнул спину бок о бок со своими копателями. Работа была неторопливая и тщательная, поэтому физически не изматывала. Больше сил отнимало жаркое средиземноморское солнце, беспощадно палившее в самую макушку. Едва в земле мелькало нечто инородное – белый кусочек мрамора или рыжий осколок керамики, Александр менялся местами с очередным диггером и пускал в ход более деликатные инструменты – металлический совок, нож или метелку. Иногда его усердие выглядело чрезмерным, и доктор Роллер по этому поводу молча посмеивалась, а Эмма не упускала случая поупражняться в острословии:

– Уважаемый коллега, ты накопал столько черепицы, что ее хватило бы на кровлю Британского музея. Жаль только, что вся битая.

Копатели обращались к нему сперва с почтительным холодком – «бей-эфенди», потом, выучив имя, стали величать Алекс-беем, а однажды он услышал от старшего из них, седого Джемала, обращение «аркадашым» – друг. Это случилось, когда Джемаль решил объяснить, что они не одобряют поступка односельчанина, одноглазого Эрхана. Объяснял,

показывая грязным пальцем то на глаз, то на рот, то на ладонь, закатывая зрачки и сокрушенно качая посеребренной головой, но в целом получилось понятно.

В одном из углов шурфа вдруг густо пошли кусочки толстого и непрозрачного цветного стекла. Роллер предположила, что это фрагменты мозаики – либо остатки лежавшего здесь панно, либо следы былого производства. Древнее стекло, только что извлеченное из земли, на воздухе покрывалось тончайшим радужным налетом, который легко счищался ногтем и так же мгновенно возникал снова.

Когда Александру посчастливилось найти вторую монету, находку оформили по всем правилам. Прежде чем достать из земли, ее запечатлели на фото пленку подле черно-белой линейки и отметили значком на общем плане раскопа. Только после этого Эмма убрала кругляш в бумажный пакетик, подмигнула Александру и удалилась, унося добычу даже не на свой дощатый стол под ореховым деревом, а сразу в белое святилище Сидни Роллер.

На ночь доктор Роллер залила монету водным раствором лимонной кислоты. Потом полдня возилась с ее ручной очисткой и только когда землекопы сложили инструменты и ушли в деревню, позвала обоих помощников в свой командирский шатер. Посреди небольшого стола, на чистой холщовой тряпиче лежали рядом две монеты, сменявшие изумрудную яркость на сдержанное достоинство красной меди.

– Вот вам и обе героини эпохи Цезаря, Помпея Великого, Октавиана Августа, Марка Антония, царя Ирода и многих других небезызвестных персонажей, – сказала Сидни. – Слева уже знакомая вам олбанская царица Аба. А справа, позвол-

те представить: правительница Нижнего и Верхнего Египта прославленная в веках роковая Клеопатра VII, последняя из македонской династии Птолемеев.

– Пышно! – одобрил речь Александр, склонившись над египетской монетой и разглядывая профиль царицы на аверсе. – Что-то у знаменитой красавицы нос длинноват. Вероятно, британский фантазер Генри Хаггард преувеличил в своем романе силу ее женских чар.

Чувствуя себя дважды именинником, он мог позволить себе подтрунивать над Клеопатрой. И даже над доктором Роллер. Вторая, впрочем, в долгу не осталась.

– Что же ты еще читал о Клеопатре? – живо поинтересовалась она.

– Разве только трагедию Шекспира. Зато авторы известных мне курсов истории древнего мира – Вебер, Шлоссер, Корф и Дюкудре – все они считали, что Клеопатра подчинила бравого солдафона Марка Антония. И если не красотой, то чем?

Это был рискованный, но точно рассчитанный ход. Эмма фыркнула то ли от наглости Александра, то ли от удовольствия. Доктор Роллер вскинула брови:

– Однако начитанные нынче телохранители! Что ж, Шеффилд сообщил мне о твоём университетском образовании... коллега. Можем и поговорить. Не знаю, была ли Клеопатра красивой бабой – так это называется у отставных поручиков? – но мудрой женщиной и мудрой правительницей точно была. До нее в династии Птолемеев было четырнадцать царей, которым хватило ума не строить в Египте греческих храмов, если не считать таковым храм эллинистического Сераписа. Но за триста лет никто из них и не подумал освоить язык египетских поддан-

ных. Клеопатра – первая. Ведь правителю важно понимать, что говорят у него за спиной. Клеопатра же знала много языков. Этот дар снизошел на нее еще в детстве, когда она любила поболтать с рабами и рабынями, свезенными в александрийский дворец со всего света. Плутарх утверждал, что Клеопатра разговаривала без переводчиков с эфиопами, арабами, евреями, мидийцами и парфянами. Даже с троглодитами, которых никто не мог понять, ибо язык их походил на писк летучих мышей. Плутарх уподоблял голос царицы музыкальному инструменту, который легко настраивался на любой лад, на любое наречие. А он был римлянин, значит, был пристрастен. Клеопатру представлял соблазнительницей, нильской сиреной, стремившейся через ложе дотянуться до Рима. Аврелий Виктор и вовсе обзывал ее проституткой. Но что вспоминать Аврелия, чье имя знакомо теперь лишь записным филологам! Сошлемся на мужскую злость, с которой писали о царице Гораций и Вергилий. Зато в научной среде ходят слухи, что у арабов сохранились средневековые рукописи, в которых Клеопатра изображена философом, ученым, знатоком и ценителем Гомера. И ни слова о внешности как у Елены и страстности как у Сафо.

– В научной среде ходят слухи... – эхом вторил Александр.

– Да, бывает и такое, – царяпнув его взглядом, отвечала Роллер. – А что касается носа, то Клеопатра им даже гордилась. Она считала, что сей орлиный клюв роднит Птолемея с самим Александром Македонским.

– И так, она была умна, – кивнул Александр и продолжил с ухмылкой. – Вероятно, это главное из того, что женщины ценят в женщинах.

– Таки хочешь обсудить внешность женщины, умершей

две тысячи лет назад? Ты серьезно?

На такой вопрос у Александра, конечно, не нашлось ответа. Эмма устроилась на складном стуле, зажала ладони между круглых колен и с наслаждением внимала разворачивавшей перед ней пикировке.

– Но можем поговорить о Клеопатре в сексуальном, так сказать, аспекте, – не уступала инициативы Роллер. – Так вот, история собственной династии научила ее ценить женщин выше, чем мужчин. За три столетия обычаем жениться на родных сестрах превратил Птолемея из воинов с литой мускулатурой в рыхлых телом и душой сластолюбцев. Удивительно, но внешнему облику женщин македонской династии многопоколенное кровосмешительство не навредило. Если же Клеопатра и имела невысокий рост и смуглую кожу, то виноват в этом не странный семейный обычай, а только кровь сирийской бабушки.

От уничтожающего натиска феминистской аргументации Александр попытался прикрыться щитом мифа о мужской неотразимости римлян.

– Не удивительно, что, живя в таком муже... или, лучше сказать, женоподобном окружении, вынужденная признавать супругами своих братьев-мальчиков, Клеопатра предпочла им славных полководцев – сначала Цезаря, а после Антония.

– Судить о чувствах спустя двадцать столетий еще более нелепо, чем судить о внешности. Гипотезу любви следует изгнать из исторической науки, как статую Эроса с площади Пикадилли, – резанула доктор Роллер с неожиданной злостью. – Я руководствуюсь логикой. Клеопатра была царицей Египта, который в те времена один мог противостоять могуществу Римского государства. В Алек-

сандрии, как и в Риме, жило полумиллионное население. Невообразимые для античности скопления людей! И еще вопрос, в каком из двух мировых центров толпа была пестрее: греки, евреи, римляне, египтяне, нубийцы, иберы, франки и кельты... Александрию можно назвать Нью-Йорком древнего мира. Крупнейший порт Средиземноморья. Из черной Африки по Нилу в нее везли кушитское золото и слоновую кость, из Ликии – душистый мед, из Аравии – пряности, из далекого Китая – драгоценный шелк. Всё это деньги, деньги, громадные деньги, которые для войны нужны не менее солдат.

– И в чем же состоял расчет Клеопатры?

– Она хотела подчинить Рим Египту.

– Неужели это было возможно?

– Почему бы и нет? У Клеопатры был сын от Цезаря. Первый и единственный сын Цезаря – Цезарион, Цезаренок. По замыслу матери он был призван стать первым римским царем. Она понимала, что Октавиан не отступит, что римские патриции не покорятся без борьбы. Потому ей был необходим влиятельный союзник, за которым пойдут легионы. То есть Марк Антоний. Простак и тугодум, если верить Плутарху.

Она поглядела куда-то вдаль, помолчала и добавила:

– Если бы Клеопатре удалось переместить центр ойкумены из южной Европы на север Африки, сегодня бы мы жили в другом мире. Не знаю, каким бы он был.

Она достала сигарету, закурила, откинула полог шатра и устремила взгляд в золотое море таврского заката.

– Впрочем, важно лишь то, что произошло. В мартовские иды Цезаря зарезали заговорщики в Риме. Первая ставка

Клеопатры оказалась бита. Цезарёнок был незаконным сыном Цезаря, Октавиан считался его приемным сыном. Возможно, Цезарь только намеревался утвердить Октавиана в этом качестве. Разница не велика, ибо Рим еще оставался республикой и не признавал передачи власти по наследству. Октавиан с Клеопатрой, каждый со своей стороны, могли сослаться лишь на слова Цезаря, на разные его слова. Клеопатра сделала вторую ставку: женила на себе Антония. Не станем гадать об их взаимных чувствах, ответа мы всё равно не узнаем. Всё решила морская битва у мыса Акциум, в которой Рим разгромил Египет. Год спустя Антоний и Клеопатра покончили с собой. Антоний по римскому обычаю лег грудью на острие меча, а Клеопатра положила руку в корзину с ядовитой змеей. Полагаю, это была кобра, потому что гадюки в Египте не водятся. Цезарёнка в живых, понятно, тоже не оставили. Так Октавиан стал первым императором Рима, а заодно и сыном Бога – священным Августом.

Александр молчал. Ему больше нечего было возразить. Он чувствовал себя разгромленным железной женской логикой доктора Роллер. Как Марк Антоний в битве у мыса Акциум.

* * *

– Иногда мне хочется убить мисс Роллер. Даже больше, чем старикашку Рамзи.

Александр с удивлением взглянул на Эмму.

– Не производи таких слов, милое дитя! Чем тебе не угодила Роллер?

– Я тебе не дитя! А Сидни всё стремится объяснить рационально. Но разве так бывает в жизни? Люди часто поступают под влиянием чувств, эмоций. Значит, это тоже часть исторической реальности. И наука должна изучать не одни разум-

ные поступки, но и спонтанные порывы.

– Глубокий вывод из спонтанного порыва укокошить своего научного руководителя. Эмма, с тобой не соскучишься!

Свернув с тропинки, они беззаконно лакомились чужим виноградом, обильно росшим среди развалин древнего ольбанского города. Каштановые волосы девушки порыжели от солнца, широкие плечи и длинные как у бегуньи ноги покрылись бронзовым загаром. Зато ее голубые глаза казались теперь еще светлее, еще чище.

– Не сомневаюсь, что эту бурю эмоций вызвал вчерашний рассказ доктора Роллер о тех событиях, что происходили здесь двадцать веков назад.

Александр отщипнул от ветки тяжело налитую соком горсть черного винограда и протянул ее девушке. Эмма хмыкнула и, не приняв подарка, сорвала такую же.

– Что ж, поведай мне свою версию, — предложил Александр.

– Слушай, если охота. Роман Клеопатры с Антонием начинался здесь, на этих средиземноморских берегах. Антоний был верховным наместником Рима в Египте и вообще во всех восточных провинциях. В простоте своей он считал себя вправе вызвать царицу, как простую рабу. Но Клеопатра явилась на корабле с пурпурными парусами и с вызолоченной кормой, восседая на троне в образе богини Афродиты в окружении эротов и нимф. Могла ли не закружиться бедная солдатская головушка? После первой же их бурной ночи Антоний простил все египетские долги и забыл всё египетское вероломство. Более того, он самовольно подарил новой возлюбленной здешнее побережье. Вернее способа превратить во врагов всех своих союзников, друзей и вассалов просто невозможно было при-

думать. В Риме ярились Октавиан и законная жена Антония – Фульвия...

– Ох, там еще и законная жена!

– Не беспокойся: Фульвия вскоре умерла. Тогда Антоний женился на сестре Октавиана – Октавии. И параллельно сделал трех детей Клеопатре. Он не видел тут проблемы. Так что и мы не станем обращать внимания на эти подробности.

– Но ведь ты, вроде, ставишь на иррациональное, на любовь?

– Марка Антония влекла к Клеопатре не любовь, а роковая страсть. Клеопатра, возможно, руководствовалась трезвым расчетом. Цезарю она служила интересной собеседницей, поражала его воображение пирамидами и святынями Мемфиса. С Антонием же пьянствовала и сквернословила, шаталась в лохмотьях по ночным смрадным улицам. Ибо умная женщина пластична как воск: она принимает форму, любезную мужчине. Зато бедняжку Абу сразила подлинная любовь. Я не могу объяснить ее действия иначе. Когда Антоний повез Клеопатру обозревать новые владения, жрецы Олбы замыслили отравить обоих. Едва ли в той обстановке это злодейство не было согласовано с Римом. Произойти же оно должно было на пиру, который королева-марионетка Аба даст в честь приезда высоких гостей. Аба обо всем знала и ко всему была готова. Но потом она увидела красавца Антония... Марк Антоний и Клеопатра были спасены, заговорщиков казнили. В знак благодарности за спасение египтянка даже отказалась от претензий на Олбу. На какое-то время Аба вновь стала полноправной правительницей маленького королевства. Злопамятный Октавиан такого своеговолия ей, конечно, не простил. Аба была обречена. Возможно,

ее отравили тем самым ядом, который ранее предназначался Антонию и Клеопатре.

– Красивая история, – кивнул Александр. – Должен ли я в нее поверить?

– Ну, хотя бы из вежливости. Я старалась.

Эмма подошла к нему близко-близко, положила руки на грудь, заглянула в глаза и спросила:

– А теперь тебе хочется меня поцеловать?

И опять всё вокруг на миг замерло – солнечные блики, резная пестрая листва винограда, тяжелые грозди полупрозрачных ягод. А потом он почувствовал, как его сердце забухало под ее ладонью – чаще, чаще...

– Да...

Оттолкнув Александра, Эмма выбралась из виноградных зарослей и весело зашагала прочь по тропинке.

– Эй! – крикнул он ей вслед. – Это всё?

– Всё. Конец истории. Поцелуи сегодня не планировались.

Неожиданно в лагере объявился Дерк Шеффилд – в спортивной рубашке с короткими рукавами, фланелевых брюках, парусиновых туфлях и даже в роскошном пробковом шлеме. Всё, разумеется, в светлых тонах. Британский колонизатор во всей красе.

– Подумал, что вам нужен четвертый партнер для бриджа.

– И для вечернего портвейна? – в тон ему подхватила Эмма. – Мы тут вообще-то иногда работаем.

– О, я не помешаю! Здоровья вашим рукам, как говорят аборигены.

– А мог бы и помочь. Второй мужчина в экспедиции был бы не лишним.

– О чем ты прекрасная дева? А, кстати, как тут мой протеже?

– В одиночку справляется с шестью землекопами. Зато страдает водобоязнью.

– Водобоязнью? Разве? Мы познакомились, когда он доплыл от берега до моего катера. А это было не близко.

В этот момент из раскопа вылез Александр – еще более загорелый, чем прежде и к тому же густо запорошенный земляной пылью. Шеффилд шутливо-почтительно извлек свою голову из великолепной пробки, склонился к ручке Эммы, чмокнул, обдав девушку свежестью вожделания, и поспешил навстречу приятелю.

Александр вдруг осознал, что и сам рад новой встрече с Дерком. Месяц раскопок подходил к концу, месяц, наполненный событиями, мыслями и чувствами. Много за это время изменилось. Мог измениться и Дерк.

Увы, первые же его слова врезались в борт надежды корабельным тараном:

– Ну, и как у тебя с Сидни? Далеко ли продвинулся?

– Ты уверен, что с Сидни? – огрызнулся Александр. – Почему не с Эммой?

– Ты предпочтешь шедевру набросок? Фи, Алекс! Впрочем, не верю. Я о тебе лучшего мнения.

– А я о тебе – нет. Ты, мерзкий интриган, хотел, чтобы я избавил тебя от Сидни? Так вот, не мечтай. И не бойся. Я с женщинами своих друзей не сплю.

Александр все-таки проговорился.

Физиономия Дерка расплылась в довольной ухмылке:

– Тогда осторожнее с Эммой. Если что, она пожертвует твою голову самым лютым фуриям-мстительницам. Я же пойду, пожалуй, расскажу доктору Роллер, как соскучился по своему «Рено».

– Долеритовые шары.

– Что? – не понял Александр.

Они с Сидни Роллер сидели на дне шурфа, ножами и совками отколупывали спрессованную столетиями землю с круглых боков трех небольших амфор. Амфоры лежали тесно в ряд, как поросята. Невесть, какая редкая находка, зато почти все целые. Только у одной бок был пробит, да и то, потому что старина Джемаль оказался недостаточно острожен. Эмма привычно разбирала керамические черепки за столом под ореховым деревом. Неисправимый Дерк Шеффилд уже укатил назад в свой сонный приморский городок.

– Ты как-то спрашивал, чем древние обрабатывали гранит, – пояснила Сидни. – Так вот, эти колонны обрабатывали шарами из долерита, потому что базальт крепче гранита. Всегда найдется то, что еще крепче.

– Прочла у Витрувия?

– Не помню, есть ли у него об этом. Но пару лет назад в Лондоне вышла книга Реджи Ангельбаха о том, как египтяне вырубали обелиски в Асуанских карьерах. Он и сам попробовал работать таким шаром. Описал процесс в подробностях.

– И как?

– Долго, тяжело и рискованно. День за днем и месяц за месяцем. Нервы сдадут, посильнее ударишь – расколешь колонну или шар, гранит или базальт. Слабо ударишь – толку не будет. Колонны медленно вращаются, вода льется, камни бьются, постепенно притираются друг к другу. И так всю жизнь, коллега. Всю нашу чертову жизнь.

В

РАСКАЗЫ АТЕИСТА

НА ЗАКАТЕ

Александр КРАМЕР

Родился в Харькове.
Окончил Харьковский
политехнический институт,
заводской инженер.
Участвовал в ликвидации
последствий чернобыльской
катастрофы.
С 1998 г. живет в г. Любек
(Германия).

Некоторое время я так часто ездил в командировки, что гостиницы стали казаться мне домом, а дом — одной из многих и многих случайных гостиниц; но мне, если честно, очень нравилась эта кочевая, суматошная, неопределенная жизнь, было комфортно среди множества новых лиц, впечатлений, неизбежных внезапных, необязательных и мимолетных отношений и связей...

Вот так одна из бесчисленных командировок и привела меня как-то в маленький город над большой и тихой рекой. Когда-то великий и славный, город этот теперь был глубокой, глубочайшей провинцией, медвежьим углом, откуда хотелось, приехав, бежать, как можно скорее. Я так и намеревался сделать — управиться одним днем со всеми делами и удрать восвояси, но всё еще в самом начале не склеилось, пошло наперекосяк, и к середине рабочего дня я уже точно знал, что придется-таки, к сожалению, остаться здесь и на завтра. А потому я прыгать, дергаться и душу гнать из себя перестал, смирился, бросил всё к чертовой матери и пошел шататься по городу и окрестностям, предоставив возможность событиям развиваться своим чередом.

Всё в городишке этом было серо, уныло, навевало одну только сонную одурь и скуку; домишки повсюду были убогие, как попало лепились вдоль узких и пыльных улочек; даже в центре бродила здесь пернатая домашняя живность; попадались и козы, которые вели себя нагло

и агрессивно; и местные жители показались мне тоже непривлекательными, настороженными и угрюмыми, готовыми при малейшем поводе ввязаться в скандал или драку.

Так бродил я довольно долго, пока на закате уже не вышел на окраину города, к речке. Здесь, почти над самым обрывом, стояла трехглавая деревянная церковь: крошечная, была она красоты необыкновенной, и выглядела такой легкой, такой невесомой... Казалась, дунь посильнее ветер и церквушка сорвется с обрыва и понесется над землей, рекою, всё выше и выше в небеса, к заходящему солнцу... А впритык к церкви стояла узкая деревянная колокольня с высоким шпилем, которая своей высотой и узостью еще больше подчеркивала изящную малость Божьего дома, делала церковь еще чудесней, еще невесомее...

Я простоял так довольно долго, всё никак не мог налюбоваться, и уже собирался возвращаться назад, как вдруг — увидел: весь в черном худой, высокий звонарь стал медленно подниматься на колокольню — звонить к вечерней молитве. Было сумеречно, и ступени лестницы внутри ажурной конструкции колокольни мне издали видны уже не были, и казалось от этого, что монах не поднимается, а вспарывает в лучах заходящего солнца. Это было красиво и необычайно величественно — алое небо, тонкое-тонкое серповидное лезвие багряного солнца, узкий черный абрис монаха, восходящего на колокольню, и проглянувшие высоко-высоко в чистом небе первые

бледные звезды... Я не мог оторваться и стоял неподвижно, как замороженный.

Наконец, звонарь поднялся на самый верх, на звонницу, к колоколам; какое-то время он стоял недвижимо, будто внутренне собирался, готовился. А жаркая алость заливала весь горизонт, подсвечивая высокую, стройную колокольню и черного звонаря, и церковь, и реку, и всю даль за рекой...

И едва только солнце, уже до того висевшее очень низко, зашло окончательно, как в то же мгновение, будто был наверху не православный звонарь, а ревностный солнцепоклонник, торжественно и печально ударили колокола...

Никогда я в Бога не верил, но когда в вышине зазвучал тяжелый благовестный колокол, что-то вдруг случилось с моею душою и, на одно лишь мгновение, испытал я могущество и глубину истинной, неподдельной веры, озарение, очищение внутреннее... и горние силы были со мной, и восторг от того, что живу... и с ним редкое счастье пришло от познания своей сути, смысла существования.

Я подумал тогда, что дан мне был свыше какой-то таинственный знак. Стал ходить было в церковь. Даже несколько раз ездил на богомолье. Но религиозный экстаз оказался мне недоступен, а истовая бессмысленная толпа вызывала внутреннее отторжение, неприязнь, и только отдаляла, отвращала от церкви. Поэтому ни к православной, ни иной какой вере душа моя так и не прилепилась. Может быть, произошло так еще потому, что искал я в душе и мире не смирение и благочестие, а пронзительную и безграничную красоту, веру вне Бога, что тогда на закате навсегда поразила душу. Может быть, но я искренне после этого хотел постичь таинство трансцендентного мира. Есть, наверное, и моя вина в том, что так и не получилось.

Впрочем, жизнь моя с того дня всё равно изменилась. Через какое-то время, когда стали меня

раздражать донельзя и города, и люди, и вся людская бессмысленная суэта, бросил я всё и всех, и живу с тех пор на заброшенном полустанке, один. И если в тихие дни на закате услышу вдруг, доносимые ветром, голоса деревенских колоколов, снова всплывает в памяти багряное солнце, закатная тихая речка, парящая над обрывом церковь, звонарь-солнцепоклонник... И снова оживает в душе моей чувство чистого неоязыческого восторга и безоглядной, глубинной веры, что испытал я в тот неизгладимый, всю мою жизнь навсегда изменивший день.

АНГЕЛ

На моем столе долго-долго стоял алебастровый ангел. Ангел опирался на копье и саркастически ухмылялся. Эта его ухмылка и небрежная поза были довольно противны. Противны настолько, насколько вообще противна может быть вещь, подаренная особой, что так долго морочила тебе голову, а потом принесла в твой дом дурацкую статуэтку и... исчезла, растворилась в пространстве. Возможно, что дурь, не знаю, но я всё никак не мог его вышвырнуть, а он, этот ангел, вслед за ней продолжал морочить меня. В принципе, я понимал, что это – всего только наглый кич, что никаких таких бурных эмоций он вызывать не может, не должен, потому что он тоже, как и дарительница его – всего только... Стоп! Дальше не стоит. Дальше можно зайти чересчур далеко...

Но ведь ангел-то был, реально существовал в моем бытии, день за днем красовался у меня на столе и дергал за нервы; а я, в свою очередь, как хотел издевался над ним, вымещая на нем всё, что не мог уже никогда и никак на ней выместить...

Однажды я накопил его творогом. Я сунул ему в рот полную ложку, творог прилип к его физиономии уродливой гулькой, и я долго потом его не вытирал, чтоб хоть какое-то время не видеть

наглую рожу. Но в конце концов всё же выдраил его в ванной, получив дополнительно кучу положительных ощущений, пока тер его щеткой по морде.

А еще, безо всякого уважения к его статусу, я изредка заставлял его курить сигареты без фильтра и наслаждался видом курящего ангела. И так далее, и так далее...

Нет, это не шизофрения, с душой и мозгами всё у меня высший класс. Пусть вам не кажется ничего. Просто совпало так, что всё в это время в моей жизни разваливалось, а она была просто последней каплей!.. Просто каплей!.. Просто последней!

После того, как она ушла, я придумал себе игру: набирал первый попавшийся номер и звал ее к телефону. Чаще всего, конечно, говорили, что такая здесь не живет. Иногда переспрашивали ее имя и начинали выяснять, кто я, да что я. Иногда... Вариантов было довольно много, но иногда... говорили, что сейчас позовут, и я ждал с замиранием, что услышу сейчас ее голос...

Впрочем, вы думаете теперь, наверно, что это тоже, ну самую, самую малость, попахивает шизофренией. Да думайте, что хотите! Ваше право.

Этот день еще с самого утра не задался. Всё началось с того, что мне показалось, я вижу ее из окна трамвая. Потом, на работе, меня обрадовали тем, что отпуск мой перенесен с сентября на декабрь, и я жутко поцапался с шефом. В довершение, вечером, новая моя пассия, за которой я лениво ухаживал уже целых полгода, сообщила, что лень ей моя надоела, и ушла восвояси...

Не знаю, как всё это соединилось с дурацкой дешевкой, но только я в бешеном раже ворвался в квартиру, схватил проклятый фетиш за голову и саданул им, что есть силы, об стол! Стекло на столе разбилось вдребезги, угол столешницы обломился, алебастровая уродина разлетелась на тыщу кусков, и в руках у меня осталась одна только ух-

мьялющаяся голова! С размаху я зашвырнул ее в угол, схватил телефон, набрал первый попавшийся номер и, когда трубку подняли, заревел, как бешеный слон:

– Ангела! позовите! немедленно!!

И вдруг... на том конце провода... спокойный и мягкий голос ответил мне:

– Ангел вас слушает...

КАМНИ

Они стояли плотной и шумной группой. В руках у них были камни, и они спорили: бросать или не бросать. Спорили долго, а камни держали в руках и вскорости утомились. Тогда они положили камни на землю. Получилась нелепая, кособокая пирамида. Они встали вокруг пирамиды и продолжали спорить. Наконец, согласились: камни бросать, но бросать должен кто-то один. Это трудно было назвать согласием, скорее, это был компромисс, и потому на этом не кончилось. Теперь нужно было выбрать этого одного. Одного было выбрать трудно. Труднее, чем прийти к компромиссу. Все упирались, никто не хотел быть крайним, и от этого страсти начали накаляться. Толпа зашумела, задергалась. Началась перебранка. Уже видны были первые признаки будущей потасовки, поскольку бранящиеся перешли на личности.

Кругом простиралась пустыня. В центре пустыни была каменная кривая пирамида. Вокруг пирамиды ревели и бесновались толпа. И вдруг стало тихо. Мертвая была тишина. И кто-то властно сказал:

– Вместе, на счет «три». Раз! Два!...

Она лежала погребенная под камнями в центре пустыни. А поодаль стояла толпа и молчала. Молчала, молчала... Но вот уже шумок пробежал, легкий такой шепоток... Вскорости загомонили тихонько, вот всё громче и громче...

Они стояли плотной группой и спорили. О чем? Наверное, появи-

лась еще какая-нибудь проблема, требующая компромисса.

АНОМАЛИЯ

Однажды Сударин проснулся и обнаружил, что за ночь у него на спине неожиданно появились наросты какие-то странные. Наросты были не твердые, но и не мягкие; нет, не болели нисколько, но и на спине лежать не давали – давили, мешали, а в зеркале выглядели... ну, будто крылышки: размером с синичьи и цвета застиранного белья. Ведь пошло же откуда-то выражение, что, мол, «крылья у человека выросли», ну так вот они у него в одну ночь по непонятной какой-то причине и произросли. При этом были крылышки эти, как Сударину показалось, живые, потому что он малейшее прикосновение к ним, как к коже, отчетливо чувствовал. Но, в отличие от настоящих-то крыльев, были они неподвижные – не крылья, а наросты какие-то. Будто чага на дереве. Так ведь он же, разрази его гром, человек, а не дерево!

1

Жил Сударин один – ни жены, ни детей. Он всегда подозрительно к переменам жизненным относился. Оттого, из предосторожности, семьей и не обзаводился. Так спокойнее выходило, надежнее.

Друзей тоже, как и семьи, не имелось, да и с приятелями было не густо: когда-никогда с кем пивка выпить, на футбол сходить, ну, еще за грибами – всё, максимум.

Так что обратиться за помощью или советом получалось, понятное дело, не к кому. Потому он, одиночеством вечным подстегнутый, поначалу испугался невероятно. По квартире носился как угорелый, во все зеркала заглядывал, ощупывал странные образования беспрестанно... чуть из себя не выпрыгивал. Но по-маленьку пришел в чувство всё-таки, налил себе полную чашку горячего чаю, устроился, скрючившись, на диване и стал думать

думать о том, как жить теперь дальше с этой историей, и что с нею делать.

Самое здоровое, что пришло в возбужденную голову, что это его инфекция поразила какая-то. А раз это инфекция, то надо ему поскорей обратиться в больницу, показаться врачу-дерматологу или хирургу. Может быть, это и не опасное что-то, может, еще удалить несуразные выросты можно, или иначе как-то от них избавиться – да всё, глядишь, без проблем каких-либо и обойдется... Так что врач – решение самое верное. Потому так Сударин и сделал – сей час же в больницу отправился.

2

Это легко сказать: в больницу отправился. Оказалось целой проблемой из одежды найти подходящее что-то, чтоб, во-первых, горб не так сильно на спине выделялся, а во-вторых, вообще на него, на горб то есть, чтоб хоть как-то налезло. Да и лето к тому же – пальто или плащ не натянешь!

Был Сударин сухой, даже несколько тощей комплекции. Вся одежда, какая в шкафу находилась, была узкая, облегающая. Ничего, что надеть на себя ни пытался, на крылатую спину ни за что не натягивалось!

Наконец отыскался какой-то старый-престарый, растянутый до невозможности свитер – за грибами в нем ездил. Вот его-то (хоть и жаркий июнь) кое-как натянул Сударин на голое тело и пешком (какой может быть транспорт!) дворами да переулками (он горба своего крылатого почему-то ужасно стеснялся, и старался поменьше народу всякому на глаза попадаться), подался в больницу.

3

Пожилой дерматолог диковинную болячку помял, прослушал, сделал УЗИ, взял кровь на анализ... но ничего, что его хотя

бы в малейшей степени взволновало или хотя бы насторожило, не обнаружил. После анализов всех еще раз наросты потрогал, пофыркал, похмыкал, плечами несколько раз недоуменно пожал и сказал, что всё, вроде бы, в норме и повода для беспокойства совершенно нет никакого, а напоследок, с интонацией странной такой престранной и говорит:

– Это у вас, – говорит, – непостижимое что-то, совершенно, знаете ли, диковинное. На крылышки очень даже, вы правы, похоже, но, однако, какие-то крылышки исключительные, из обычного ряда вон выходящие. Я с таким чудом за всю свою долгую практику не встречался ни разу. Даже не слышал, чтобы такое у кого-либо где-либо было. Может вы, – эскулап озадаченно усмехнулся, – в одночасье (как только дикая эта идея в докторской вольтерьянской голове оказалась!) ангелом сделались? – и доктор зачем-то мелко и неправильно перекрестился. – Или на полпути к некой ангельской метаморфозе находитесь. Так ведь им, то есть ангелам, вроде, летать полагается. А может, на Земле и не полагается? Вы не пробовали? Нет? Ну, не знаю тогда. Ну, не знаю! Надо будет о вас в академии рассказать. Может, я даже про вас в медицинской газете статьюшку черкну, если вы согласитесь. Я тогда созвонюсь с вами, ладно?

– А вы, пока суть да дело, рискните в «Институт Маслова» обратиться. Они там всякими-разными аномалиями и патологиями трансцендентными занимаются. Может, обследуют вас, да что путное скажут или, на крайний случай, дельное что посоветуют.

– Еще, – вернулся к спонтанно возникшей идее лекарь, – в церковь сходить попробуйте. Кто знает, что вам богословы ученые на этот счет сообщат. Весьма вероятно, что им прецеденты такие известны. В общем, сами решайте. С моей стороны никакой опасности в этих новообразованиях не

наблюдается. Ну, а пока до свиданья. Надеюсь даже, до встречи.

4

Сильно Сударина доктор речами своими обескуражил. Можно даже сказать, что душу Сударинскую, и без того событием необычайным переполошенную, до самого дна перемутил-взбудоражил. А тут не успел бедолага из больницы на улицу выйти, как перед глазами у него появилась нарядная дама: ножками и комплекцией для мужского глаза ооочень приятными, мужское воображение с легкостью соблазнящими-воспламеняющими, желания фривольные всякие ментально в мозгу генерирующими. Нет, ловеласом каким-нибудь или «стрелком» Сударин, естественно, не был, но мужчиной-то был! Так и что ж тут такого...

Но едва Сударинское изображение начало как следует разгораться, а докторский домысел дикий (про ангела) – тут как тут обозначился: это куда, объявился тотчас внутри цербер ангельский, нечестивые мысли твои, шустрый молодец, разогнались; про крылышки херувимские новоявленные что уж – заспал-позабыл?

Испугался Сударин этих мыслей смиренно-праведных, никогда до того в безбожную его голову не заглядывавших. Помчался он опрометью, в ужасе неопишемом, ничего вокруг не замечая, домой, зарылся с головою под одеяло, долго-долго дрожал весь дрожмя и чуть было не разрыдался. Так и заснул в страхе великом и праведном беспробудным сном. И аж до самого утра ни разу не проснулся.

5

Наутро, перед тем прокрутившись чуть не час перед зеркалом и придя от кручения этого в состояние крайней взвинченности, выпросил Сударин у соседа-студентика складной велосипед и покатил, бедолага, на другой конец

города, в знаменитое в их окрестностях заведение имени Маслова (в народе «Маслѣнка»). Где, как он знал, мужи многодумные – парapsихологи, экстрасенсы, уфологи и прочий чудаковатый народ – изучали всевозможные трансцендентные аномалии, ну, и обычные, например, постчернобыльские, разумеется. И надеялся очень Сударин, что про крылышки клятые (тфу, тфу, тфу) там хоть что-то известно; да и помощи результативной от науки, пусть и непризнанной, ожидал, понятная вещь. Недаром же люд доверчивый в ворожей, гадалок и целителей доморощенных свято верует.

Ничего актуального и в «Маслѣнке» ему, к сожалению, не сказали. Как и доктор в больничке, всё хмыкали, разводили руками, да в затылках чесали. Наводили на крылышки приборы какие-то непонятные. Говорили, что к ним знаменитость – маг белый – должен вскоре пожаловать; вот тогда, может... А когда он про ангела вскользь упомянул, расстроились почему-то необычайно и аккуратно так выпроваживать болезного стали. Видимо, не простые у них отношения с трансцендентным да сверхъестественным были. Ох, не простые!

6

Поскольку реальность и виртуальность не принесли совершенно никаких результатов, оставалась надежда у бедняги Сударина единственно на Вседержителя.

Утром Сударин, не позавтракав даже, рысью в церковь понесся (недалеко потому что). Какое-то время постоял он возле киота – не столько чтобы иконами древними полюбоваться, сколько затем, чтоб душу грешную перед беседой с пастырем к смирению привести. Затем отыскал он батюшку тутошнего, упал перед ним на колени и, путаясь и заикаясь, изложил ему свою просьбу диковинную.

Отвел его в замешательстве батюшка в исповедальную. Осенил перво-наперво широким крестом и, как и все, попросил челобитчика странного разоблачиться. Ну, разоблачился Сударин. Батюшка, как крылья увидел, так растерялся, что лишился сперва дара речи. Так они и стояли друг перед другом – разводя в молчаньи руками и в пространство умоляюще глядячи.

Батюшка первый в себя пришел, разумеется, – профессия все-таки. Подошел он вплотную к Сударину, осмотрел растерянно крылья-наросты, трижды перекрестился и сказал, что об ангельском статусе, разумеется, не может быть даже речи, потому что ангелов во плоти не бывает – не бывает – и всё тут! И снова, крестясь непрерывно, застыл, немотой пораженный.

Сударин ничего больше ждать от служителя церкви не стал. Одедся тихонько и, не прощаясь, восвосяи отправился.

7

Долго в тот день, понурясь, шатался Сударин по улицам и переулкам. Теперь ему сделалось совершенно без разницы, кто и как на него, на его спину смотрит, что думает. Ни есть, ни пить ему, ни жить вообще не хотелось! В голове было пусто, а душе было больно и страшно. И не знал он, что с собой и душой своей дальше делать. И отчаяние поражало его всё глубже и глубже. И выхода он не видел, и помощи ждать ни от кого ему не приходилось. И думал Сударин, что если б он даже и стал в самом деле-то ангелом, то завидовать ему в его ангельском статусе ни капли не стоило. И угнездилась в воспаленном сознании прочно крамольная мысль, что от перемен – даже благочестивых – лишь одно только зло бесконечное проистекает. А еще пришла ему в голову скоротечная мысль, что, может быть, стоит попытаться отправиться в неизведанный путь, чтоб найти себе где-нибудь пару с крылатой спи-

ной... Но пришла – и пропала, как будто и не появлялась.

Не ко времени были сейчас все эти фантазии. Потому что самого главного выхода – как теперь дальше жить – не находилось. И представилось, что тащить теперь этот крылатый груз, со всеми его заморочками, до скончания века – до смерти. И смерть на мгновение показалась Сударину облегчением, избавлением от всех этих ангельских невероятных мук! А это ересью откровенной уже начинало пахнуть!

Уже ночью добрался Сударин безотчетно до дома, рухнул на пол в прихожей, не добравшись до спальни, и, будто в черный бездонный колодец, провалился в мучительный лихорадочный сон.

8

Назавтра Сударин проснулся и обнаружил, что за ночь белые крылья-наросты отпали и валяются на полу, изменив цвет на желто-багряный; будто листья причудливой формы опали осенней порой с неведомого дендрологам дерева.

А взамен отвалившихся на спине у него появились новые – но совершенно другие – кожистые, перепончатые, очень сильно на крылья летучей мыши похожие. Будто в отместку за то, что он ангельские наросты душою не принял, огреб Сударин коварный подарочек от хитрована лукавого.

Нет, не впал Сударин на этот раз ни в ступор, ни в агитацию. Распахнул он отважно настежь окно и без колебаний взобрался на подоконник...

Тело Сударина под окном не нашло. В квартире его тоже не обнаружили. Так что жив ли он, нет ли, и какие теперь носит крылышки, – не известно. Приглядывайтесь.

ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЮ

1

– Серафим, любезнейший, позови-ка с Земли мне ангела-

наставителя. Что-то давненько он пред очи Мои не являлся.

– Я здесь уже, Отче. Припадаю к стопам твоим...

– Ладно, ладно, давай хоть сегодня обойдемся без всегдашних твоих церемоний.

– Так ведь предписано, Отче...

– Сам знаю. Но я сказал: «обойдемся». Снимай крылья, садись, приступай неотложно к делу.

– Опять этот Боим!..

– Что Боим, что Боим?! Послали тебя на Землю с совершенно конкретной задачей. Ты третий раз прилетаешь, кричишь «этот Боим!» и давишь на жалость.

– Извини меня, Отче, но всё не так просто. Понимаешь...

– Ты, знаешь, тон этот оставь. Ева-праматерь кланялась тебе низко с этим тоном твоим! Сам знаешь, что вышло! Говори кратко, точно, по делу. Как ангелу подобает.

– Да ленится этот пройдоха. Зла не хватает, как ленится! Как придумал сшивалку для шкур, так палец о палец после того не ударил. Пятый месяц лежит в пещере – в носу ковыряет!

– Ну, ты давай как-то помягче. Нахвтался, я вижу, там всякого! То «к стопам припадаю», то... тьфу, инда выговорить противно. Ты это плебейство-то брось. Говори, как предписано!

– Издержки профессии, Отче.

– Чтоб я больше ни о каких издержках не слышал. Продолжим.

– Ты, Отче, дал вертопраху талант; он его исключительно в корыстных целях использует. Окрутил несчастное племя, веревки вьет. Все перед ним на цыпочках ходят. Оракула, проныра такой, из себя корчит.

– Понятно. Напомни, подо что талант этому Боиму даден.

– Да крючок рыболовный мошенник должен придумать, а затем выучить племя рыбу ловить.

– Ну и сколь времени ему нужно на это дело, как разумеешь?

– Да времени то хватает, ну, в плане людского развития, так он ведь, каналья, это... вообще ничего.

– Старался ли ты подтолкнуть его, навести на путь истинный?

– Да старался я, Отче, из кожи вон лез...

– Опять за свое!..

– Прости, Отче, сорвался. Сроки цивилизации населения оговорены Тобой строго. С меня же спрашивать будешь, если...

– И что предлагаешь?

– Жесткие меры! Вплоть до устранения и замены.

– Нет, жесткие, кажется, рановато. Не в традициях наших, знаешь ли, и не в канонах. Не так, знаешь ли, сразу. И потом. Это ж новый кто-нибудь нужен... Сам понимаешь, гении по сусекам у Меня не разбросаны. Но на истинный путь непременно наставить надобно. Не-пре-мен-но! Ты Меня понял? И творчески подходи к принуждению, творчески. Смотри Мне в глаза! Повторяю, без всякого ожесточения. Творчески! Я тебя знаю!

– Ну, если творчески, если только традиции и каноны, тогда, Отче, ладно...

– Прощай. Надоел. Забирай свои крылья и сгинь. Дай покой. Не один у Меня ты, сам разумеешь должен. А за результат спрошу жестко, крылами ответишь – не сомневайся.

– Нижайше припадаю к стопам твоим... Ну, Отче, ну не надо так на меня смотреть. Ну исчезаю уже, исчезаю!

2

Боим лежал в пещере возле костра на толстой удобной камышовой подстилке и грыз позавчерашнюю мозговую кость. Несколько женщин возились неподалеку, дети шалили, но это ничуть не мешало наслаждаться покоем. Внезапная боль в желудке сдернула его с места, скрутила в дугу, а через минуту он уже мчался к реке, что есть силы.

Когда полегчало, Боим вернулся в пещеру и опять принялся за кость, но совсем ненадолго. Его вторично скрутило, и он снова понесся к речке.

К пятой ходке, хоть река была совсем близко, он довольно прилично вымотался, а проклятый желудок в покое не оставлял ни на минуту; о том, чтобы остаться где-нибудь возле пещеры – и речи быть не могло. Соплеменники за наглость такую голову б ему открутили, и заслуги бы не помогли. Потому, в очередной раз примчавшись к реке, Боим решил, что бегать в пещеру больше не станет, останется здесь, будет ждать, пока не отпустит. Он по-нуро уселся на корточки возле самой воды и в ожидании нового приступа принялся разглядывать быструю мутную реку, рыбешек снующих у самого берега и... стал, от нечего делать, мозгами раскидывать...

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

1

– Земная душа биллион шестнадцать дробь восемь – просыпайся.

– Ну какого опять ты явился! Не буду, не желаю я просыпаться. Вечный покой, вечный сон мне положен? Положен! Так с какой такой стати ты снова меня беспокоишь?! Изыди докучный, чтоб во веки веков тебя больше, зануду, не видел!

– Земная душа биллион шестнадцать дробь восемь, по статистическим данным Вселенской всемилостивейшей канцелярии тебя пять миллионов раз на Земле добром помянули. Согласно главенствующей инструкции Универсума я обязан в качестве вознаграждения перевести тебя в рай сроком на пять земных лет. Поднимайся немедленно.

– И что, опять будут эти твои тоскливые райские кущи, унылые райские девы и тяготящие райские удовольствия? Не встану! Тощица какая! Не встану. Уже проходили. Знакомо. Хоть убей, больше не встану. Буду дальше спать вечным сном, как мне и положено.

– Душу убить невозможно. Сама знаешь! А вот насильствен-

но тебя в райские кущи доставить – это запросто, нашей энергетической мощности вполне для этого хватит. Вставай безотлагательно. У меня в макрокосмосе душ точно таких же, как ты – еще целая уйма. Пока всех вас оповестишь...

– Да что это за ерунда у вас тут получается – рай по принуждению что ли?!

– Повторяю для строптиводушных. Все души, попавшие в Универсум, обязаны находиться в равных условиях. Тебя на твоей территории – Земле, то есть – за соответствующий период пять миллионов раз добром помянули. По главенствующей инструкции макрокосма я обязан тебя в этом случае в рай доставить немедленно и всенепременно. Такова есть высочайшая Воля беспредельного и бессмертного Универсума!

– Слушай, ты, как там тебя, язык бы земной хоть немного за свою бесконечность-то выучил! Х-ха – «есть высочайшая воля». Забавно! Не встану. Делай вместе с этой твоей верховной энергией, что пожелаешь, понял? Не встану!

2

Доставить сюда немедленно поле для душеулавливания. Земную душу биллион шестнадцать дробь восемь поместить принудительно в поле и доставить без промедления в райские кущи!

В соответствии с универсальным законом о душевзыскании в случае злонамеренного сопротивления душ непогрешимым уложениям макрокосма, положить земной душе биллион шестнадцать дробь восемь добавочно три земных года райских кущей, дев, а также и удовольствий.

Будет неблагодарная знать, как в другой раз пререкаться и оспаривать безупречный канон беспредельного макрокосма. Да исполнится тотчас же Всеблагая и Правосудная Воля непогрешимого и бессмертного Универсума.

Amen!

КУСОЧЕК СЫРА

Олег ЧЕБЫКИН

Журналист, выпускающий редактор научно-аналитического журнала «Вестник экономики, управления и права», в прошлом – альпинист.

Как скоротечно время. Этой истории 50 лет. Но кажется, случилась она совсем недавно. Сегодня ее герои вымышлены, как и название горы, немой свидетельницы памятного эпизода.

В ясный день Агцвери блистала ледниками, звала. Особенно восхищала она на восходе солнца. Ее склоны розовели, а снег в расщелинах и широких кулуарах голубел на фоне светло-коричневых скал. В такую погоду вершина хорошо просматривалась из альплагеря. «Чайники»-новички взбирались на огромные валуны, мысленно прокладывали свое первое восхождение.

Альпинисты-разрядники поднимались на Агцвери, чтобы встряхнуться от равнинной жизни, войти в форму.

Меж собой говорили: «Сбегаем на Агцвери, разомнемся».

На разминку собралась сборная команда. Ребята из разных городов, разного статуса. Познакомились, договорились. Получив добро от начальника лагеря и командира спасотряда, принялись готовить снаряжение.

Сборы были недолги. Рано утром в столовой выдали почти невесомый сухой паек. Увесистыми оказались четыре литровых термоса с горячим чаем. Расчет – на два легких перекуса. Уже к ужину и традиционному компоту группа должна вернуться в лагерь.

Начспаса нагрузил штурмовые рюкзаки. Выдал ракетницу с четырьмя ракетами, упакованную аптечку и четырехместную «серебрянку».

– Палатку зачем? Лишний вес. Мы ж бегом, туда-сюда, – притворно заныл Степан.

Незнакомый ему спасатель, явно в не настроении, буркнул:

– Не надсадитесь. Так положено.

Поняв, что грубовато перегнул, дружелюбно добавил:

– Счастливого туда-сюда.

Группу возглавил кандидат в мастера спорта по горному туризму Степан Новоселов. За плечами – восхождения в Восточных Саянах, Алтае, покорение вершин Кавказа. В этот сезон Степан ожидал в альплагере своих друзей. Решили штурмовать легендарную стену на Ушбе.

На Агцвери он бывал уже несколько раз. Знал все ее закутки и сюрпризы.

Пошли ходко вдоль безымянной речушки, жизнь которой давал Спасский ледник. Из цирка вершины двумя связками стали набирать высоту по ледопаду.

Первым начал топтать маршрут Андрей из Воронежа. Опираясь на ледоруб, он легко вонзал стальные шипы «кошек» в натечный лед. Ощущая надежность, старался шагать ритмично, пружинисто.

Поглядывая на рослого в красном пуховике альпиниста, Степан отметил:

– Умело идет. Опытный.

Замыкал группу Игорь из Тамбова. Он меньше всего поглядывал под ноги. Зато внимательно осматривал многометровые расколы ледника. Матово-голубые стены могли в любой момент наградить камнем с кулак, а то и побольше. Эти «бомбочки» вытаивали под солнцем из толщи льда и падали отвесно. Утром молодое светило только выглядывало из-за рваного горизонта гор. Было еще морозно – сказывалась высота. И все-таки смотреть в оба совсем не мешало.

Во время знакомства Игорь не очень-то приглянулся Степану. Представившись, заявил:

– Служил в горно-штурмовой бригаде на Памире. В таких передрягах бывал, тебе и не снилось.

Степан промолчал, подумал: «Скромнее бы надо. Тут все не лыком шиты».

К полудню группа поднялась в предвершинье. Осталось вскарабкаться на скальный гребень. По нему, не очень крутому, взойти на высшую точку Агцвери. Решили сделать привал. Устроились между скал, перекусить, набраться сил.

С этой отметки в три тысячи метров от уровня моря вид на хребты Кавказа завораживал. Вершины сияли белизной вечных снегов на фоне безоблачного неба. А если запрокинуть голову и глядеть в синеющую высь, то уже через пару минут охватывало необъяснимое ощущение бесконечности космоса.

– Сколько смотрю на эту красоту, все удивляюсь, – прервал молчание Роман из Набережных Челнов.

Поддержал разговор Андрей:

– Верно поет Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы».

– А мне больше Саяны нравятся. Они молодые. Вершины остроконечные, стройные, – подметил Саша с Уралмаша. Вообще-то он Александр, инженер из Свердловска. Но в горах – Саша с Уралмаша. И это ему нравится.

– Всё понятно с тобой, Саша с Уралмаша. Молодые девчонки покоя не дают, – съязвил Игорь.

Александр тут же отреагировал:

– Я женат. Дочке уже годик.

Степан поднялся, дожевывая галету, объявил:

– Подъем. Пора наверх.

Он застегнул легкий пуховик, поправил солнцезащитные очки, добавил:

– На вершине еще чайку попьем. Погода позволяет.

– Да нет. Уже, наверное, не получится чайку попить, – вдруг громко заявил Роман. Он ледорубом указал на восточное ущелье. Оттуда торопливо вырисовывались серые облака.

– Бывает такое, – успокоил Степан. – Пронесет. Синоптики на три дня солнышко обещали.

Точно прогнозировать погоду в горах – последнее дело. Здесь она может меняться несколько раз в сутки.

Новоселов первым поднялся на скалистый гребень. Подтянув страховочную веревку, осмотрелся. Охватило беспокойство. Ветер заметно усиливался. Мглистая серость уже обволакивала Агцвери.

– Вот тебе, бабка, и Юрьев день! – почти вслух выпалил он любимую поговорку. Поторопил ребят с подъемом. И когда все оказались рядом, по праву инструктора приказал:

– Вон под скалой на полке плотный фирн. Окапываемся, ставим палатку.

Когда Степан последним забрался в тесную «серебрянку»,

над ней уже бушевала снежная круговерть.

Не мешкая, он достал из рюкзака ракетницу, зарядил зеленую. Высунулся из палатки, грохнул вверх. Через мгновение в снежном мареве вспыхнул зеленый огонек. Сначала он завис, но тут же медленно поплыл вниз, угасая в вихрях пурги.

– В лагере должны заметить, успокоиться. У нас всё под контролем.

Остатки дня и ночь коротали в тесноте. Пурга разыгралась не на шутку. Бурей ее не назовешь. Но ветер иногда подвывал в расщелинах скал. Палатку быстро занесло снегом. В ней стало заметно теплее. Разомлели. Навалилась дремота. И только Степан, лежавший у входа, время от времени ногами разгребал в сугробе дырку для воздуха.

Перед рассветом, балдея от крохотного кусочка шоколадки, разделенной по-братски, Андрей нарушил молчание:

– Я так понимаю, товарищи восходители, спуск в лагерь нам закрыт. Уверен – на северной седловине надуло карниз.

– Не карниз, а карнизище в несколько тонн снега, – тут же добавил неунывающий Роман. – Висит он сейчас и нас поджидает. Только мы сунемся на ледник – устроит лавину. Зуб даю – устроит.

– Верно говоришь, – подытожил Степан. – Будем спускаться по южному склону.

Тут же вмешался сибиряк Сергей Золотарев. Невысокий, худой, но жилистый, упертый. Он прилетел из Омска добрать «шестерку» на кандидата в мастера.

– Если по южной гряде, то придется Борчевский перевал брать. Траверзом по склону не получится. Тоже сильно замело. А через Борчевский до лагеря два дня ходу.

Роман захохотал:

– Ничего себе прогулялись. Да и вроде как жрать хочется.

– Забудь, – отрезал Степан.

– На всех осталась банка гречневой каши и два термоса чая. Не помрем.

– На Памире и не такое со мной бывало, – вдруг вставил Игорь.

– Да брось ты свои передраги!

На лице Степана промелькнуло раздражение.

Когда рассвело, двинули на спуск. Пурга поутихла. Ветер уже не выл в скальном органе. Но видимость отвратительна. Облачность плотно оседлала Агцвери. Степан на ходу снова пальнул зеленой. Послал ракету в южном направлении.

– Если увидят. Поймут.

На перевал поднялись без приключений. Метель утихла. Но низкие облака висели плотным покрывалом. Быстро стемнело. Ночевка оказалась не из легких. Мокрая одежда. Холодно. Съели по ложке гречки. Поплотнее прижались в «серебрянке» друг к другу. Разговаривать никому не хотелось. Навалился сон.

Игорь смотрел в темноту. Сильно хотелось чего-нибудь съесть. Хоть крошечный сухарик. Подумал: «А вдруг завалялся. Продукты рассовывали по рюкзакам впопыхах».

Он осторожно вытащил из-под головы «штурмовик». Положил себе на грудь и стал шарить. Рука наткнулась на небольшой бумажный сверток. Бесшумно повозившись с ним, вынул из рюкзака у самого своего носа упругое, мягкое, с уловимым запахом сыра.

Первым желанием было громко объявить о находке. Но тут совершенно машинально Игорь откусил. Откусил еще раз. Потом еще. Медленно жуя, нашел оправдание:

– Не буду будить. Устали.

Когда до альплагеря осталось с километр, Степан предложил привал.

– Приведем себя в порядок. Зачуханными являться народу как-то нехорошо. Новички побледнеют.

Все молча согласились. Плюхнулись на сочную траву склона. Поснимали мокрые куртки, штаны. Принялись хлопать вещи.

И тут из рюкзака Игоря выпал на всеобщее обозрение совсем крохотный кусочек сыра. Его надкусанная желтизна нелепо смотрелась в зелени трав. Взгляды всех уперлись в это неприятное, неудобное. Роман смешно скорчил физиономию, выдал:

– Вдруг откуда ни возьмись появилось... – он оборвал фразу, замолчал.

А Сергей поднял взгляд на Игоря, тихо спросил:

– Ты че, Игорек, забыл докушать?

Больше никто ничего не сказал. Никто ничего не сделал.

На следующий день Игорь из Тамбова скидал в спортивную сумку свои вещи, не прощаясь, ушел из лагеря в сторону Военно-грузинской дороги. Там, среди роскоши горных пейзажей, неуклюжим кирпичным строением одиноко торчала автобусная остановка.

В

О ЖИЗНИ ТОЙ, ЧТО БУШЕВАЛА ЗДЕСЬ...

Книга «О жизни той, что бушевала здесь...» посвящена истории образования и развития Свердловской киностудии. В ней рассказывается о первых двух десятилетиях существования Свердловской киностудии, несколько раз за это время менявшей направление своей деятельности и к концу 50-х годов превратившейся в кинокомбинат по производству художественных, документальных, хроникальных, научно-популярных и учебных фильмов.

Для широкого круга читателей.
Степан Недвига.

В

ЛЕПЕСТКИ

Галина ШЕКИНА

Член Союза российских писателей с 1996 г., основатель Вологодского отделения СПП.

Пишет прозу, критику, стихи.

Автор книг «Ор», «Графоманка»,

«Горящая рукопись», «Астрофиллит»,

романов «Тебе всё можно», «Несвадебный марш», пяти сборников стихов.

Награждена премией фонда «Демократия», именной медалью

Ильи Тюриня.

Финалист премии

«Русский Букер-2008».

Секретарь литературной премии «Эхо».

...Встает солнце, выливает вниз из своего ведра тяжелое, сладкое, оглушительное ведро. Целый отряд цветов выстреливает ярко-желтыми лепестками. На темной зелени горят, мелькают теплые язычки. Так горели бы газовые горелки прямо из грядки... И вдруг лепестки срываются и взлетают дружно. Ветер сдул лепестки? Да нет же ветра. Цветы стали бабочками, и вспыхнуло живыми искрами холодное небо. Одна бабочка кружится над водоемом, танцует вместе с упавшими туда травинками, садится на лист, лист несет ее. Лягушка раскрывает рот на красивую захватчицу, но той уж след простыл.

...Когда Тоня строила дом, она мечтала, что детям будет свой угол. Они с мужем десятый год горбятся, два этажа вывели, нулевой всё никак. Но вы не думайте, они доделают и нулевой – там уже есть теннисный корт, но пол пока без покрытия. Хотели бассейн, но ладно уж, без бассейна. Дразнились дочери: бассейн выложить золотыми монетами, ни одной серебряной, будет хоть одна серебряная, не зайдём и родных не пустим, чтоб не позорились. Но позориться теперь особо некому. Старшая хоть и живет дома, но как бы уже отдельно, младшая тоже когда-то уйдет. Кому останется этот дом, эти невозможные хоромы – столовая, кухня, два

кабинета, библиотека, ванная, два туалета, пять спален и веранда крытая?

Старшая такая красавица у Тони, просто сумасшествие, с шестнадцати лет мужики убиваются по ней. Крутейшая грива разноцветных от природы волос – полосами темно-русыми и белыми, глаза хмельно сверкающие серо-зеленым, слишком тяжелые глаза для детского-то лица.

Коммерсант ее выслеживал, когда экзамены сдавала в колледже. Тоня сторожила ее, чтоб не бегала по ночам, так этот коммерсант Гена складывал цветы кучей на крыльцо. Выйдешь утром – ах-ах-ах. Прямо в конвертах сверкающих, с лентами, из цветочного магазина, а то и в горшочках, но тоже с лентами. Однажды Тоня пришла с работы, а старшенькая мимо нее вихрем: гулять. Какие могут быть гулянки перед экзаменом? Мама, я умру. (Умоляюще). Мам, да ничего такого. Он просто дарит цветы, говорит всякое, в кафе водит – просто...

Ночью пришла, рот до ушей: любит. И бряк на трюмо пузырек с духами в бархатной коробке. И еще коробки. И шоколад. И Тоня не выдержала. «И ты на это барахло польстилась? – Не барахло, это стоит шесть сотен, сама видела. – Ах, ты видела? А ты вот это не видела? (Грубый жест Тони). Когда дарят, приятно. А когда платить? – Мам, ты плохо ду-

маешь о людях. Гена бесподобный... – А какой бесподобный? Ну, машина, ну, деньги, ну, в белых пиджаках. А сам лысый и лет на четвертый десяток...

Старшенькая рыдать. Вот так она экзамены в колледже сдавала, в лихорадке – по всем ночам по окнам прыгала, когда он из машины сигнализировал. Высунет голову в форточку – и заливается смехом на всю улицу. Он что-то говорит отрывисто из открытой машины, а она прямо из форточки готова выпасть. Гоняла ее Тоня от форточки, гоняла, потом экзамены кончились, надо на работу идти, а старшенькая как чумная – я не стану работать, да зачем мне работать, у меня и так будет всё. Глазищи в пол-лица слезами налила, под ними круги в пол-лица, рот как малина рдеет, волосы как нимб разметались вокруг лба. Что ж, совсем обезумела девка, это в шестнадцать-то лет, а что будет в двадцать?

...Бабочки осели обратно в траву и вспыхнули ноготками, настурциями, львиным зевом, бархотками. Только что их была туча, от этого мельканья, трепета-шороха рябило в глазах. И уже застыла туча из бабочек лепестками цветков, и Тоня стала поливать цветы, прибрала метлы и ведра, заведующая пришла как раз, она с утренней работы прибежала, моет пол в банке. Заведующей Валюшке Куцей, тайно прозванной Эволюцией за интеллигентность, все сочувствовали. Тяжелая история с сыном получилась, в армии все нутро отбили, а потом еще и мать в госпиталь не пускали. Кое-как через совет солдатских матерей удалось его из госпиталя увезти, и справку выдали – к службе, дескать, негоден.

Валюшка стала выхаживать сына, не надеясь ни на что. Вот уже полгода это тянется, надо Валюшке успевать на пяти работах, да творог из деревни возить, масло, сметану. Сама Валюшка ничего этого не ест, но все понимают, соглашаются внутренне, творог разбирают...

«Тонечка, вы два берете? Один? Ну ладно, один творог и сметана. И еще одно дело! Разумеется, меня предупреждали, но все-таки поймите правильно, случай исключительный. Люди интеллигентные, о, это что-то. Сама из номенклатуры, дочь в банке, зять в Питере. Сын у них. Не выручите, посидите? Нет, в садик его проблемно, сильнейшая аллергия. Ничего, ничего нельзя. Вы уж какнибудь, Тонечка. Знаю, что сложная ситуация, дом, дети, муж, старики. Всё знаю, дежурите аккуратно, воспитателей подменяете. Дети к вам льнут. Да никаких рекомендаций, слова моего довольно. Сколько ни дадут, всё больше, чем наши ставки в садике, а питание у них будет трехразовое... Стаж не прервется у вас. Вы же сторож. Совсем недалеко отсюда – квартал».

...Когда пощипет дождь, Тоня садится пороть старые пальто и платья. Она всё это по швам разделает, у нее специальная штучка есть, загнута-острая, чтоб не наделать дырок... Потом всё постирает, выгладит утюгом «ровента» на пару и начинает резать квадраты или ромбы. Если ткань не сыплется, значит, можно резать зубчиками и шить по верху. Когда накопится квадратов целый пакет с ручками, Тоня кладет все на пол и составляет узор. Бывает, она сидит над этим неделю, бывает месяц. Вся эта штука нача-

лась, когда она купила книжку по лоскутному шитью, английскую. Там всё было показано, как делать. И Тоне полюбились делать из дерьма конфетку.

А когда показала заведующей, та просто села. И плеская руками, не верила, что одеяло-то самодельное. Ткань как новая, хлопок с блеском, вроде сатина. А посередине огромный как бы пион. И поскольку лепестки расходятся от центра до краев по кругу, в центре – голубовато-белое, а дальше всё темнее, до густо-сиреневого.

Тоня долго смотрит, голову наклонит, всё улыбается, мечтает, вертит так и сяк, отходит к окнам слушать дождь. Распахнет все окна на веранде, ветер раздувает занавески, и они по ней скользят и бьются. А Тоня смотрит вниз со своего второго этажа и видит, как во двор машина едет – Гены этого поганого. И старшенькая, ясно, вылезает и бежит домой вся в ворохе букетов и бутылок с французскими духами. Купили девку за рубль двадцать.

А младшую Тоня никогда не видит и не слышит, когда приходит. Тихо та идет, ключами не швыряет, кошку не пугает и ботинки моет сразу.

«Ты будешь, родненькая, свежие котлетки? – Не надо, у меня пост. – Ты в сквер пойдешь с подружками? – Я лучше почитаю». Ну, никуда, никуда не ходит ребенок, и разницы у них всего-то четыре года.

Тоня смотрит в сад, как груши-яблони колошматятся в дожде, ветками топорщат, в окна лезут, мало им на улице пространства. Зеленые яблочки стучают по цветам, и цветы прибывает к земле. И как это одно растение топчет другое?

Не может же этого быть. Надо что-то думать с дочкой. Надо увезти ее куда-нибудь, сбегать.

Тоня взяла молитвослов и стала читать молитву ко всем святым и бесплотным небесным силам. Она просила оградить целомудрие дочери от насилия, и так молилась каждый вечер и каждое утро.

Антон приехал со стройки, где ставили бензоколонку по последнему слову техники. Он пять дней работал, ломил там, а на выходные приезжал. Раньше-то, при городской работе, мог кран подогнать, и раствору забросить, и рабочему дать подкалымить. А теперь не стало в городе работы, так он и рванул в село. Всего ночь езды. Да привозил свежего мяса по дешевке. Антон любил комфорт и ванну не по разу на день. А тут вскоре заведующая помогла ей купить путевку в хороший санаторий. Старшенькую собрали тщательно и увезли на такси рано утром, в четыре часа. Вывели ее как больную, под белые руки. Вечером того же дня был Гена, и узнав, что любезной нет, умчался на своей поганой машине с перекошенным лицом. Он крикнул в окно, что сожжет дом, раз такое дело!

Дней через несколько, когда Тоня была в саду с младшей, постучала в калитку девочка. Беловолосая, в шортиках, майке и с сигаретой. Тоня думала, что это к старшенькой подруга, и крикнула, что той нет! Но девочка помотала головой и сказала – я знаю, выйдите. Тоня сполоснула руки в бочке, подошла. Девочка сжимала ручки на груди, то бросалась курить, потом забывала о сигаретке, и та гасла.

Девочка, запинаясь от волнения, просила тетю Тоню простить ее папу. Ведь папа любит вашу дочь безумно, он сделает ее счастливой. Тоня обомлела, когда до нее дошло, чья девочка. Гены поганого дочь! Ну, неужели до такой он степени дошел, что подослал своего ребенка? Зачем впутывать ребенка? Как вообще можно ребенка впутывать? Поймет, что он на последнем месте у папы. На первом ясно кто...

Да. Но вы не плачьте, девушка, никак я не могу вам ничего обещать. Они не пара, понимаете, ну вот и вы не понимаете. Проводив ребенка, Тоня долго стояла в саду, забыв про виноград и флоксы. Их розовые лепестки устилали землю душисто и немо. Сначала шапками идут, шапками, точно пена на варенье прет, а потом застывают, вроде облитые лаком. И вот уже смяты края, сдуваются шапочки, всё. Всё должно погибнуть нежное, чтоб опять расти. В мире полный ужас и бесчестие. А старшенькая далеко. Там есть охранник, его муж нашел за хорошие деньги. И он хорошо будет охранять. Дочка будет гулять у озера, крепко спать. Будет ванны принимать, питаться по диете. Она успокоится. Там, говорят, хорошая культурная программа. Экскурсии там, природа. И все такое.

...А чтоб не плакала старшая, не металась, мать сидит и читает молитвы. Утро рано, прежде всякого вставания-потягивания, в ночнушке, стоя перед массивными иконами босиком, Тоня читает тихо и страстно. И ночью, когда сидит на дежурстве, накинув старое пальто, положив молитвослов на старый детский столик

с ежиком. Потому что старшенькая – вся Тонина любовь и надежда, вся мечта о чудесной беззаботной жизни, всё то, что вытерпела Тоня – это ради нее, старшенькой. Для ее непрерывной и нескончаемой радости, для сияния ее италийского личика.

Сосредоточившись на том, чтобы отдалить беды от старшенькой, Тоня не была сурова с младшенькой. Она ее не уговаривала, просто за неимением сил говорила с той как с равной. И подвязывали виноград они вместе, молча, и старые кофты в церковь несли вместе, и на дежурство в ночь вместе шли, молча.

А однажды, когда младшенькая, поймав усталый Тонин взор, поднялась мыть посуду, Тоню вдруг осенило – ее по-настоящему безмолвно слышат и угадывают мысли. Ей несподручно было говорить вслух, иногда неудобно, ей казалось – она всё должна сама делать и умеет лучше других. Но младшенькая угадала.

А когда соседка попала в беду, они вместе побежали в церковь заказать молебен. Тоня, отстояв службу, засмотрелась на полупустой уже храм. Младшенькая молчала, устремив глаза под купол – не рассеянно, а пристально смотрела. В шелесте и гулкости большого помещения она не была случайной в луче света. Она была частью всего этого. Не потому, что знала молитвы, правила исповеди и всегда знала, куда и кому надо поставить свечу. Всё это она делала легко, машинально, поглощенная другой, более важной мыслью. Как будто ждала младшенькая, что ее терпеливое бдение вот-вот вознаградится. Спокойно было лицо ее, спокойна белосметанная трепетная ко-

жица, всегда опущены глаза при очень поднятых бровях. А здесь – она стояла, устремившись вверх, и не было сомнений больше – она видела то, что не видела Тоня. Уняв счастливые слезы, Тоня прошептала – «разные, до чего разные». На выходе ее обнял ветер – шелестом и шопотом в уши. Листья над головой шевелились, пропуская вспышки и пригоршни солнца – его, солнца, отряхаемые лепестки. На Тоню тоже падал этот зыбкий золотой свет – и она думала об этом благодарно. Она хотела бы собрать отдельные лепестки в один легкий ковер. Собирает же она треугольные лоскуты в узор покрывал...а по отдельности ерунда, мусор, а вместе такое любование. Даже хмурый муж, увидев ее покрывало, тоже не поверил, что самодельное.

Мальчик, мальчик беловолосый в это время ждал, как решится. Он сидел столбиком на необозримом диване, сложив руки на коленках. Ноги подогнуты по восточному, штанишки крохотные джинсовые, в сверкающих заклепках, майка банановая желтая. Неслушный мальчик, он у доктора не хотел как следует открывать рот, и теперь мама Инка обиделась. Она будет греметь крышками, напевая, что-то варить, говорить по трубке, перекрикивая телевизор, потом открывать окно, кричать в окно с картошкой в руке. Она будет всю балабанивать, не замечая его, мальчишеских слез. А мальчик Кузя такой – он тоже первый не подойдет. Он тоже хотел бы смотреть телевизор и балабанивать. И когда Инка отопьет из большой бутылки желтое,

просить себе сок или коку. И ему бы тоже дали детский сок – а коку нельзя, покромешься. Мама Инка гремела, Кузя терпел. Потом пришла баба Ульяна, стала качать головой и молчать. Она платочком Кузины слезки вытерла и на кухню. Ала-бала! Ала-ла! Стали на кухне с мамой кричать. Кузя терпел.

Когда папа уезжал в свою работу, он сказал:

– Терпи, Кузя. Всё будет бананово.

И Кузя терпел, не орал. Но потом опять бананово не было. Что толку терпеть? И тогда он лег тихо на спинку и уставился на круглый аквариум у дивана. Там цветное конфетти кружилось замедленно, листики желтые и красные опадали, ниточки зеленые извивались. Рыбки шныряли как молнии – чирк, чирк. Им всё можно, ему нельзя ничего. Автомат купить нельзя, папе звонить нельзя. Тогда он и взял, да толкнул аквариум ногой! Сам не понял, зачем. Бдряммм! Он не испугался, а стал смотреть, что будет. Рыбки заскакали по коврам. В это время звонок у двери. Ку-ку, ку-ку. Папа звонок повесил для Кузи, чтобы лес был.

Вбежали баба Уля, мама Инна и тетя. Стали руками плескаться да вздыхать. Мама и баба – ала-бала, ала-бала! Тетя рыбок собрала в баночку, аквариум подняла. На ковре полотенца разложила банные. Подошла к Кузе погладила по голове и сказала:

– Скучно? Тебе скучно, Кузя?

Он закивал.

– А рыбки могут желание исполнять, знаешь? Но только золотые. А ты их вылил.

Кузя подошел, показал пальцем на вуалехвоста в бан-

ке, который не плавал, а тупо лежал на дне.

– Бо-бо.

– Конечно, Кузя. Болеет рыбка. Не делай так.

Он опять сел столбиком на диван.

– Кузяяя... – вкрадчиво сказала тетя. – ты Кузя, – и она положила ладошку на Кузину грудь. – А я няня Тоня, – и положила руку себе на грудь. – Подружим, что-ли?

Ладонь была тепленькая. Кузя взял ее руками и снова к себе приложил.

С первого дня голова у Тони загудела. Этот дом все силы у нее вытягивал, и не брезжило никаких просветов. Инна работала в банке, уходила рано, поэтому Тоня старалась убрать садик как можно раньше, сбежать домой, пошерудить на кухне, потом сразу в особняк Зерниных, кормить Кузьму, гулять Кузьму, потом разговаривать, заниматься, потом быстро на рынок, ребеночка на ручки, он больно тихо ходит.

По рынку Тоня неслась быстро, ведь Инна могла увидеть ее, и тогда все воспитание быстро бы кончилось.

Мальчик беловолосый, сонный и безразличный только покачивался на руках, как на верблюде. Пока Тоня платила, он мог схватить яблоко, сливу, и продавцы даже не возмущались – махали рукой – идите, идите с ребенком. Но Тоня отбежав, отбирала у Кузи всё, что он прихватил. Не углядишь – в рот потащит. Так получилось однажды. Схватил клубничину, сунул в рот молчком, а проснулся после тихого часа страшной атомной войны, сыпью покрыт. Мама Инна является с работы, а тут не пойми кто сидит!

– Кузя! Тебе нельзя мандарин! Ты сыпью покроешься!

Когда приехал папа, он велел Кузю красиво одеть и посадил в машину джип. Пристегнул. Мама смотрела на сборы, стояла. Но папа велел няне с ними ехать. Маме не разрешил. При няне Кузя не бесился. Он только тихо пинал няню ногой и показывал кулак, но няня всё время улыбалась. Няня Тоня, наскоро причесав свои мокрые кудри, держала Кузю за ручку и кивала ему. «Что творят! – думала она. – Помирить их надо. Что ж они как собаки, а Кузя мучится».

– Что ему купить? – спросил Зернин.

– Не надо ничего, – ответила няня. – И ягоды ему нельзя, будет сыпь, а от оружия в нем агрессия. Не надо ему автоматы покупать, он стреляет, грохот, слова нельзя сказать. Игрушки в окно кидает. Людьми на голову.

– А что вы советуете?

– Вот таких куколок. Что на ручку надевают. Чтобы сказки играть.

– Да какие сказки. Что вы.

– Трех поросят.

– Гм, – покачал головой Зернин.

– Вы у меня просили документ об образовании. У меня с собой.

– Да ладно. Вы правда думаете, он заговорит?

– Заговорит. У нас все говорят. Со временем.

Они приехали в какой-то белый кабинет. Там тетки в белых халатах всё писали и что-то папе говорили, потом няне говорили. Ала-бала. Кузе было жарко, одиноко, и он заснул. Обрато Зернин на ручках нес.

«Почему же он такой красивый? – думала няня Тоня. –

Может, потому что я в халате словно из кухни вышла? Так меня никто не предупреждал наряжаться-то».

Ей было жалко могучего Зернина, который украдкой гладил губами голову Кузи, жалко его нервную жену Инку, которую даже не взяли на комиссию. Но няня ответила на все вопросы. И как занимается с ребенком. Куда водит. Инка же не занимается, только ругает. В общем, разошлись, а ее бросили на прорыв. Эх, родители... Сами не полюбили дитя, так давай ты, няня. Люби за деньги...

После работы в особняке Зерниных худенькая женщина в горошистом платье поспешила домой, чтобы покормить стариков. Цистерну овсянки, опять наваренную бабкой, ела постепенно сама, но знала, что завтра будет такая же цистерна. «Мама. Кому варите? А сами не едите. – Нельзя такую сладкую. – Так не варите. – А как же?» Беспольный разговор. На дежурство в садик пришла поздно. Огляделась – нет ли щелок света, не засиделась ли заведующая. Нет. Выключилась стиралка, запиликала. Надо развесить белье. На кухне всё вымыто, то стоит приготовленная кастрюля с мытой свеклой. Это сварим за ночь. В холодильнике рыбная котлетка и кефир. Ишь ты. На дежурстве Тоня обычно то-то делала, работала по мелочи. Чинила одеяльца, прищепки ломаные. Потом читала молитвы. Окна садика выходили на площадь. И когда на площади проводили праздник, становилосьлюдно и шумно, дежурить было спокойнее. А тут вроде всё тихо. Музыка не гремит, ракетами не пуляют..

Около двух почти задремала после обхода. Посыпались стекла! Взяла рупор и на склад. «Стой, не с места. Сторож, вызывай полицию». А сторожей, кроме нее, никаких. Два алкаша кинулись назад в окно. После рупора вбежал и залаял Дружок! Ох, и голос у крохотного песика. Но вот, показалось, что он с ней не пошел. Участковые с площади подъехали, и вот уже всё пусто. Акт составили, фанерой окно закрыли. «Антонина, когда решетки поставите? – Поставим». Ее трясло. Воры метили на сахар-песок, не успели. «Тихо, тихо, Дружок. Умница моя». Какой теперь сон... Сварила свеклу.

В четыре светло уже. Пошла участок мести. В песочнице обнаружила толстого, хорошо одетого человека. Светлые брюки, дорогая барсетка. «Вставайте, мужчина. Уходите, пока нет никого. А то придут тут из полиции...Объясняй им». Человек не вставал, только мычал.

По площади проехала с воем скорая. Человек медленно сел, держась за голову.

– Где я?

– В детсадике. В песке.

– Вы кто?

– Сторож. Уходим, говорю, уходим...

– Да нет, я спрашиваю – где – в смысле город.

– Воронеж, пригород.

Лицо толстого человека искалось. Он явно не ждал такого ответа. В черных глазах плескалась мука, не выраженная словами. Дружок и тот скорбно молчал.

НАИВНО-ВОЛШЕБНЫЙ ТЕАТР ХУДОЖНИКА ВИКТОРА НАЙМУШИНА

(Окончание. Начало на стр. 1)

Например, картина «День Брещенья». На фоне ярко-зеленой березовой рощи, на первом плане стоит крупно написанная ворона с цветочком в клюве, с любопытством смотрящая на нас – зрителей. А если внимательно приглядеться, то у каждой березы изображены условные маленькие женские обнаженные фигуры. И сразу же картина наполняется смыслом, в ней как бы оживает древнеславянский языческий праздник Ивана Купалы. Или взять картину «Ковчег XXI век». На большом оргалите, на фоне некоей вещи реки в виде огромной рыбы, несущей на себе символику храмов и мечетей, художник разместил, казалось бы, все одушевленные и неодушевленные образы и символы мира с огромным черным набатным колоколом. Любопытно, что цветовая палитра картины не мрачная, что могла бы соответствовать заданной теме, а очень светлая, с эмоциональными всплесками движениями кисти. И только хаос размещенных многочисленных персонажей по всей картине выдает нам ситуацию «спасения» от катастрофы. Вникая в смысл, заложенный в этой работе, невольно сталкиваешься с ассоциациями то ли с кругами ада «Божественной комедии» Данте или с Брейгелевским «Триумфом смерти». На мой взгляд – это своеобразный «наймушинский набат» о его представлении приближающегося апокалипсиса. Ну, чем, скажите, не мистерия нашего столетия, перемешанная с легендой о Великом Потопе?

В его картинах часто, вместе с многочисленными человеческими персонажами, обозначающими «народ», а может «толпу», сосуществуют образы из мира фауны, и даже могут появляться полуфантастические существа. Например, картина «Яблочный Спас. Гулянье в ночное», где на древнем славянском празднике начала сбора урожая молодежь в ночном катается на фантастическом Небесном Крылатом Коне. А на очень любопытной картине «И пошел снег...» ворона, копирующая человеческие навыки, катается на велосипеде.

Среди множества художественных произведений есть у художника впечатляющий пейзаж «Первый россий-

ский пароход на Каме». Написан очень радостными светлыми тонами, река Кама, загруженная разнообразными плавсредствами, среди которых красуется первый в России пароход «Пожва». И конечно к реке спускается нежное голубое небо с фантастическими летающими белыми рыбами и высоким зеленым берегом с панорамой Перми.

Художественное творчество Виктора Наймушина очень необычно, неподвластно никаким художественным течениям и направлениям, со своеобразным стилем и манерой письма. Оно весьма фантастично, с использованием аллегорий и ассоциаций, связанных с современными реалиями, как на картине «Ангел Бахмутский», напоминающей нам про события российской спецоперации.

Откликом на известный провальный «Пермский культурный проект имени Марата Гельмана», создавший беспрецедентную почву для конфликтов между творческой средой, которая существовала в Перми до появления Марата Гельмана, и его инициативами, стала картина «Апокалипсис на Каме. Конец культурной революции». И в этом сюжете, где смешалось всё со всем в изломанном виде, проявлено отрицательное отношение автора к идее Гельмана сделать Пермь столицей европейского искусства. А картина «Николай Первый и Юродивый московский», на которой фигура юродивого, похожего на Пушкина, по пояс погруженного в свои многочисленные произведения, находится перед огромной фигурой безголового Николая Первого, сидящего на троне спиной к зрителю, отводит нас к историческим коллизиям периода Российской истории.

Художник Наймушин как бывший режиссер иногда создает картины сериями, словно покадрово развивает свои темы. Тогда же, в Перми, родились темы серий: «Вороны», «Красные Человечки из города Н, который исчез...», сожженные впоследствии в лихие девяностые, «Культурная революция М.Гельмана», «Кулинарные фантазии холостяка» и другие.

Живописное творчество Наймушина зиждется на наивном искусстве

с неким призвуком сюрреализма и абсурда, построенном на мифологизации окружающего мира, несущее в себе некое волшебство и очарование.

Живопись для Виктора не просто воплощение идей и сюжетов. И как он сам говорит, что для него живопись это живой процесс, как в поэзии и музыке, это то, что не выложено в кино, и то, что иногда хочется отнять. И утверждает, что между его профессией и профессией художника мало общего. Но всё же периодически называет картину кадром, а основную идею полотна – сценарием.

Заметим, что главное в его произведениях – это глубокая философская мысль или переживание, пропущенное через его душу. И несмотря на грубоватый рисунок, иногда чрезмерно перегруженные композиции и яркие краски акрила, являющиеся средством выражения в его полотнах, концентрация внимания происходит всё же не на манере исполнения, а на идее картины, на смыслах, заложенных художником. И то, что не смогло визуализироваться у артиста и режиссера Наймушина в театре на сцене, возникло в его картинах.

В последние годы, живя в Москве, Виктор Наймушин пишет картины о многообразии пестрой московской жизни, в которой прошлое переплетается с современностью. Откликается жанровыми композициями на события сегодняшних дней и участвует в коллективных выставках Союза художников Подмосковья.

Отметим, что у Виктора были персональные выставки. В 2014, в Перми, в Арт-резиденции, выставка «Счастье не за горами...». В 2022, в МУК «НЦКТ «Глухово» выставка «Время и пространство».

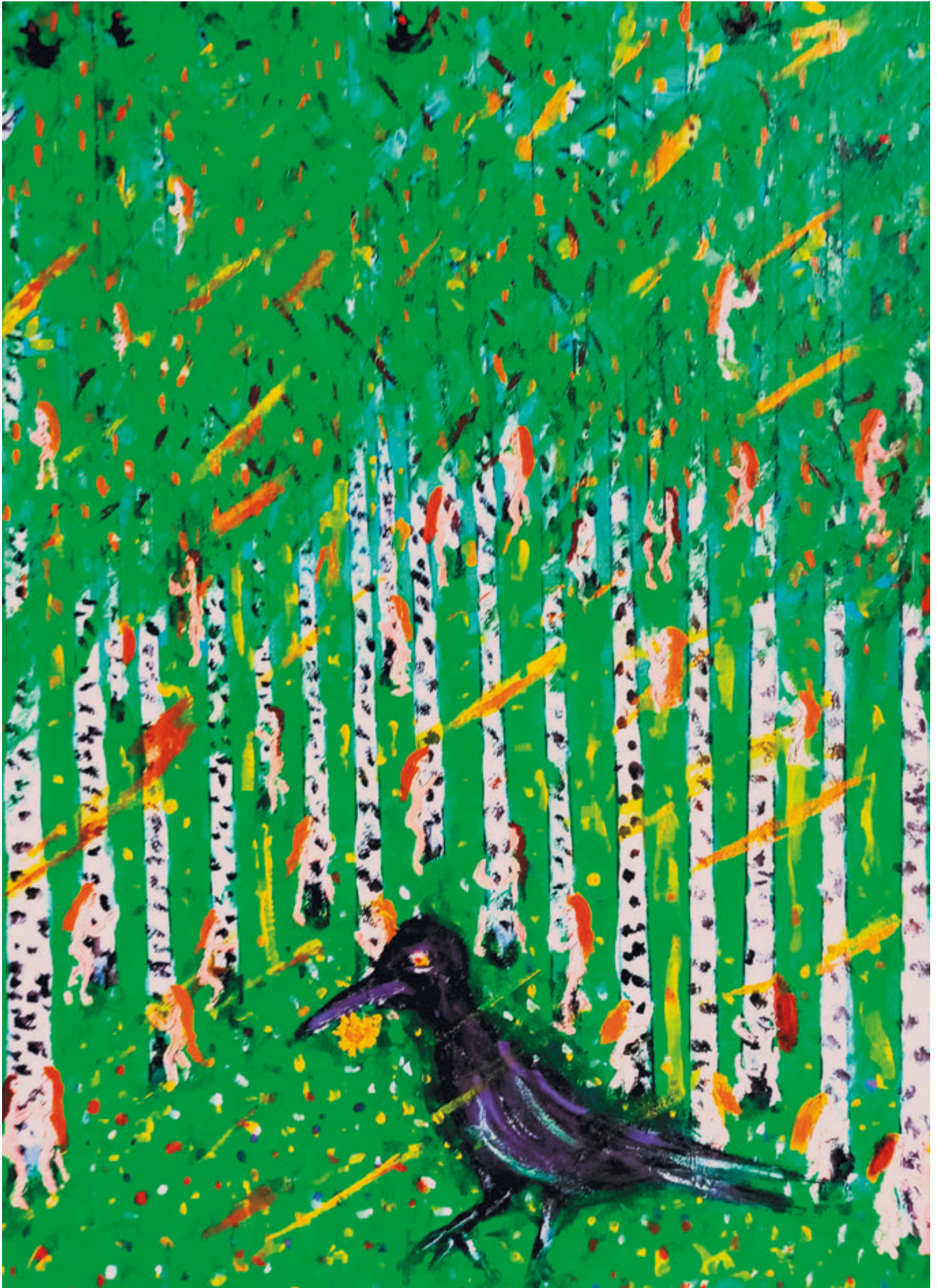
Поэт Александр Кузьмин-Симахин в наши дни, в социальной сети ВКонтакте, как-то написал на странице Виктора Наймушина о его картинах:

«Виктор Наймушин – художник-поэт, как воздух нам нужен в бездушии лет».

Стефан Садовников. Художник.

* Лицо внесено в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

День Брещеня. Обряд.

И пошел снег...

Небесное венчание.

Путешествие на землю обетованную.

Реальность.

Счастье не за горами. Крещение в Перми.

Первый
российский
пароход
на Каме.

Апокалипсис на Камне. Конец культурной революции.

Ангел Бахмутский.

Николай Первый и юродивый московский.

Болеро.

Розовая шляпка.

Колокольный орган. Весть о рождении православной галактики.

В ладонях Всевышнего. Леонов.

Приземление.

Яблочный Спас. Гулянье в ночное.

Прощание. Философский пароход.

ПТИЦЫ, ПРОЩАЯСЬ, ЛЕТЕЛИ МИМО

Александр МУЛЕНКО

Известен по книгам
«Волшебное озеро»,
«Остров Иванушкина Миши»,
«Счастье в яме»,
«Должник. Амнистия.
Ни свежего чая, ни курить»,
«В преддверии праздника».
В каждом сочинении
у Муленко – социальная
дисгармония.
Его герои выживают,
не торжествуя.
В настоящее время он –
инвалид второй группы,
пенсионер.
В прошлом – огнеупорщик.
Был участником
Чернобыльской кампании
1986 года,
во время которой работал в
Лукьяновке на строительстве
домов для переселенцев
из зоны аварии.
Последние пятнадцать лет
своей трудовой деятельности
обучал строительным
специальностям осужденных
в колонии строгого режима.
Член Союза писателей России
с начала века.
Живет в Новотроицке.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ. МАМЕНЬКИН СЫНОЧЕК

– Мама, кто мой отец?
– Ты давно не спрашивал, я
молчала.

– У всех ребят и у всех дев-
чонок в мире есть отцы. Сегодня
наша классная говорила о муже-
стве, о Родине, о воинском долге.
Что мы – наследники Великой
Победы.

Это было оживленное заня-
тие, посвященное дню Совет-
ской армии и Военно-морского
флота. Девчонки дарили маль-
чишкам праздничные открыт-
ки.

– Маринка, моя бывшая со-
седка по парте, рассказала, что
ее папаша в отставке. Он – май-
ор сухопутных войск. Имеет две
медали.

Шалопай, их в классе было
больше, галдели наперебой.

– Я защищаю родное небо, –
кривлялся Мишаня Клыков.

Исподтишка он запустил бу-
мажного голубя к меловой доске.
Вика его подбила и отправила в
мусорную корзину.

– Я, – сказала она, – зенитчи-
ца.

– А у меня братан играет за
ЦСКА, – похвастался Пеньков-
ский.

– ЦСКА – это самая сильная
команда в России. Сережа, он –
хоккеист? – спросила учитель-
ница.

– Он в дубле.

Отличаясь от шалопая, по-
слушные дети терпеливо тянули
руки.

– Что скажешь, Лена? Ты –
умница.

– Моя мамочка – главный
врач, – важно отчеканила Смир-
нова. – Мамочка состоит на уче-
те в военкомате. Дома она хранит
орден, выданный ей за победу в
Афганистане. В больнице под бе-
лым халатом моя мамочка носит
настоящий офицерский костюм.

– Это, конечно, важный воен-
ный госпиталь?

– Да, – заверила Лена.

Валерка молчал.

– Руденко, а твой отец? Он
был солдатом?

– Мы с мамкой живем вдвоем.

– Его отец – украинский по-
лицейский, – брякнул Пеньков-
ский. – Он обезврежен и сидит за
решеткой, глотая слезы.

– Ты врешь, – вскопчил Вале-
ра, готовый к драке.

Не ведая правды, мальчишка
был бессилён против сварливо-
сти баламута. Марина шарахну-
лась от Валерки, как от бубонной
чумы, и пересела в другое место.
Другие дети дружно расхохота-
лись.

– Сын за отца не в ответе,
– строго сказала учительница,
пресекая посмешище. – Валера,
уймись, а ты, Марина, вернись
обратно.

– Я не хочу, – отрезала девоч-
ка. – Мне стыдно сидеть рядом с
сыном полицейского оккупанта.
Я – офицерская дочка. Он – ма-
менькин сыночек.

Дома оскорбленный маль-
чишка признался, как стал изго-
ем в коллективе.

– Где мой отец? Ты же зна-
ешь об этом, мама. Почему он
меня не любит, не заступаете
перед более сильными? Он –
предатель?

Женщина утешила сына:

– Не плачь, Валерик, твой папка сегодня служит в ракетных войсках. Он – честный советский командир.

Это было неправдой, однако назавтра в одежном шкафу появился отутюженный парадный мундир с погонами сержанта. На бортах сияли отличия, среди которых находился неуместный значок «Старший погранотряда СССР». К чему он ракетчику? Но у ребенка полегчало на сердце. Утром он ответил Пеньковскому:

– Мой папка не предатель.

– А кто же твой папка?

– Он – советский командир.

Ты должен извиниться.

Встретив агрессию, Сережка захлюздил:

– Что же ты сразу про это мне ничего не рассказал?

– А кто ты такой, чтобы я тебе об этом докладывал? Ты хочешь в морду?

– Ну, если так, то я беру свои слова обратно. Прости, Руденко.

После этого разговора Марина вернулась на свое старое место в классе для продолжения детской дружбы с Валерой.

– Мне с тобою уже не стыдно, – сказала она. – Ты – не предатель, ты – смелый и честный патриот.

Весною умер ветеран Великой Отечественной войны Василий Петрович Неугомонный. Проститься с покойным явилось много людей. Во время похорон, перебирая награды старого воина, вдова отделила от них юбилейную медаль, выпущенную к тридцатилетию Победы, и протянула маленькому соседу: «Возьми ее, Валерик, на память о дедушке Васе. Он был хорошим артиллеристом. Наш дедушка умер от старых ран».

Дома малой прицепил дарение на отцовский мундир и окончательно забыл об унижении смехом. В то время он учился в начальной школе.

РАССКАЗ ВТОРОЙ. ЦИРКАЧ

Прошло восемь с половиной лет.

– Валера, что тебе подарить в день рождения? – спросила мама. – Ты скоро получишь паспорт. Может быть, закажем костюм?

Сын вышел богатырем. Мускулистый. Ни грамма жира. Косая сажень в плечах. Размеров его одежды в продаже не имелось.

– Не надо, мамочка... Не траться.

Уже обесценились и почти исчезли из оборота советские рубли, опустели прилавки, зарплату выдавали продуктами да вещами. Грянули «гайдаровские» реформы. Жить стало нехорошо.

– Как же мне тебе угодить? – расстроилась женщина.

В одиночку растившая сына, всегда утомленная Вера Ивановна Руденко работала ведущим специалистом на механическом заводе по производству сельскохозяйственных машин. Толстые учетные книги, расчеты, бумажные договоры. После работы – кухня да магазины.

– Подари мне гири. Те самые разборные двухпудовки, которые я тебе показал однажды в спортивном отделе. Вот закончу среднюю школу и вместе с ними поеду учиться в цирковое училище на гимнаста.

– Когда же ты станешь взрослым? – вздохнула мама.

Гири из магазина принесли выпивохи. Чертыхаясь, они понимались с ними на третий этаж обшарпанной хрущевы. Таких печальных домов немало даже в парадных городах. В них доживают ничтожные люди – безропотные трудяги да мелкие инженеры, не стяжавшие успеха при смене экономик. Одна из гирек коснулась вздутой стены. После удара старая отслоившаяся штукатурка посыпалась на свежевывмытые ступеньки лестничного марша, обнажая полувековые ветхие кирпичи, пере-

жженные более чем полвека назад в плодovitых печах социализма.

– Вот и насорили, – буркнул разиня.

– Я уберу, подштукатурю, подкрашу, меня простят. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь.

Хозяйка виновато семенила впереди невеселых ломовых, показывая дорогу. В квартире она попросила поставить гири в кладовку. В дальний угол.

– К чему, мамаша?

Вера Ивановна ответила:

– Гири – это сюрприз, – и покраснела по-детски. – У сына – праздник. Послезавтра ему исполнится шестнадцать лет.

– Будет большая пьянка? – сострил баламут.

– Нет, пьянки не будет никакой. Он у меня не пьет.

– Женить его надо... В его-то годы я был непослушным: и бухал, и курил, и даже зрелые девки меня любили по-всякому и так вот, и эдак. Слабак еще твой сыночек.

– Под кепкой – метр девяносто два. Ты мелок. Тебя заборет, – отрезала женщина.

Валерка не слышал этого разговора. Он бы тоже ответил.

– Не дело это, чтобы будущий жиган держался за мамашку в шестнадцать лет, – не унимался трепач. – Гони-ка, тетка, монеты, как мы договорились.

По уходу рабочих Вера Ивановна прикрыла гири ветошью, и в день рождения ее могучий дитенок ликовал, воображая себя артистом на манеже. Сынуля разбирал и собирал новые чугунные игрушки. Пудовками он жонглировал, почти не задыхаясь; двухпудовки толкал под потолок, слегка поджимая ноги в коленках. Освоил яростные рывки.

Назавтра одна из гирек упала на пол. На втором этаже от удара посыпалась известка, подвесная люстра сбросила бусины. Тут же пришла соседка.

– Валера, – мирно попросила она, – помоги мне, пожалуйста,

подвесить на место уцелевшие стекляшки.

Это была пожилая интеллигентная женщина. Никто никогда не слышал от нее скандальных или грубых слов.

– Я вас понял, Анна Петровна, я помогу.

Мальчишка наладил люстру. В награду Анна Петровна вручила Валерке две старые сумки из плотной кожи, и с того момента самостоятельный атлет занимался с гириями на заброшенных спортивных площадках. Над ним смеялись шишкарки. Впрочем, как истинный силач, парнишка давно не чувствовал злорадства, исходящего от курящей шпаны, живущей по уличным законам. И более... Однажды на автобусной остановке он отошел от поклажи, чтобы купить в киоске бутылку минералки. Во время тренировок хотелось пить. К одиноко стоявшим сумкам, где были прикрыты гири, подошел дежурный постовой и громко задал вопрос, имитируя добросовестную службу:

– Чье хозяйство?

– Мое, – ответно крикнул Валерка, стоявший около прилавка.

– А если утащат?

– А вы попробуйте, товарищ сержант.

Инспектор было нагнулся, желая приподнять одну из сумок. Да вышел конфуз. Почувствовав ночью, милиционер отступился и с уважением поглядел на мальчишку.

– Ты сам-то это поднимешь?

– Запросто, товарищ начальник... Я же – будущий циркач.

– Ох, и прижучил ты солдафона, – застрекотали окрест. – Он – арлекин, а ты – герой.

Люди судачили, смеялись, кланялись силачу, хватаясь то за его неподъемности, то за него самого, как за святого.

По телеку ежедневно обличали коммунистов, ругали историю их управления страной и восхваляли царя, понапрасну убитого в восемнадцатом году. Приучали новое поколение набивать мощную любую ценой. «Умри ты сегодня,

а я – завтра», – стало новой возвышенной программой для обучения молодежи капитализму. Но что-то неизжитое, вчерашнее, доброе еще теплилось по всеям инертно от лучших годовых лет. Школьники бескорыстно помогали дошкольникам улыбаться.

Ленка Смирнова два раза в неделю ходила в подшефный детский садик, где вживую пела для малышей мультяшные песенки, подыгрывая себе на пианино. Этот музыкальный инструмент хотели было сдать в металлолом какие-то важные продуктивные старикашки во время переезда из захолустья в элитный район к преуспевающему сынуле, да в последний момент пианино подарили малышне. Акт их доброй воли имел успех. Пришел настройщик, отладил струны. Ленка взяла аккорды, подняла голос. Потом появились корреспонденты и сняли небольшое кино о великой щедрости новых русских предпринимателей. Как новенькое, старое пианино чернело в большой брезентовой палатке, открытой настежь, напротив окна дежурного охранника. Без дела оно закрывалось на подвесные замки, их скобы были ввинчены в крышки инструмента. На ночь палатка подвязывалась от лишних и хищных глаз. Впрочем, украсть пианино проблематично даже без взлома.

Валерка приударил за Ленкой. Они гуляли и трепались обо всем, что им казалось интересным. Ей очень нравились стихи Анны Ахматовой, а ему, мало читавшему книжек, песни о цирке.

– Ты мне сыграй такую песню на пианино, – попросил Валерка, – я станцюю, скажем, оригинально.

Он появился в детском садике на бетонном заборе и продолжительно кривлялся под музыку, гуляя по верхотуре безо всякой страховки, жонглируя тяжелыми гириями. Это был опасный, рискованный номер. Валерка дер-

жал равновесие как настоящий гимнаст. Вся ребятня рванула к месту концерта. Их воспиталка помчалась за ними туда же, где неразумные мальцы пытались дотянуться до силача: хлопали ему в ладошки, подпрыгивали. Женщина от страха кричала, плакала, вытаскивая своих подопечных из жуткой зоны неожиданного концерта. С окрестных деревьев падали яркие осенние листья, дул ветерок – стояли последние солнечные деньки. Валерке приказали закончить свое выступление и спуститься на землю.

– Ты откуда взялся? – спросила заведующая детским садиком. – Ты понимаешь, какая возникла ситуация? Твои гири могут упасть на головы ребяткишек.

– Это – мой одноклассник Валера Руденко, – вступилась Ленка. – Он опытный бродячий артист.

– Хорошо, – согласилась заведующая, – пускай он артист, пускай он опытный и бродячий, я на это не возражаю, но прежде, чем выступать с тяжелыми гириями, стоя на заборе детского сада, отведите, пожалуйста, малышкой на безопасное расстояние. Организуйте, устройте барьеры, поставьте скамейки как в шапито, рассадите детишек...

Потом был снег, за ним – весна и новое лето.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ. КРОССОВЫЙ МОТОЦИКЛ

Все нерентабельные структуры были уничтожены на корню. Заводы распродавались. В отделе комплектации, где трудилась Вера Ивановна Руденко, ожидали невеселых оптимизаций.

– Отныне наша экономика стала бесплановой. Новое руководство готовит сокращение штатов, – объявил главный экономист.

Один из завсегдаев директоровских совещаний он прошептал при встрече:

– Вера Ивановна, быстренько собирайте компромат на Петровну и Веселовского. Это слабое звено вашего отдела.

– Как это? – удивилась Руденко.

– Петровна никогда не ездит в командировки, ваш начальник за это ее не любит. Надо ему подкакнуть.

– А Веселовский?

– Он вчерашний коммуняка. В нынешней работе Веселовский маломобилен, поскольку ранее заседал в парткоме завода. Тогда его боялись, но отныне этот товарищ – никто. Парткомов на свете больше нет. Отыщите его ошибки в новой работе и доложите директору. Кроме этого, вам полезно знать...

– Что? – испугалась Вера Ивановна.

– Эти люди не дремлют. Если вы не решитесь на доносы, они утопят вас.

Так и случилось. Руденко была уволена из отдела. Ей предложили работу в пансионате, где проживали и кормились учащиеся профессионального училища – будущие станочники. Раз в неделю Вера Ивановна выдавала им свежее постельное белье, в другие дни следила за чистотой и порядком в помещениях, даже разбирала жалобы подопечных друг на друга, – многие обитатели общежития были капризны и драчливы. Но вот появились новые слухи о том, что училище тоже доживает последние дни.

– Может быть, это разговоры? – обнадежил Валерка.

– Такое творится по всей стране.

– А вдруг все-таки станет лучше?

– Не станет, – ответила матушка. – Денег у нас в загатнике почти не осталось. Если завтра меня уволят, то мы пропали.

Валера открыл шифоньер, увидел китель отца. Уже не восхищаясь отличными значками, он отцепил юбилейную ветеранскую медаль, подаренную

когда-то вдовою артиллериста, потер ее фетром для лучшего блеска и, как дорогой талисман, положил к себе поближе – в ящик стола. В заслуги отца папень уже не верил. Ни писем, ни денег, ни фотографий от папаша не было никогда. Ничейный парадный китель остался висеть без движения во тьме одежного шкафа – забытый и жалкий. Детство закончилось. Назавтра Валера оставил учебу в школе и подался на производство – в цех по ремонту металлургических печей.

Начальник отдела кадров был ошарашен его приходом.

– Иди отсюда в бурсу, учись, малявка. Не возьму я тебя работать и всё.

– Тогда зачем вы объявили вакансию в газете «Металлург»?

– Вовсе не для тебя. В этом цехе взрослые мужики надрываются и падают от бессилия, а ты еще – пацан.

– Я – здоровяк, – обнадежил Валера.

– Это с виду ты здоровяк. По двадцать, по сорок тонн магнетита в иные дни приходится в руки на человека. Есть камни по тридцати килограммов каждый.

– Я и сто поднимаю, не напрягаюсь.

– Не ври, никто тебе не поверит.

– А я докажу.

– Послушай, школяр, в цехе, куда ты хочешь, без ругани не общаются.

– Я объясняюсь на том же языке.

– Повсюду бывшие заключенные или иной какой сброд, на воле больше нигде не годный. И никакого карьерного роста.

– Мне не надо карьерного роста.

– Под ногами – горячие, вишневы после плавок кирпичи да шлам. За трое суток ремонта они не успевают остынуть. Чайник с водою, поставленный на эти камни, закипает через минуту. Куда ты прешься? Подумай и отступись.

– У меня – мамка больная. Она сегодня лежит в больнице, не поднимаясь уже неделю, а денег больше нет ни копейки. Нас только двое в семье осталось: она и я.

– Ну, как знаешь, мальчишка, я тебя насильно в пекло не толкаю. Хочешь быть чертом, то будешь чертом. Когда тебе исполнится восемнадцать лет?

– Уже вот-вот.

– Через год, – уточнил кадровик. – Я тоже вижу твои бумаги. Работать будешь только в первую смену на подхвате у мастеров.

Царство металлургии – неорганический мир. Повсюду огонь: окалина, сажа, тяжелый шлам, не улетевший в небо, – нет никакой органики. Разве что черенок от лопаты да сам работяга, его одежда. Черный, в суконном костюме, он выходит рано утром из раздевалки, где остается домашняя одежда. Вечером она пахнет плесенью старых фанерных ящиков. Во время дождя или снега в раздевалке сочатся рыхлые плиты перекрытий, звенит капель, поэтому – сыро. На холодном полу повсюду тазики, ведра, старые тряпки, пропитанные водой. Случается – рвутся трубы. Тогда парят огромные лужи, и в душевой надолго перекрывают горячую воду. Чумазные люди моются ледяной. В правой руке у черного человека ведро для песка, в нем – тяжелый молоток и кельма, она же называется мастерок. Более «ударные» инструменты получают в инструменталке, откуда «навьюченные» ими люди двигаются по пешеходной дорожке в сторону горячего цеха, где трудятся весь день. Шаркая ботинками по асфальту, они «прохлаждаются»; тянут время, не торопятся в пекло, обусловленное трудовым договором. Мартеновский цех велик – девятьсот девяносто метров. Но еще немало других производств, где нужны руки огнеупорщика. Порою приходится нести по всему комбинату ломы,

отбойники, шланги, веревки, доски, но это – самая легкая часть работы.

Время от времени пламя лижало суконные брюки, суконная куртка от огня стала пятнистой и местами рыжеватой, словно шкура леопарда. Скособочились, обгорели ботинки из толстой кожи. Рубашка хранила свежесть вчерашней стирки всего полдня, а то и меньше. Потом она пропитывалась потом и обрастала стойкой коричневой грязью отходов металлургического процесса. Ее материя была еще подвижной и мягкой, пока Валерка нагибался и разгибался, поднимая и кидая кирпичи на транспортерную ленту, или парился в горячих боровах, в руках попеременно то лопата, то лом или кирка. Но стоило отдышаться, остынуть, рубашка каменела и рвалась, как будто не было ни стирки, ни починки.

Безропотный, безродный Руденко в отсутствие ремонтов помогал на «подхватах» в переезде на новую квартиру полковнику-военкому, у главного сталевара на дачах выкладывал тротуарную плитку, в подшефной оранжерее собирал первые поспевшие огурцы и помидоры. Была ли она на самом деле подшефной? Случалось, копать могилы отдавшим когда-то силы на производстве старикам и старухам. В такие дни Валерку угощали. В оранжерее – овощами. После возни на кладбище – поминальными обедами. Главный сталеплавильщик кормил поцарски. Его супруга привозила в ведрах на подворье для подневольных работяг густо наваристый борщ и жаркое да виновато глядела на приниженных людишек, никогда не смевших перечить мужу. Те жадно заглатывали пищу, стесняясь поднять на поварику глаза, обжигая при этом и рот, и глотку, икая от нетерпения, сморкаясь и кашляя. «Мужика необходимо уважать», – утверждал ее муж, и это было лучшее в барстве, восставшем,

как феникс из пепла, после долгого и неудачного строительства коммунизма. Однако денежки нувориши поприжимали. Вместо зарплаты под роспись выдали на руки продукты по навороченным ценам.

Однажды новый директор комбината обнаружил в своем хозяйстве затоваренный склад. В поиске рынка сбыта прежний металлургический воротило удачно обменялся прокатом на разного рода технику. В схроне были легковые автомобили, мотоциклы, велосипеды и многая мелкая бытовуха, необходимая в жилищах: телевизоры, холодильники, диваны, стиральные и швейные машины. Это добро иногда выдавали в качестве лотерейных призов во время проведения футбольных матчей или дарили юбилярам, да не простым, а именитым. Будучи благодарным, новый директор приказал все эти товары распродать по бросовым ценам. Раскулаченное хозяйство отправили в магазин.

Руденко занимался погрузкой заныканного товара. Недавно он с подачи военкома окончил скорые курсы армейских шоферов и, когда увидел новехонький кроссовый мотоцикл, глаза загорелись.

– Может быть, это – самая последняя машина завода имени Дегтярёва, – улыбнулся товаровед и влез умело «под шкуру» нестойкому пацану. – Капут, Валерка, нашему совковому автопрому.

Люди уже давились в очередях за дешевизной.

– Ты, дружок, не мешкай, а возьми-ка его себе.

– Мотоцикл? – удивился Руденко. – А как?

– В счет задержанной зарплаты. Я тебе помогу. Ты – хороший парнишка.

– Я бы купил, да мамка не разрешит. Она – хозяйка.

Несмотря на свою огромную силу, Валерка слушался мамку, пытался ее беречь: винулся по-

сле всякой своей неаккуратности, неуклюжести, да не от страха. Не ведом страх богатырям. Сильные люди пекутся о добре.

– Ты сначала купи, – смутил его завхоз, – а потом уладишь и с мамкой, и с оставшимися деньгами. Такой удачи завтра уже не будет, решайся.

Он уехал на мотоцикле и спрятал его в подвале, открытом для любого бродяги, и те, пожалуй, в холодные ночи выживали около горячих отопительных труб: тут же ели, мочились и спали. Осень уже плескалась слякотными дождями. Ни гаража, ни мастерской. Парень хотел покаяться мамке в том, что поддался на искушение завхоза. Попросить у нее совета назавтра, где лучше хранить свой новенький байк. Да мамка была печальна.

– Что случилось, мамуля?

У молодого банкира Владимира Ильича Мазухина была любимая поговорка: «Кто на что учился, на то и пригодился». Он ее повторял день изо дня разным убогим людям: курьерам банка, уборщикам, даже охранникам. Ухоженный хлыщ Мазухин носил в кармане английских брюк китайские музыкальные шары. Время от времени он доставал их на свет и, улыбаясь, перекачивал в ладонях «для лучшего счета денег». Иногда по-простецки в курилке его величали: «Ильич». В такие минуты Мазухин тактично напоминал: «Не называйте меня, как Ленина. Я просто – Вовчик». И умильно пояснял, что Ленин был немецким шпионом: «Он жил на фрицевские рубли, а я – образцово воспитанный честный русский банкир. Я – сам себе повсюду инвестор». Собеседники улыбались.

Когда Мазухин поднялся до Вована, появилась публикация о том, что он прикарманил девять миллиардов рублей и более миллиона долларов, которые перенаправил на личный счет в коммерческий банк островного государства Сент-Люсия. В Европе Вован попался в лапы Ин-

терпола. Его счета заморозили, и вскоре все украденные деньги вернулись в Россию. На суде Вована оскорбительно называли по имени и отчеству – Владимир Ильич. Но прежде тысячи вкладчиков построились около банка, требуя вернуть свои накопления.

Целый день Вера Ивановна Руденко простояла на крыльце сберкасс. В ней хранились ее последние копейки. Да не на старость, а на черный день жизни, который уже настал. Больные ноги отекали. Дома женщина плакала. «Деньги пропали», – сказала она Валере.

В покупке байка сын не признался. Вечерами, когда темнело, он осторожно выкатывал свой мотоцикл из подвала и тайно катался на заброшенном стадионе, боясь огласки. Ему было стыдно перед мамкой за растратленную зарплату. И вот – приказали явиться в военкомат.

РАССКАЗ ЧЕТЕРТЫЙ. ИЗВОЗЧИК

Переодели, переобули, переобучили. Руденко присягнул на верность Отчизне и добрался к месту прохождения службы. Гарнизон располагался на территории заброшенной геологической базы. Многочисленные склады, где ранее хранились колонковые пробы грунта, утеплили, прорубили в них окна и перестроили в казармы.

– Это ты – водитель? – спросил комбат.

– Так точно, товарищ майор.

– Машины для тебя еще нет, но скоро будет. Чтобы помыться, напиться и сварить харчи, мне, Валера, нужна вода. Вот, когда появится своя водовозка, то ты, Руденко, сядешь за руль и будешь ежедневно мотаться к нам в тыл на дню по нескольку раз, а пока работай в хозбанде.

Основные солдаты батальона посменно досматривали автотранспорт на участке дороги, ведущей из Ростова в Баку. Искали оружие, взрывчатку. Изучали

накладные бумаги у перевозчиков нефти. Брали на лапу за недосмотры...

Несмотря на мирное соглашение в Хасавюрте, вылазки лиходеев не прекращались. Время от времени в управе говорили о неприятельских рейдах по Дагестану, о перестрелках. Были погибшие. Эту важную информацию доводили под роспись всякому командиру. Недавно около трассы обнаружили отрезанные головы четырех похищенных иностранцев.

Пришла зима... Небольшой водоем, откуда понемногу летом черпали воду для кухни, без протоки заикс. Озерцо обросло осокой и стало мелким, как лужа. В гарнизоне возникли кухонные проблемы. Сухой паек вместо горячей пищи выдавали всё чаще и чаще.

Чистый источник находился в горной ложбине около деревни, в которой проживали вайнахи. Соваться к чужой воде без спроса было опасно. Выручил случай. Однажды в расположении батальона появились бородатые старики.

– Мир тебе, комбат, – сказал по виду главный.

– И вам того же, отцы... Вы что-то хотите?

– В деревне очень много больных, товарищ майор. Мы просим у вас уколы и бинты. Я – фельдшер. В нашей санчасти не осталось специалистов. Нужна подмога.

Продолжительная война порушила старые хозяйственные связи страны. Медицина пришла в упадок.

– Вот список необходимого нам лекарства, – подал деревенский врач.

– Я помогу, – обнадежил майор, – но мне до боли нужна чистая вода из вашего ручья.

– Приезжайте. Только без оружия. Не пугайте народ. Берите воду.

На этом договорились.

Вот уже более месяца по грунтовой дорожке до обеда и

после из расположения части к ручью моталась гужевая повозка. Ее тащил ишачок по кличке Яша. В телеге гремели бидоны. Рядовой солдат Равиль Ахметшин – погонщик осла и старший лейтенант медицинской службы Алим Мухамедзянов, оба тюркского вида хлопцы и мусульмане, шли по обочине, не утруждая животное. Тележка катилась к заветной лощине. Ручей был мелок. Он начинался где-то в горах, и, спускаясь к людям, иногда исчезал под камнями, обильно разбросанными по склонам. В таких местах вода отдаленно журчала. Случайные прохожие настороженно улыбались. Порою они, наклонялись до камней в надежде получше расслушать музыку подземелья. Кто-то угадывал ноты, иные – напевные суры и аяты Корана. Опаленные горем люди искали в горах душевный покой. Они мечтали о лучшей доле, желали мира.

В месте сбора воды низвергался худенький водопад. За долгие годы он выбил под собою глубокий приямок. Вода в нем не замерзала даже тогда, когда на камнях висели сосульки. Тропинка в ущелье была крутая, для повозки непроходимая, местами скользкая. Там, на днище оврага, в тени природы подолгу не таял снег. Поэтому ослик всегда оставался у бровки – наверху. Таскать воду по склону было непросто. Солдатик брал ведра и отправлялся за нею вниз. Бидоны в повозке наполнялись почти полдня. Во время подъема вода из ведер расплескивалась. Брюки у водоноса намокали и леденели. Лейтенант, напарник солдата, был ему не в помощь – белая офицерская кость. Он привозил к ручью лекарства для обмена. В первое время за ними приезжал фельдшер-бородач. Звали его Булат. Потом появился моторист, попутно ставший курьером.

– Он – русский, – представил старик нового человека. – Любит немного выпить.

Чертоватый по виду мужичонка ловко настроил старый насос. Его механика находилась в закрытом железном ящике чуть поодаль от ручья.

– Когда у меня появится лишний спирт, то я его не обижу, – обнадежил старший лейтенант. – Но только одну бутылку на раз. Сегодня спирта не будет.

– Ты слышал, Петька? – спросил Булат у работяги. – Не напивайся до икоты, а ты, командир, его не балуй. Свой спирт разбавь наполовину, чтобы его хватило на две попойки. Петруха у нас в деревне один, он – нарасхват, нужен в каждом доме немного трезвый. Полгода назад залетные абреки хотели его убить, но я не дал Петруху в обиду.

С тех пор вода поднималась по рукавам. В такие дни Равиль отдыхал. И всё же весною он простыл и ослаб.

– Давай-ка, Руденко, смени Ахметшина, – приказал комбат.

Уже почти полгода Валерка крутился на воинской службе при медпункте, скучая по дому, не наедаясь. «Вчера мы подняли в квартиру твой мотоцикл, – писала мама. – Он находился в дальнем углу подвала, закиданный старой стеклянкой ватой. Про него мне рассказали чужие люди – соседи. Что же ты, Валера, молчал? Стеснялся? А зря. Я бы тебя не ругала. Вчера мне, наконец, дали вторую группу инвалидности с ногами по диабету. Высылаю тебе в конверте маленький серебряный крестик. Ты надень его, сыночек, на шею и никогда его не снимай. Не ради Бога, в которого ты не веришь, а ради меня – больной. Трудно было мотаться по врачам за всякими справками. Повсюду просили искать работу, а я уже полгода почти не поднимаюсь с кровати. Ноги мои чернеют». Деньги, прижатые банком, она вернула да всё молилась на белой бумаге за сына, чтобы не возобновилась вчерашняя жестокая война на Северном Кавказе, чтобы перемирие не кон-

чалось. Валерка эти печали не разделял. «Я вроде ветеринара, мама, и на конюшне, и при медпункте. Нет, у нас сегодня, маманя, никакой войны, мы дружелюбны с местными стариками. Это даже не рэкетеры, они – простые крестьяне, вчерашние «совки». Все безобидные и честные люди. Крестик я, мама, надену, но только ради тебя. Ты, моя добрая, не волнуйся. Стреляют в людей не здесь, а где-то там. Особый привет моим соседям по дому за то, что сообщили про мотоцикл».

Но более парень дорожил письмом, полученным от Ленки Смирновой. «Помнишь, Валерик, как мы с тобою вместе развлекали малышкой в нашем подшефном детском саду? Ты был тогда силачом, а я – певицей. Когда ты вернешься домой, мы будем вместе». Написанное живыми чернилами, Ленкино письмо в его кармане стало пятнистым от солдатского пота. На солнце оно казалось веселым и вечным, как сказочная любовь. Ленка по-прежнему жила стихами да песнями. Девушка обучалась в музыкальном училище, имела постоянную сцену, а недавно получила награду на фестивале за лучшее исполнение детских песен. Валерка строчил Смирновой частые письма. От нее же было только одно.

Живая зелень сверлила округу. словно в калейдоскопе прострели белые, желтые, красные и даже черные тюльпаны. Ишак повеселел: уши держал он поднятыми кверху; крутил хвостом и дружелюбно оскаливал желтые зубы навстречу солнцу. Валерка иногда выпрашивал у дежурных по кухне старый зачерствелый хлеб, дробил его в сухари и угощал ими животное. Хрустели на пару, как братья. Даже груженым, ишак пытался игриво передвигаться, словно лошадь на ипподроме. И казалось, что война себя исчерпала навеки. Границу охраняли богатыри Валера и Яша.

В один из таких весенних дней моторист не появился. Его водокачка была закрыта. Чтобы передать медикаменты, их было много, старший лейтенант Мухамедзянов отправился в деревню пешком.

– Ты оставайся, – приказал он Валерке, – а я слетаю в больницу. Потом заверну в деревенский лабаз и возьму конфет. Когда объявится пьяница, отдай ему пойло. А если он не объявится, то бери в руки ведра и наполняй все бидоны самостоятельно так, как это делал Равиль Ахметшин.

– Запросто, – ответил Руденко.

– Старайся... Если промокнешь, то я найду для тебя самый надежный в мире аспирин.

– Не надо, – отказался Валера. – Это – по благу.

Саперной лопатой Руденко вырыл на склоне лощины маленькие ступеньки и мотался по ним, словно челнок, но не с ведрами, а с бидонами, имеющими надежные крышки. Подъемов стало немного. Солдат ни разу не намочился, не надорвался. После черной металлургии работа в горах оказалась нетрудной, даже спортивной. Когда воротился врач, он ему сказал:

– Петруха нам больше не нужен.

С той самой поры они приезжали за водой вдвоем и справлялись без моториста. Алим мотался в деревенскую больницу к пациентам, а Руденко по склону оврага – вверх и вниз...

РАССКАЗ ПЯТЫЙ. ЧЕРНАЯ КАВАЛЬКАДА

Вдыхая майскую свежесть, нараспашку, на шее крестик, Валерка поднимался из лощины с бидонами полными воды. Бойко стучало сердце. Источая душистые запахи разнотравья, горы стали волшебными. Беспокойные бабочки, пчелки, жучки летали, порхали, жужжали и трудились, опыляя молодые цветы.

Глядя под ноги, он не сразу заметил многих вооруженных людей. Их верховые лошади мирно жевали свежую траву. Сами всадники спешили и окружили водоноса. Алим валялся в ногах у главаря. Руки у старшего лейтенанта были опутаны, ухо висело как баклажан, во рту клубилась кровавая пена. Тут же понуро трусился старый деревенский фельдшер Булат.

– Беги, Руденко, через овраг, оттуда за камни, кричи, зови на помощь, – еле слышно сказал Алим. Что он мог приказать безоружному человеку?

Солдата догнали, пленили, избивали. Ему заклеили липкой лентой рот и поставили на колени. Суровый абрек приподнял Валеркину голову и заглянул ему в душу.

– Ты слышишь, мусор? Я более года вас повсюду ищу и собираю для расправ.

Заступился Мухамедзянов.

– Руденко столько не прослужил. Он вовсе не мусор. Он – водитель.

– Заткнись, – отозвался главарь. – Я, лейтенант, отрежу твою башку, только за то одно, что ты, порчак, поднял оружие против Ислама.

– Я не имею никакого оружия, кроме скальпеля и пинцета. Я прежде всего на свете – врач и хирург. В твоей деревне я лечил детей и старух.

– Это не оправдание.

– Это – соглашение двух сторон.

Мухамедзянов поднял глаза на Булата.

– Мы с Булатом договорились как мирные соседи. Скажи, Булат?

Фельдшер поддакнул.

– Он – тоже пленник. Его ожидает суд наших горцев за посягание неверным, – важно отрезал главарь.

– Не трогай меня, Руслан, – взмолился старик. – Уколы, бинты, лекарства были необходимы для нашего народа. Суд меня оправдает, а тебя накажет. Остынь.

– Если ты, Булат, не заткнешься, то у меня с тобой не будет никакого суда, я тебя зарежу, как мясо коровы. Ты же знаешь, кто я такой.

Телегу освободили от всякого груза. В нее затащили пленников, и черная кавалькада пропала в горах без вести для комбата.

Когда развязали глаза, расклеили рты, было темно. Невольники ютились в каменном сарае, где содержали рогатый скот и лошадей. Пахло пометом. Запах стоял ядовитый, аммиачный. Тут же в отдельном стойле находился их ишак. При свете луны, проникавшем через разбитое, но зарешеченное окошко, был виден его понурый силуэт. Ишак питался около коров старой соломой.

– Хоть бы один бидон с водой оставили, – произнес Валера.

Хотелось пить.

– Вода – в поилке для скота, – подсказал Булат.

– Я опутан веревками. До крана не доберусь.

– Руденко, прости, я был неосторожен, – отозвался Алим. – Шатался в чужой стране по всей деревне, как дома в Татарстане.

– Где мы, товарищ старший лейтенант?

– Мы, Валера, в плену.

– Нас убьют?

– Это как знать... Может быть, нас и убьют, а, может быть, потребуют выкуп.

– Я не имею денег.

– Я тоже.

Вмешался Булат:

– Кто-то донес Тагиру о том, что вы набираете воду в лоцине.

– Границы новой страны пока условны. Запретов на воду нет.

– Тагиру воды не жалко... И денег ему не надо... Это ложное поклонение дирхамам приводит к вырождению человечества, так считает Тагир. Он – правый мусульманин. Ваши русские люди ценят мир с надежной работой, с высокой зарплатой. Утром они поднимаются

к завтраку, потом идут на заводы или на государственную службу, далее – на обед, и когда вечером возвращаются домой, то, как эти коровы в стойле, жуют и ложатся спать. Смыслом их жизни стало получение скорого богатства и процветания. Только это всего лишь попытка застраховаться от неприятностей. Их беды никогда не окончатся. Сегодня беда на работе, завтра с женою, потом с детьми, с размещением, с оплатой жилища, и всякий раз, когда одна беда решена, появляется другая. В этой рутине проходит бездарная, безбожная жизнь. Человек умирает, а неприятности остаются.

– Чего же хочет Тагир?

– Он хочет мести. Его единственную дочку Камилу русские солдаты замучили до смерти в казарме. Акрам, ее муж валялся там же, как ты сегодня валяешься здесь, – закованный, избитый. Его пытали электрическим током, подвесив на железном кресте. Потом Акрама убили. Дети Камилы видели эти смерти. На маленького Рояна русские спустили собаку. Укусы животных подолгу не заживают. Мальчишка теперь боится на свете любых собак. Внучка Тагира сошла с ума. Зовут ее Аниса, по-русски значит – Настя. Девочке – семь с половиной лет. С людьми она молчалива. Всего два слова: да или нет. Другое дело – животные. Возьмет маленькая Аниса на ручки кошечку и что-то поет. Потом увидит в будке собаку, нет, не ту собаку, которой травили брата, а порядочную собаку, честную, человеческую, блохастую – совсем не миллицейскую тварь... Встанет перед ней на колени, как на молитву, и читает ей Коран. Собака ответно вертит хвостом: и лижется, и ластиться к девочке, стучит от радости передними лапами по земле. Тагир увидит это нелепое представление в окошко и тайно плачет, скрипя зубами. Но я-то знаю, о чем печалится этот человек.

– А кто такой Руслан? – поинтересовался Алим. – Тот самый абрек, который меня избил.

– Он брат замученного Акрама. В его отряде – все проверенные вайнахи. У каждого из них кто-нибудь погиб или пострадал от «зубов» омовских воротил в фильтрационных лагерях. Камила с детьми хотела уехать от этой напасти к двоюродной сестре в Ростовскую область. Но даже туда ее не пропустили ваши менты. Вернули в лагерь.

– Значит все-таки Немезида?

– Месть – холодное блюдо. Она хранится в душе, не проходя до самой смерти. Со временем это чувство только растет и ищет исхода в стране, где у власти оказались никчемные судьи.

Никто не спал. Ближе к утру подъехал старый санитарный микроавтобус – «таблетка», и в полдень невольников доставили в небольшое лесное поселение, укрытое в горах. Четыре накатанные жилые избушки, туалеты, баня, конюшня, коровник, старый пустующий гараж, при нем слесарная мастерская да пара больших палаток – вот и всё благоустройство. В лучшие годы в этом месте находился конный спортивный лагерь, откуда летом начинались туристические маршруты по историческим местам. Сегодня в этом пристанище лечили и обучали боевиков.

Когда опутанных пленных повели в штабную избушку, на улице появились дети – мальчик и девочка. Невольники догадались, что это Роян и Аниса. Роян нагнулся за камнем.

Араба звали Дамир. Он верховодил. Тагир и его угрюмые вайнахи стояли как подчиненные люди.

– Который врач? – сурово спросил Дамир.

Руслан показал на Алима.

– Ты умеешь лечить черные и рваные раны?

– Мне нужны инструменты и препараты.

– Хорошо. Ты получишь и то, и это.

Араб оглядел Булата.

– Ты тоже врач?

– Я – фельдшер, мой повелитель, а не хирург. Я лечу пациентов только от простуды.

– Вы оба сегодня отмоеетесь, переоденетесь и будете работать в моей больнице, – распорядился командир. – Бить вас больше не станут.

Он вопросительно посмотрел на Руденко.

– А ты?

– Я – солдат, – ответил Валера.

Араб повернулся к Тагиру.

– Это – твой личный пленник, мой брат. Ты можешь его прогнать или отрезать ему башку.

Дети стояли рядом с дедом.

– Аниса, ты видела этого человека, когда пытали отца?

– Нет, – ответила девочка.

– Ты кинул камень, Роян. В кого?

– Такие солдаты пинали меня ногами, когда я находился в тесной железной клетке в русской тюрьме.

– Он один из них?

– В той самой клетке я не мог повернуться даже на бок, я не сумел закрыться от ударов. Я, дедушка, валялся ниц и почти не видел их бешенные лица. В глазах у меня стояла кровь.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ. АНИСА И РОЯН

В маленькой механической мастерской уже давно не проводились слесарные работы. Она пустовала. При советской власти в кузнечном углу ежедневно дышала небольшая отражательная печурка. В ней нагревали железные заготовки. Из них лепили декоративные ограды, дверцы, подсвечники, цветочные подставки и подковы для лошадей. Теперь печурка местами разрушилась. Многие кирпичи потвалились. Наковальню сдали в металлолом. Вместе с нею навеки пропали все кузнечные инструменты: кувалды, зубила, пробойники, подсеки и кле-

щи. Металл себя исчерпал. Такое опустошение постигло всю страну. Ее приватизация, как саранча, сожрала государственное хозяйство, подтолкнула людей к жестокости, к войнам: кого за землю, кого за веру, кого за правду. Но чтобы замучить одного ничтожного пленника, кое-какие технические возможности все-таки остались. В лагере появился Петруха-нарасхват. Он недавно обрезался в мусульмане и отпустил небольшую бородку. Вайнахи его называли братом. Однако великой важности среди них Петруха еще не приобрел и жил, как прежде, на побегушках. Деляга принес цемент и перестроил печурку в подобие сводчатого чулана, внутри которого человеку было ни приподняться, ни развернуться. В этом кирпичном сегменте Валерка вертелся на четвереньках. На шее – стальной ошейник, на ошейнике – тросик. За стенкой – лебедка, державшая невольника «в узде». Два или три раза в неделю мучители выгоняли узника из-под камня, чтобы тот немного «попрыгал» по помещению мастерской – подразмялся. Руки у Валерки в запястьях были опутаны капроновой бечевой. Роян брал плетку-свинчатку и лупил ею огромного человека, как животное. Руденко был беззащитен. Он метался по цеху с горькими криками – плакался. Ему было больно. Когда маленький экзекUTOR уставал, Петруха повсюду мастер отмывал окровавленную жертву из шланга вонючей водой. Ее хранили в подземном баке с незапамятных времен для тушения возгораний.

– Прими, как я, Ислам, – поучал новый российский мусульманин. – Тебя развяжут, переоденут. Ты станешь пять раз в день молиться Аллаху и питаться, как честный человек. Свиному, правда, кушать совсем нельзя, но курицу можно.

Заканчивая пытку, по жесту Рояна, Петруха, его послушный слуга, торопился к лебедке

и втаскивал тросиком измотанного пленника в конуру, придуманную Тагиром. Бывшая печь имела тягу. К полудню Валерка просыхал и, весь божий день, как собака, зализывал доступные раны. Роян торжествовал.

– Ты погляди-ка, Мухтар! – Так нарекли Петруху мудрые мусульмане. – Через полгода этот Руденко обрстет у нас вонючей шестью и станет гавкать на всю округу, как алабай.

Днем приходила Аниса-Настя. Как в трауре, черная и безликая, она поила Валерку чистой водой. Девчушка наливала ее в металлическое корытце из принесенных кувшинов, и пленник тянул эту воду губами так, как это делал его ишак, разве что стоя на четвереньках, захватывая корытце опутанными руками, растопырив при этом разбитые локти. Пил да косился то на Рояна, то на Мухтара, если они находились поблизости, и боялся неожиданных резких звуков извне. Настена доставала лепешку, и пока Валерка ее уминал, держа в чуть раскрытых ладонях, по складам читала ему Коран.

Появился Алим. Он осмотрел Валеркины раны, оставил девочке дегтярную мазь, таблетки. С той поры Аниса ежедневно натирала пленному солдату разбитую ошейником шею, смазывала рубцы, кровоточившие после ударов свинчатки, с руки подавала Валерке сахар и убиралась в его печи. В туалет солдата никто никогда не отпускал. Он мочился и испражнялся в месте, котором жил. Руденко ожидал появления Насти, как солнца. Через месяц, а может быть ранее, одежда у солдата превратилась в лохмотья. Зашел Булат и, являя великое сострадание, передал Валере старый пуховый спальный мешок. Пленнику стало теплее жить, но скоро появились вечные спутники человеческих мучений – вши, и не было возможности почесаться.

Потом прибежали две огромные крысы. Ночами они беззнака-

занно ошивались около чулана, мешая уснуть. Как-то, увидев их, Аниса принесла большую пегую кошку и что-то ей нашептала. В сухие безлюдные минуты животное почти не покидало замученного пленника, мурчало, грело его и посылало материнские импульсы своей могучей кошачьей любви, если сердце у подопечного замирало от слабости. Роян уже хотел привести сюда собаку и поразвлечься для смеха... Да боялся собак. Крысы ушли в конюшню, там не было кошки.

В горах уже пуржило, однако в лагере повсюду пестрело и было еще тепло. Деревья соревновались в желтизне, роняя листья. В такое осеннее утро пришли вожди Дамир и Тагир. Стоя около Валеркиной конуры, они говорили про величие Ислама.

– Аллах удостоил Иссу и Мухаммеда чести быть лучшими среди своих посланников, – высказался Дамир.

– Мир им обоим, – поддержал араба Тагир.

Валерка от страха прижался к дальней стене чулана.

– Сегодня мы воюем за новое государство.

– Но эта война уносит лучшие жизни.

А где не лицемерят на эту тему?

Араб нагнулся и потянул Валерку за космы из тьмы на свет.

– Это тот самый могучий русский солдат, который попался в плен?

Он обратился к юному, но успешному палачу:

– Скажи, Роян, как он так быстро переменялся: похудел, оборвался, ослаб? Воняет, словно дохлая рыба... Твоя работа?

– Да-а, это – моя собака, – обрадовался мальчишка, выпячивая грудь перед важными стариками. – Скоро он будет гавкать.

Дамир увидел крестик, висевший у Руденко на шее.

– Ты веришь в бога Иссу?

– Нет, – ответил Валера. – Я – атеист. Так меня обучили в школе.

Главарь сорвал с солдата крестик и выкинул его в открытую форточку.

Потом спросил у Тагира:

– Разве ты не хочешь продать солдата его родным?

– У Руденки – больная мать. Мы вместе с Анисой перечитали все ее письма, присланные сыну. Я нашел их в кармане у пленника и понял, что он – безотцовщина, он – слабого рода. Его мамаша безнадежно бедна, к тому же – больная. Хороший выкуп за пленного не найдет...

– Тогда отруби ему голову. Он – безбожник.

– Сегодня другое время, мой брат. Чтобы стать ближе к Богу людская жертва не нужна. Я знаю иные возможности для работы с неверными.

– Это какие?

Тагир показал на Петруху.

– Вот этот русский умелец живет в чеченской деревне. Не пререкаясь, он принял учение Мухаммеда, и я тогда подумал, что мусульманское государство уже не за горами, если все люди, скажем, проголосуют за Ислам. Мы проведем референдум во всей России и предложим избирателям ответить только на два вопроса: да – Исламу в нашей большой стране или нет и в главном законе, в Конституции, пропишем волю Пророка.

– Если люди ответят: «Нет»?

– Такого не может быть. Слово: «да», – мы в бюллетенях пропечатаем выше и краше, чем слово «нет». И кроме этого... Нам нужен во власти свой молодой исламский президент, его твердая надежная воля и деньги на мирную агитацию россиян.

– Такая мирная агитация, Тагир, уже ведется второе тысячелетие. Мечети повсеместны, но есть народы, которые по-прежнему во Христе или хуже того – язычники или атеисты, как Руденко.

– Угроза кнутом в России сильнее порки. Русские люди

повсюду боязливы и послушны. И атеисты, и христиане, и даже буряты. Я полагаю, что все они от Москвы и до Камчатки проглотосуют за нашу мусульманскую власть.

– В твоих рассуждениях, мой брат, нет настоящей правды. Ты, Тагир, устал. Окрепни... Религия – это не то место, где люди устанавливают свои правила путем обмана. В ее основе, прежде всего, лежит истинная вера. Это – чистота сердца и совести.

В тот день Валерку не били. Не глумились над ним иначе... После ухода великих мусульман пришла Аниса. Крестик она случайно увидела в свежей осенней луже, узнала его, отмыла и вернула на шею пленному человеку. Как прежде она напоила Валеру чистой водой, достала сахар, и он его давил разбитыми деснами. Сладкий вкус был сильнее соли человеческой крови, стоявшей в полости рта. Валерке очень хотелось, чтобы сахар никогда не заканчивался. Но вот Аниса подала ему в ладони лепешку и открыла Коран...

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ. ПТИЦЫ, ПРОЩАЯСЬ, ЛЕТЕЛИ МИМО

Не были темными или отсталыми людьми ни араб, ни старый вайнах, ни их абреки. Первый имел ученую степень богослова и повсюду проповедовал Ислам, считая, что это – лучшее нравственное учение на свете, а Тагиру было за шестьдесят. В этом возрасте лидеры становятся мудрыми без всяких учений. Иная жажда сушила их разум. Это была мирская несправедливость: вопиющая, очевидная, глубокая и страшная.

Сорок лет тому назад Тагир присягал на верность Отчизне. Вместе с другими джигитами он приехал на службу в строительный батальон и поначалу уверовал в благодатность советских «воевод»: ворочал лопатой, махал киркой, послушно таскал тяжелые носилки с бетоном и даже

убирался вместе с «пачкунами» в казарме под хохот распоясанных мелких командиров, при посвисте их крутящихся ремней. Сержанты во время уборок лупили слабаков да обзывали их не полюдски, а по-скотски. Однажды Тагир возмутился и отказался мыть полы. Назавтра его сослали в «борзую» роту. Туда собирали дебоширов со всей округи и мордовали их, не опасаясь всяких законов. Была зима. Вчерашние бузотеры проживали в палатках. Днями они на холоде мотали колючку, валили в сугробы лес и как убитые спали по ночам. Окрест располагались другие строительные части. В полку процветало воровство. Пропадали шапки, валенки, ремни.

Дневальные бдели. Один из них находился около караульного столба. Он охранял покои снарядов. Слабенькие светильники испускали недалекий тусклый свет. Время от времени уличный сторожился передвигался вдоль палаток и осматривал зашнурованные окна. Другой занаряженный солдат топил буржуйки. Через каждые полчаса роли менялись. Дежурный по роте старший сержант Латиф Аскеров мирно спал. Он служил, не утруждаясь бессонницей.

Когда случилась кража вещей, Тагир находился около печки, колот дрова, он не услышал воров. Его напарник Иван Бутенко пребывал на морозе. Шел беспокойный снег. Луна утонула в далеких перистых облаках. Иван увидел около палаток посторонних людей и поднял крики. Солдаты роты проснулись. Трое военных строителей схватились за топоры и кинулись вдогонку пришельцам. Но «крысы» исчезли. Их следы запорошились. В гарнизоне царил мертвая тишина.

Пропали две шапки. Старший сержант Аскеров начал возвышенную бойню. Он мордовал, упиваясь своей злорадной властью над приниженными людьми: вначале лупил Тагира, потом

Ивана. Когда Бутенко упал, его пинали ногами бывшие хозяева шапок. Поутру ротозеев оформили на «губу». Там их тоже избивали, но не за шапки, а просто так, по «долгу службы». Джигит и украинец побратались в темнице и поклялись отомстить Латифу за мордобой. Через неделю после их освобождения с гауптвахты неугомонный старший сержант повторно избил Ивана. Украинец попал в больницу с надорванной печенью и умер в ожидании хирурга. За эту гибель наказали палачей, служивших на гауптвахте, но никак не Латифа.

Весною старший сержант Аскеров уволился в запас. Тагир дослужил через год. Он отыскал мучителя в Карабахе. Отрезанную голову Латифа вайнах отослал комбату на память. За это дерзкое преступление Тагира осудили на десять лет. Он поздно женился. Недавно в процессе никчемной в мире войны Тагир потерял свою единственную дочку Камилу, поруганную в русской казарме. Внуки у Тагира осиротели. Аниса была излишне добра, а мальчонка Роян, не зная меры, лупил своих врагов. Ему хотелось убить Руденко.

Птицы, прощаясь, летели мимо...

Обрывая последние листья, в лагерь примчался колючий ветер. Вихляясь, трещали оголенные ветки, знобило, и вот посыпались противные слякотные дожди. В округе сильно похолодало. Без дела в кузнечной подсобке валялся каменный уголь. Тагир оценил его запасы, и брату Мухтару было приказано весь этот уголь перенести в жилые места.

– Есть, – ответил Петруха.

– Дрожишь? – спросил Тагир у Валерки.

Роян уже неделю лечился в теплой избушке. Его свинчатка без дела лежала на полу.

– Не бойся, Руденко, хлестать я тебя не стану.

– Можно я принесу ему старое одеяло, Тагир? – осведомился Петруха. – Руденко сопливит, чихает кровью. У Руденки – туберкулез.

– Ты, Мухтар, зачем вернул ему крестик?

– Это не я его вернул, это – Аниса его вернула. У женщин в Исламе намного больше прав, мой старший брат, чем у меня. Я тут совсем не при чем.

– Моя любимая внучка – ненормальная, – согласился вайнах. – С тех пор, как она воротилась из русского мира, то ежедневно напевает аяты Корана для всех своих подопечных кукол и пленного, которого я все-таки зарежу, как Латифа. Я знаю эту неизлечимую душевную болезнь. Она называется – христианство.

Хозяин ушел...

Валерке стало тревожно. Уже вторую неделю его никто не истязал. Напротив, была забота. Петруха принес одеяло и местами прожженный, прострелянный, но толстый еще бушлат, стянутый с мертвяка. Алим и Булат попеременно кололи Валерке в тело что-то от болей. Уходя, врачи всякий раз оставляли сонники. В поилке была вода. Даже коробка с рафинадом лежала под носом. По кусочку пленный губами его таскал, и сахар не кончался. Аниса приносила еще. Собравшись как эмбрион, праведник засыпал среди вороха подкинутой рвани и видел нелепые, но счастливые сны. Вот он в металлургической печи во время ремонта подины греется, сидя на остывающих кирпичках. Рядом с ним находится его мамка. На ней суконный черный костюм, на лбу у мамки защитные очки, на голове – серый пуховый платок и каска красного цвета. В руках – почерневший от копоти чайник. Поодаль вспотевшие товарищи втирают рукавицами песок в шамотную кладку перевала. Валерке хочется помочиться. Мамка его зовет к себе, предлагает ему конфеты. Как же трудно и боль-

но перевернуться к ней навстречу.

Аниса громко шмыгала носом. Она пришла внеурочно, без книжки и, когда Валерка проснулся, протянула ему в подарок конфеты. Такого не было никогда. В эту минуту он подумал, что ныне его убьют, что это его последняя встреча с Настей. И почти угадал...

Дамир уехал воевать. В бывшей спортивной деревне остались только больные да караульные люди...

– Руденко, Бутенко, Петруха, – бубнил Тагир, заправляя соляркой дизельный генератор электрического тока. – Бутенко давно убит и отомщен, Руденко болен туберкулезом. Он заразен. Врачи – чужие пленные люди, лечат гангрену. Если появятся большие русские отряды, то что я буду делать? Скрываться от них, как мышка в нору, или лгать на допросах? В мои-то годы. Ай-яй-яй... Второй свободы уже не будет.

Репортеры безбожно стрекотали про войну, обличая шиитов и суннитов. Повсюду мелькали портреты суровых исламских вожakov, чьи судьбы как на ладони излагались от их появления на свет до самых последних военных передвижений. Бывшая супруга Латифа узнала Тагира во время просмотра российских теленовостей. Она неосторожно сообщила об этом старшему сыну – единственному сыну Латифа, и с юга из Карабаха на Северный Кавказ просочилась третья Исламская сила. Во главе небольшого отряда мстителей стоял Аскеров Асад. Его абреков никто не ожидал. Асад напал на лагерь Тагира неожиданно, в полночь, и в течение часа расправился со всеми встреченными людьми.

Во время боя Валерка зарылся в тряпки и уцелел. Что-то с громом влетело в соседнюю комнату. Раздался взрыв, вздрогнули стены мастерской, и кичман, сооруженный Петрухой, растрескался. Руденко встал на колена-

ки, выгнулся, словно кошка, выдал пухом потолок. Солдат перетер свои капроновые путы об острые кромки сломанных кирпичей и уже свободными от веревок руками отцепил находившийся у него за спиной собачий карабин. Тесный ошейник ослаб, легко разжался, узник освободился от тросика и впервые за время пленения вышел на воздух через разбитое окно.

В штабной избушке в крови валялся обезглавленный Тагир. Зажав руками живот, с ним рядом навеки угомонился Роян. Валерка хотел увидеть Настю, боялся: «А вдруг убита?» Из штаба он отправился по домам и полночи заглядывал во все углы да чуланы, вызывая ее по имени: «Аниса, Аниса, Настя. Где ты? Иди ко мне». На пути попадались мертвые люди, но девчонка не находилась. По ходу была больница. Многие пациенты погибли, лежа в кроватях, иные скорчились на полу. Алим сжимал, как оружие, медицинскую стойку для инфузорных влияний. Было видно, что перед смертью он сопротивлялся. Булат еще дышал.

– Ты как? – спросил Валера.

– Пока живой, – тихо промолвил фельдшер. – Во мне две пули.

– Анису ты видел?

– Поутру она попросила конфеты и ушла. Вот ее книга и кукла.

Коран, простреленный пулями, лежал среди убитых.

– Аниса снесла конфеты мне, – шепотом признался Валерка. – Только она одна зачем-то меня жалеет и каждую минуту боится, что меня зарежут, как мясо коровы.

– Беги отсюда, Валера. Беги быстрее ветра. Когда вернуться наши арабы, то они-то тебя и зарежут...

– Я полгода живу на четвереньках. Я еле-еле подвижен. Куда мне бежать-то? Сколько туда ползти?

– В мою деревню... Бери мамшину, Валера, и гони на ней, не

оглядываясь в горку и дальше вниз. Ключи у Тагира в правом кармане. Его «таблетку» ты видел. Она находится в твоей ма-стерской, там же, где лебедка, за стенкой. Машину Тагира знают все тутошние вайнахи. В дороге ее никто ни разу не остановит.

Когда Руденко собрался в путь, Булат уже умер. Еле-еле Валерка втащил тела убитых врачей в салон автомобиля и помчался в сторону федеральной трассы Ростов – Баку. Коран и любимая Настина куколка лежали как память за подкладкой его бушлата.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА

Светало...

Новая водовозка болотного цвета остановилась около помятой серой «таблетки», нелепо стоявшей на повороте федеральной трассы Ростов – Баку. Передние окна у машины были разбиты. На обочине лежал долговязый водило в поношенном бушлате. Его седые космы волновались от ветра, словно ковыль. Брюки были измяты, рваны. Ботинки просили каши. Из обуви наружу торчали тряпочные обмотки, светились голые пальцы да ногти на них, загнутые как у хищного зверя – длинные, пожелтевшие от грибковой заразы.

– Я частенько видел эту машину раньше, – подметил начальник продовольственной службы. Сам он повсюду мотался как экспедитор

– Вся дорога нынче обледе-нала, – отозвался его шофер. – Это – лихач, а не водитель, он вре-зался в ограждение магистрали.

Младший сержант Равиль Ахметшин очень гордился сво-ими успехами на дорогах. Все машины были ему послушны. Недавно Равиль получил желан-ную водовозку вместо Руденко, без вести пропавшего весной. Со-беседники спешили.

– Вроде бы жмур, – произнес Ахметшин.

Они заглянули внутрь «та-блетки».

– Жмур, – согласился напар-ник. – Причем не один. Тут их – полный «катафалк».

В салоне лежали трупы вра-чей.

– Вот этот, кажется, даже наш – армейский.

Из-под халата у Алима вид-нелся офицерский костюм.

– Мухамедзянов, – вскрик-нул Равиль. – Вот это – встре-ча... И деда я тоже знаю – Булат. Он из той, вон, деревни, откуда мы таскали чистую воду.

– Я вижу жареную кровь. – Начпрод осторожно потрогал рану Алима. – Это – огнестрел, товарищ сержант. Его убили из пистолета. Почти в упор. И у того, у седого, который валяется снаружи, тоже есть прорехи от пуль, как у Саида, но только свежей крови на одежде я не за-метил...

Равиль стремительно бросил-ся к человеку, лежавшему на ас-фальте.

– Товарищ лейтенант, това-рищ начпрод, это же – Руденко. Я его сразу не признал. Он и эти самые доктора пропали в мае. Вы тогда были еще в училище, и про этот случай не знаете ничего.

Ахметшин присел на корточ-ки и приподнял Валеркину голо-ву ладонями.

– Он – горячий...

– Такой огромный. Давай-ка вместе его затянем в нашу каби-ну и гони-ка, младший сержант, обратно в часть.

В медпункте Руденко раз-дели, осмотрели его лохмотья. В нижней одежке кишели вши. В карманах нашли конфеты без фантиков и детскую куколку в черном платье, поцарапанную войной. За подкладкой в бушла-те лежала простреленная араб-ская книга.

– Сожгите всю эту рвань, – распорядился старший медбрат. – Проводите солдата в баню. Подстригите его, побрейте, от-мойте. Смените ему белье. Да по-ложите на койку – высыпаться.

Будучи голым, Валерка слу-шал своих заботливых няnek да всё чесался, сдирая кожу с иску-санного вшами тела, ломал ног-тями струпья от старых плеточ-ных ран, нанесенных Рояном.

– А книгу, а куклу, а грязные конфеты? – спросил Ахметшин. – Их тоже отправить в печку?

Руденко дернулся за Кора-ном.

– Я тебе его не отдам. Это – добрая память.

Медбрат расхохотался.

– Куклу его отмойте. Книгу посыпьте дустом для дезинфек-ции. Конфеты отдайте на обед ишаку.

– Яшке что ли? – удивился Руденко. – А как вы его нашли?

– Мы, Валера, его не искали. Он появился через день или два после вашей пропажи.

– Сам появился?

– А что такого? – ответил старший медбрат. – Как все на свете кошки, как птицы, как ты, Валера, ишак стремился домой.

– Это вы меня подобрали, не испугались моей заразы. Могли бы бросить.

– Нет, Валера, это не мы тебя подобрали. Тебя повсюду искал комбат.

Валерка заплакал.

– Мне стыдно. Когда я чалил-ся в плену, после ежедневных побоев ко мне приходили девочка и кошка. Девочка была малень-кая, а кошка ее была большая – взрослая кошка. Она отпугивала крыс. Однажды девочка остави-ла мне коробку рафинада. Как собака... Я действительно жил как собака... Я лизал этот сахар языком, хватал его губами и грыз на уцелевших зубах. Я торопил-ся, я задыхался. Кошка спокойно лежала со мною рядом и грела меня, равнодушная к наслажде-нию. Мне очень хотелось, чтобы она тоже хрустела сахаром на пару со мною – по-братски. Так, как наш ишак весной хрустел сухарями. Он бы не отказался от сахара.

– Не плачь, Валера. Больше не будет плена.

– Отдайте мои конфеты ишаку. Прежде помойте, протрите их от грязи. В достоинстве мы равны: и люди, доведенные до состояния животных, и животные, очеловеченные людьми.

В бане, согнувшись, словно вопросительный знак, кожа да кости, высокий обнаженный дистрофик поливал из ковшика свое полгода немытое тело теплой водой, отогреваясь после долгой неволи.

Назавтра в палату зашел комбат.

– Мамка твоя писала повсюду жалобы, товарищ Руденко, звонила в политотделы, ходила по всем инстанциям, просила тебя вернуть. Вначале живого, потом любого. Мы повсюду тебя искали. Поверь... В той самой деревне я лично опросил всех проживающих в ней вайнахов. Они, как и прежде, получают от нас в подмогу лекарства и бинты.

– Письма какие мне были, товарищ майор?

– Из дома что ли?.. Были, Валера, были... Конечно же было немало писем. Мы их отправили обратно.

Комбат не досказал, что мамки у парня в живых больше нет. Вера Ивановна Руденко померла. Вначале ей ампутировали ноги. В последние дни жизни женщине кололи морфин. Она общалась с любимым сыном во снах, не обивая пороги военкоматов.

Как-то за дверью палаты раздался знакомый голос. В больничке объявился Петруха-на-расхват. Валерка стремительно поднялся с кровати. В кальсонах, не наряжаясь в верхние тряпки, Руденко устремился на встречу с подлым человеком. Лекарства, обещанные майором, Петруха держал в руках и уже любезно прощался с врачами. Валерка ворвался в ординаторскую без стука. Он развернул курьера к себе лицом.

– Где Аниса, Мухтар?

Бывший палач перепугался.

– Я про это точно не знаю... Прости, Валера. Аниса куда-то

ушла, наверное, в старую башню к своим далеким родным, но она живая... Тагира убили азербайджанцы.

– Я видел Тагира. Ему оторвали голову.

– Но тебе я, Валера, все-таки помогал, не губи меня понапрасну. Я же – свой. Я же – русский.

Руденко схватил Петруху за грудки и оттолкнул его – грубо, от сердца.

– Ты – русский, Мухтар. Ты – самый русский на белом свете. Это, ведь, ты нашептал Руслану про овраг. Это из-за тебя мы оказались в плену у Дамира. Мои друзья Алим и Булат погибли по сути в рабстве, но как честные люди, а я полгода жил на коленях. Вы с Рояном на пару каждый день меня стегали до полусмерти.

– Я не стегал, неправда, я тебя отмывал от крови и прятал в нишу. Я помогал.

После встряски бушлат у Петрухи распахнулся. На шее у предателя маячил... маленький крестик. Когда Руденко его увидел, то обезумел от гнева. В гробу или саване, в ином ли полотнище завертелся мертвый Роян. В памяти у Валеры витала его свинчатка, работал кнут. Повсюду в мире творились правые и неправые мести.

Руденко бросился на Петруху, как приведение – в белой пижаме, в тапках на босы ноги и погнал многоверца из воинской части за все шлагбаумы и кордоны честного мира. Как абразив, как аккорды духовной правды с неба со скрипом посыпался мелкий колючий снег, зачищая следы негодного человека.

Назавтра пришли первые результаты медицинских проверок. Палочка Коха имела место. На скорую руку опасного пациента собрали в иную, главную больницу, туда, где доживали чахоточные люди.

Перед отъездом Руденке показали карту Ичкерии.

– Скажи, рядовой солдат, где это было? – спросила разведка.

Он долго водил по карте пальцами, кумекал, но промолчал... Там, в горах скрывалась добрая девочка Настя. Она уже в полной мере познала фильтрацию российских лагерей, и передать ее обратно в лапы военной комендатуры Валерка не смог.

– О, да ты уже почти ваххабист, – догадался главный разведчик, увидев простреленную книгу в руках у молчуна. – Не будет тебе, Руденко, награды из нашего Кремля.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ. ЧАХОТКА БОИТСЯ СЧАСТЬЯ

Больничка находилась в усадьбе, обустроенной под русскую старину. Для пользы народа ее отжали у богатеев, удравших за рубеж от пролетарской диктатуры в двадцатые годы. Главное переднее здание архитектурного комплекса имело два этажа и жилую мансарду. На первом находились лечебные кабинеты, кухня и душевые, выше – палаты для больных. Рядовые солдаты бедовали вшестером, а хворые прапора да мелкие офицеры ютились по двое или по трое. В люксе, обустроенном в мансарде, томился бесноватый полковник, наживший себе сразу легких еще во времена войны в Афганистане от дыма конопля.

Возле больницы стояла маленькая часовня. Тут же – столлярка. За нею имелся подземный ледник, где изучали тела умерших. Около усадьбы тянулся высокий сквозной забор из металлических прутьев. Далее, у присыпанной снегом речки, громоздился смешанный лес.

Двое рабочих, особо не напрягаясь, колотили гробы для будущих похорон. Помирали не только больные туберкулезом, но и люди, проживавшие в округе. Избытка в «деревянных костюмах» не наблюдалось. Кладбище находилось на половине пути от больницы в поселок. Почти ежедневно долетали до слуха плачи

и причитания осиротевших людей. В столойке имелась лишняя водка. Скорбящие возле кладбища бедолаги ее покупали для поминок, а имущие пациенты, живущие при больнице, выпивали от скуки по ночам. Сроки лечения легких были великими: по четыре, по восемь месяцев кряду, по году. Время казалось долгим.

Доктор Валерку не обнадежил:

– Твоя болячка, Руденко, очень сложная. Я даже ума не приложу, как она могла появиться в груди у такого богатыря.

Не отрываясь, он буравил глазами нового пациента.

– Я был в плену, – признался Валера. – Меня избивали плетью и отмывали от крови из вонючего шланга. В темнице было сыро и грязно.

Он отвечал неохотно, немногословно.

– И не кормили? – подметил врач.

– Да... Меня, как следует, не кормили. Чулан это – не санаторий. Я голодал.

– Теперь ты будешь питаться в полную меру – четыре раза в день. Но зубы твои, я вижу, ни к черту.

– Меня излечат?

Врач осторожно ответил:

– Зубы твои излечат, но чашотку – не знаю... Надейся, Руденко, поможет Бог. Ты только не кури и не бухай. Не бери пример с оборзевших командиров.

Телевизор плевался новостями, как пулемет. Однажды вечером, было поздно, хотелось спать, наблюдая реалии далекой войны, Валерка узнал Руслана. Его отряд разгромил колонну боевых автомашин. Руслан глумился как победитель над людьми, стоявшими на коленях. Когда-то он также изгалялся над Алимом – ядовито, жестоко, пуская кровь.

– Мы помогаем разбить Россию американцам, – ухмылялся Руслан.

Эта хроника обличала жестокость врагов. Полковник, вер-

шивший в эту минуту у телевизора, разгневался.

– Надо немедленно вывести все наши войска из Чечни и сбросить на Грозный лучшую атомную бомбу. Пускай передохнут все до последнего вайнаха. Те же, которые уцелеют, станут смиренными, как ягнята.

– Там дети, – удивился Валерка. – Рядом с чеченцами живут кабардинцы и дагестанцы. Они добры и послушны России, но пострадают ни за что.

– Тебе их жалко? – заорал пьяный полковник. – Да я таких как ты, рядовой, мочил в сортирах Афганистана. Вон отсюда...

Загулявшие прапора и мелкие офицеры, сидевшие рядом с полковником, развеселились. Сами они никогда нигде не нюхали порошу и свои болячки нажили на «северах», как бездомные бродяги – по-честному пропивая полярные денежные надбавки. Эти послушные конформисты оценили браваду святого афганца на «пять» и были согласны на ядерный удар.

Словно главный участок фронта, всю ночь кипятился в больничном фойе телеэкран. Чахлые патриоты не устояли в «священной» войне. Они покинули диваны и отступили на новые более мягкие и надежные рубежи – в палаты стационара. То справа, то слева слышался их героический хрип и храп, не наносящий никакого урона внешним и внутренним врагам. Только один полковник, не сдаваясь, стрелял глазами в цель – по паскудной рекламе благополучий. Когда от холода Валерка поднялся и двинулся в туалет, шаркая тапочками по полу, полковник осипло кликнул:

– Солдат! Ты слышишь меня, солдат?..

– Чего тебе надобно, вешалка для наград?

– Посиди со мною, солдат, поговорим.

– Когда-нибудь я послушаю твои пустые речи, вояка, но не сейчас.

– Я был повсюду жестоким и подлым командиром. А ты, солдат, в плену не озлобился, ты – стоек.

Это покаяние было уместным. Великий воитель помер утром от безнадежных новостей. Его призывы к атомной войне оказались напрасными. Тело героя на одеяле стащили в ледник. Сняли мерку для гроба. Руденко вошел в столойку. В помещении благоухало лесом. Среди отходов древесины солдат увидел чурбак, немного похожий на человеческую фигуру. В начальной школе на уроках труда мальчишка занимался резьбой по дереву, но ресурсы для успешного творчества были малы, и времени для фантазий не хватало. Детские потуги на скорую руку оказались никчемными. В душе занятие с деревом надолго не прижилось.

Сегодня в мире малой остался один. Недавно он узнал о мамкиной смерти и долго плакал. От многих страданий душа опустела. Обиды терзали сердце, легкие почернели от горя. Но желание созидать нахлынуло в эту полую нишу, как панацея от злой судьбы. Так заполняется вакуум. Стремительная болячка, до этого поедавшая человеческую плоть, споткнулась. Из грязного чурбака Руденко вырубил светлую куклу. Это была Аниса. Как в жизни, она стояла, сложивши в молитве перед собою ладони, и, казалось, тихо чирикала, подглядывая в Священную книгу, лежавшую перед ней.

– Ты это брось, – приказали в палате. – Не скорби понапрасну... Будь твердым, как кремь. Сколько твоей девчонке сегодня лет?

– Семь или восемь, – ответил Руденко.

– До девяти ее не тронут, а потом отдадут кому-то в жены на потребление.

– Разве такое возможно? Она же еще ребенок?

– И даже не спросят у нее никакого согласия на брак.

Настырный говорило, соблюдая приличия, досказал:

– Я вижу, что ты, Руденко, свалился в негатив. Я, ведь, брякнул нечаянно, не подумав, ты на меня за это не сердись. Но в горах действительно такие законы.

Сопrotивляясь обидам, Валерка вырезал другие игрушки: себя в кичмане – на шее трос, рядом корыто; Рояна с плеткой; Петруху-нарасхват, живущего для угождения более сильным; Святого Алима, державшего скальпель над почерневшими ранами моджахедов; Булата – честного фельдшера и книгу, простреленную пулей. Все они стали частями одной большой композиции: «Плен». Но отдельной и самой страшной стала голова Тагира с его бездушными глазами, со включенной бородой. Рот у скульптуры был распахнут, виднелись оскаленные мелкие зубы, язык. Нож, положенный около горла, подчеркивал жуткую смерть старого абрека. Впрочем, самую отрубленную голову наяву Валерка не видел. Ее унес с собою Асад.

Прошло полгода. Во время осмотра врач спросил у Валеры:

– В чем счастье, солдат?

И тут же продолжил, не дожидаясь ответа пациента:

– Оно в востребованности.

– В семье или как?

– Не только... Возьми бомжа. Да-а... у него ни дома, ни работы. Но есть щенок. И он приносит ему вечером кусочек мягкого хлеба. Пес благодарен за эту заботу. Банально?.. Или творческий человек, такой, вот, как ты, создавший что-то новое, интересное. Разве не счастлив он в такую минуту?

Доктор разговаривал с собою. Валерка молчал, предчувствуя радость.

– Ты знаешь, Валера, я заметил, что чахотка боится счастья... Ты, Валера, один из тысячи человек, кому по-настоящему повезло. Я вчера увидел твои последние результаты флюо-

рографии, и болячка в них не отразилась. Отныне, Валера, ты – здоровый человек. Я тоже счастлив, ведь я оказался востребован, как врач...

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ. КАПЛИ ДОЖДЯ

Знобило. Кропило. Дуло...

В этот ненастный летний день Валерка вернулся с воинской службы. Пассажирский состав, в котором он добирался с Кавказа, у вокзала долго не задержался – умчался в Челябинск. На перроне Руденко остался один...

Как прежде дымили промышленные трубы. Над ними летние тучи заслоном предохраняли голубизну вышестоящего неба от красно-коричневого шлама сталеплавильного процесса, умело прибывая к земле крупую дождя витавшие в округе хлопья мелкой слюды, графита, кремнистую пыль. Она – вредна, она в избытке в любой металлургии. На пристанционных путях торчали товарники, загруженные сырьем. За ними маячил цех, в котором два года тому назад Валерка ремонтировал мартеповские печи. Оттуда навстречу солдату, словно приветствие, раздался промышленный взрыв. Возможно, что малая толика воды просочилась через печные конструкции и попала в расплавленную сталь. Или подручный не просушил металлолом. В такие минуты повсюду громко орут: «Срываем план... Давай, давай... За нашу славу и зарплату», – но забывают о безопасности. Тогда в разбитые окна промышленных фонарей наружу вырывается аварийный едкий дым и стремится туда же – в небо.

«На этом свете Аниса меня отмолит от горя, а что на том? – подумал Руденко и честно признался: – Мне уготовлен вечный огонь небесной металлургии за неверие в Бога».

Про явление ада Валерка неоднократно слышал от правоверных мусульман, читал у Данте.

«Разве не ад – моя прожарка в печах на этом свете, мой долгий мучительный плен и вчерашний туберкулез? Не ёмко ли в малой жизни? Отпустят ли кафиру толлику рая за эти страдания? День ли за день или подолее? Для Аллаха это – пустяк, и вечность от этого короче не станет. Ад не истлеет, не пропадет. Но в раю я на минутку увижу пресное море и напьюсь чистейшей воды. При этом меня не тронут ни словом, ни плетью – помажут целебной мазью раны, что больше года ноют на всякую непогоду. В раю в округе – смородина и вишня.

Размеров парадной одежды в каптерке не оказалось. На скорую руку солдату подогнали нетронутый офицерский сюртук от самого высокого и старого прапора на Кавказе. К нему присобачили пустые погоны рядового. Нахлобучили фуражку с околышем. Сказали: «Езжай, Валера. Прощай... Не возвращайся». Отдали «дембельские» бумаги, копейки, и вот Руденко прикатился в любимый город. Вдыхая утреннюю свежесть, пешим ходом он направился домой. Первые работы стояли на остановках в ожидании трамваев, не обращая внимания на мешковатого солдата, не разукрашенного значками отличий.

У детского садика Валерка остановился. Карапузы, как и прежде, были капризны. С ними сердито прощались их озабоченные дневными делами мамашки, убеждая в необходимости остаться на попечении у нянек. «Не так ли я, задолжавший стране свое избыточное здоровье, два года тому назад оказался в подчинении у безалаберных командиров, не доглядевших мою беду, мой горький, солено-кровавый плен?.. И пугливо ожидал, что меня убьют в любую минуту».

Чернело старое пианино, открытое капельками дождя. Рядом лежали сумки с гирями. Он их оставил перед уходом на воинскую службу после прощального концерта. Немногие

ребятишки помнили чудесного школьного акробата дядю Валеру и Лену-певицу. Два года тому назад эти ребятки приходили в поднадзорную младшую группу и робко хлопали в ладошки артистам. И верещали, словно гусята. Теперь они повзрослели, окрепли голосами, покликались воспиталку. Им захотелось увидеть новый концерт.

– Юля Сергеевна! Дядя Валера вернулся с войны.

Пострелята окружили Руденко.

– Это правда, что ты – циркач? – лепетали те из них, кто раньше его не знал, но был уже наслышан про чудеса.

Самые бойкие хватались за солдатскую форму.

– Где твои медали, дядя Валера?

– А ты кого-нибудь убил?

– А Лена придет?

– А Лена сыграет на пианино?

– А Лена поет про цирк?

Это были самые трезвые вопросы на белом свете.

Юлия Сергеевна испугано глазела на великана, поседевшего в двадцать лет. Другие демобилизованные солдаты в ее памяти были румяны, красивы, черны, игривы, а этот недавний богатырь высох, как надломленная ветка, стал окопного цвета. Для него не хотелось улыбаться.

– Дети, пора на завтрак, – позвала она. – Дядя Валера сейчас заберет свои железные игрушки и уйдет отсюда. Тети Лены больше не будет, сегодня буду я.

Все, размахивая руками, послушно убежали за воспиталкой. Только один мальчонка остался стоять на месте. Он увидел рубцы на щеках у солдата. На них появились слезы.

– Там было страшно, дядя Валера?

– С чего ты взял?

– Ты плачешь.

– Это – капли дождя. Солдаты не плачут.

Мужчины в мире появляются для смерти на войне, а женщины необходимы для рождения

новых солдат. Все они вместе управляются ненасытными вожаками очень далекими от окопов переднего края.

– Неправда, дядя Валера. Дождя уже нет.

– И в самом деле... Повсюду – зелень и цветы.

Около года вши да чухотка тянули из тела воду. Во время плена и даже после него он плакал бесслезно, жидкости в организме для этого не хватало, хотелось пить. Жажда была мучительной, долгой.

«Если я сегодня плачу по настоящему, весь в слезах, значит, мне стало лучше», – догадался Руденко и вытер щеки.

Дома, в квартире, повсюду лежала пыль. Задернутые гардины, душно, темно. Без рук завяли комнатные цветы. Под ними, как хворост, валялись осыпанные листочки. Лишь одна пластиковая елочка напоминала о хорошем, о добром. Символическая звезда украшала ее верхушку. Но неосвещенные шары висели мертвецки: не мерцали, не шевелились. Табуреты и стулья стояли, как в день похорон. На тумбочке находился мамкин портрет. Черная ленточка подрезала уголок ее фотографии. Возле двери, ведущей на балкон, как большая игрушка, стоял последний в России «Ковровец» – кроссовый мотоцикл, запрятанный Валеркой когда-то в подвале от стыда за растрату денег, которые нужнее были для выживания в мире расплодившихся негодяев, где подолгу не выдавали зарплаты, где цены на пищу беспощадно росли – ниже плинтуса опускались законопослушных. На бензобаке лежала сухая тряпка. Словно ребенка, Вера Ивановна ласкала железную махину, любимую сыном. Рядом с его мотоциклом стояла ее инвалидная коляска – важный предмет заботы государства о покалеченных, о безногих. Валерка попытался представить, как одинокая безногая мамка перемещалась из кровати в эту коляску, чтобы

добраться на кухню и смочить эту тряпку. Как можно прожить калеке без души, без ванны, без туалета? Не догадался... В мусорной корзинке находились пустые капсулы от инъекций, старые разовые шприцы, черные от крови тампоны. На столике около койки лежали тюбики с мазями, с ними таблетки, недопитая бутылка минеральной воды и письма. В отдельной стопке были немногие наивности от него – те самые радужные детские сочинения про дружественных вайнахов, написанные до плена. В другой, их было очень много, сухие отписки из бессердечных администраций, где, будучи ходячей, его мамка обивала пороги с требованиями найти и вернуть своего ребенка, пропавшего без вести на Кавказе. Одна государственная бумага была раскрыта: «Уважаемая Вера Ивановна! ... при наличии решения суда статус «пропавшего» или «отсутствующего» солдата возлагает на государство ответственность за его пропажу. Но признать солдата безвестно отсутствующим суд может только по истечении года после последних известий о человеке». Как удар матадора, как осколок гранаты, эта «металлическая» отписка пришлась в материнское сердце, надорванное войной.

В

РАССКАЗЫ

Екатерина ИВУШКИНА

Член Союза писателей России.

Член Союза Литераторов
России.

Член Русского литературного
общества.

Окончила Литературный
институт им. Горького.

Училась на семинаре
А.И.Приставкина.

Автор книг «Иная жизнь»
и «Аксиома».

Публиковалась в журналах:

«Апрель», «Нева»,

«Пограничник»,

«Литературное обозрение»;

в газетах: «День литературы»,

«Татарский мир».

Лауреат многих литературных
конкурсов, премий и фестивалей.

Живет в Москве.

БОЖОНКА

Дарья поставила точку, закрыла документ и отправила его начальнику.

– Всё! – громко сказала она и с удовольствием потянулась.

Марина, коллега и подруга, подняла голову.

– Доделала?

– Да. И отправила. Всё. Официально меня тут нет.

Даша откатила кресло и вытянула ноги. Марина, худенькая девушка, с шапкой светлых волос, уложенных в модную прическу, посмотрела на подругу с завистью.

– Везет же, – проговорила она. – Куда полетишь?

– На Мальдивы. Надо еще успеть чемодан собрать.

Даша встала и подошла к зеркальной стене, так удачно расположенной в их офисе. Поправила помаду и критично себя рассмотрела. Стрижка на ее рыжих волосах немного отросла, но еще вполне в форме, фигура тоже в порядке, хотя неплохо бы сбросить пару килограммов, и лицо... Да, конечно, уже появились морщинки, мешки под глазами, можно бы начать колоть ботокс, как все советуют, но вроде еще ничего, Моррису нравится, да и страшновато всё же. Уж слишком устрашающе выглядят те дамы, которые перестарались с возвращением молодости. Не хочется выглядеть, как старая заставка телекомпании «Вид», которая ее до дрожи пугала в детстве.

– Все-таки, везучая ты, Дашка, – Марина закатила глаза. – И должность у тебя, и квартиру купила, машина, жених американец, еще и на Мальдивы летишь.

Дарья развернулась, подошла и оперлась о стол руками.

– Странная ты, Марин. Думаешь, мне всё с неба упало? Знаешь, откуда я приехала? Даже названия этого поселка ты никогда в жизни не слышала. Как устраивалась тут, работала нянечкой в саду, потом продавцом в магазине, когда училась. И квартиру, про которую ты мне каждый раз напоминаешь, я купила в ипотеку. Мне еще несколько лет за эту однушку в Химках платить. Так что в ближайшее время ни о каких детях речи быть не может, я не могу позволить себе декрет. А что касается жениха американца, так я четыре года на сайтах знакомств сидела, сваху даже оплачивала, чтобы найти себе подходящего, хотя бы по возрасту, мужчину. Ведь русских невест в основном иностранные пенсионеры ищут. Да и Моррис не прекрасный принц, у него сложный характер, и разница в менталитете сказывается, что говорить... И потом, сколько я уже работаю без отпуска, сказать? Так что, перестань говорить о везении.

– Да-да, – согласно закивала Марина. – Конечно, ты всё это заслужила. И отпуск, и квартиру, и американца своего. Просто со стороны так кажется.

Раздался характерный писк. Дарья вернулась к своему компьютеру и посмотрела на экран.

– Всё, Сергей Иванович подтвердил. Теперь я в отпуске.

Она выключила компьютер, попрощалась с подругой и поехала домой.

Красивый, ярко-зеленый чемодан, купленный специально для этой поездки, лежал на кровати, раскрыв свою голодную

пасть. Даша ходила по квартире и, попутно сверяясь со списком, неторопливо собирала вещи. Два купальника, черное коктейльное платье с блестками – для романтического ужина с Моррисом, с «Морковкой», как она его про себя называла, сарафан, шлепанцы... Что-то забыла...

Она на минуту села на кровать, прикрыла глаза и представила, как же будет хорошо: две недели с Моррисом на Мальдивах. Отель оплачивали пополам, билеты каждый покупал себе сам, но Даша считала, что так и должно быть, пока они не семья. Морковка прилетит на курорт из Америки чуть позже, так что у нее будет время отдохнуть и насладиться красотой в одиночестве. Потом они вернутся и подадут документы на регистрацию брака. Сначала в Москве, а потом уже и в Чикаго. Потом предстоит переезд, новая жизнь. Морковка говорил, что должность в компании, где он работал, ей уже почти готова, работник, на чье место она идет, дорабатывает два месяца и уходит на пенсию. Эту малюсенькую квартирку в подмосковных Химках агентство уже выставило на продажу, и это очень хорошо. Часть денег покроет ипотеку, еще останутся деньги на подушку безопасности, все-таки чужая страна, мало ли что. Ах, как всё удачно складывается! Но сначала – Мальдивы!

Она уже видела себя на шезлонге в новом фиолетовом купальнике. На голове широкополая соломенная шляпа (не забыть положить!), Даша неторопливо мажет масло для загара на бедро, погрузив свои ступни почти полностью в теплый мелкий песок. Блики от воды играют солнечными зайчиками в лучах белого солнца. Слева, со стороны раскидистой пальмы, приближается работник отеля в чем-то белом, с подносом в руках. Красивый темнокожий абориген наклоняется и подает ей коктейль в бокале с маленьким зонтиком. Даша протягивает руку и тут... Зазвонил телефон.

Аппарат лежал тут же, на прикроватной тумбочке. Не вытаскивая ног из белого, словно манная крупа, песка, Дарья протянула руку и взяла смартфон.

– Алло.

– Здравствуйте, извините, пожалуйста, мне нужна Дарья Максимова Соловейчик, – слегка заикаясь от волнения, проговорил незнакомый женский голос.

– Мне не нужны стоматология и юридические консультации. Всего хорошего! – почти рывкнула Дашка, злясь, что ее отвлекают от коктейля и лицемерия голубой дали.

– Простите, я ничего не продаю, мне надо найти Дарью Соловейчик. Я ее соседка... Бывшая соседка. Дело касается члена ее семьи. Мне этот номер дала невестка, она нашла его в соцсети. Это очень важно. Дело в том, что дядя Гриша умер. Надо ее оповестить. Похороны ведь, понимаете? – Сбивчиво продолжила собеседница.

Пришлось вытащить ноги из песка, отставить коктейль в сторону и вернуться в реальность.

– Я слушаю, – раздраженно сказала она. – Только давайте покороче, у меня нет времени. Что там случилось? Какая соседка?

– Ой, Дашенька, у нас такая беда... – заплакал голос на том конце. – Это я, тетя Оля, помнишь меня? Мы живем рядом, напротив моя квартира тут, в Божонке. Дядя Гриша... Григорий Петрович, дядя твой, умер вчера поздно вечером. Ты же одна у него осталась из родственников. Надо приехать. Похороны организовать, поминки, отпевание... Такая беда, такая беда...

Даша окаменела.

– Дядя Гриша умер? Как – умер? Похороны? Но я улетаю завтра, я не могу. У меня билеты, у меня всё оплачено...

– Приезжай, ты единственная родственница. Без тебя никак нельзя. Документы оформить надо. Решить где хоронить. Да и квартира, наследство все-таки. Он пока в морге в больнице, надо же отпеть...

– Как отпеть? В смысле, в церкви, что ли? Он же коммунистом всю жизнь был, даже в Бога не верил! И потом, я же говорю...

– Мы будем тебя ждать, – перебила тетя Оля. – И прими мои соболезнования.

И положила трубку.

Дарья ошарашенно посмотрела на телефон. Медленно и аккуратно, всё также, не отводя взгляда, положила его обратно на тумбочку. Потихоньку встала и отошла в противоположный угол комнаты, стараясь не делать резких движений. Словно это может сломать хрупкий шар той реальности, где она в красивом платье ужинает с Морковкой в ресторане после жаркого пляжного дня. Увы, не получилось. Всё сломалось, разбилось в труху.

Дядя Гриша.

После смерти родителей он стал ей и папой, и мамой. Даша осталась круглой сиротой в семь лет, «сложный возраст», но дядька нашел к ней подход, воспитывал то строго, то ласково. Учил драться и вязать. Водил в церковь, хоть сам был рьяным атеистом. Ругался с бабульками у подъезда на Пасху, обвинял их в мракобесии и обзывал старыми маразматиками. Приучил много читать и заставлял делать зарядку. Отпускал на дискотеки, при этом ждал ее до конца танцев за гаражами, чтобы проводить домой. Учил печь пироги и квасить капусту.

И любил. Очень.

Когда Дашка сказала, что хочет поехать в Москву, он сел в кухне на табурет, сцепил свои огромные руки в замок, положил на колени и прошептал: «Ну вот, пришло время тебя отпускать». И отпустил. Купил билет, посадил на поезд, долго махал рукой. Даша до сих пор видит перед собой эту картину. Ноябрь, жуткий холод, пять утра. У дяди Гриши красный нос и пар изо рта, он идет и идет по перрону, и машет, машет... А потом скрылся из виду.

Конечно, она ему звонила. Сначала каждый день. Рассказывала о своих успехах, как сняла комнату вместе с девочкой из Вологды,

как устроилась на первую работу (он так радовался), как поступила в институт. Правда, на платное обучение, но зарплаты хватало, ведь она очень экономная. Потом звонки стали всё реже и реже. И вот сейчас, она стоит и смотрит на телефон, пытаясь принять эту ужасную новость.

Она перевела взгляд на чемодан. Этот зеленый крокодил смотрел на нее фиолетовым глазом купальника – осколок разлетевшейся мечты о Мальдивах. Увы, дорогой крокодил, не будет ни бунгало, ни шезлонга, ни песка, ни коктейля. Будет Божонка.

Так, надо взять себя в руки и решить, что делать дальше. Во-первых, купить билет на новгородский поезд, позвонить Моррису и объяснить ситуацию, попытаться вернуть деньги за бронь бунгало и вернуть билеты на самолет. Во-вторых, надо узнать, есть ли место на кладбище, где устраивать поминки, поговорить с батюшкой об отпевании...

Печаль быстро сменилась на раздражение. Всё полетело в тар-тарары, всё, что она так долго планировала и выстраивала. Чтобы не раздражаться еще больше при виде чемодана, она пошла на кухню.

Бунгало забронировано на двоих с Морковкой. Поэтому, в первую очередь, позвонила ему.

– Sweety, я не понял, почему мы должны отменять отпуск? Ты же говорила, что твои родители давно умерли. Конечно, печально, что этот человек скончался, но при чем тут ты и, тем более, я? Почему я должен из-за этого страдать?

– Милый, он не просто «этот человек». Это мой родной дядя. Не только растил меня, он поставил меня на ноги. У нас говорят: «дал путевку в жизнь». И дело тут не только в родственных связях. Есть и юридические нюансы. Я должна ехать, пойми. Ты же можешь спокойно отдохнуть и без меня. Ну раз такая ситуация произошла, что же тут поделать?

Было слышно, что Моррис взбешен, хоть и говорил ровным, спокойным тоном.

– Дорогая, ты лишаешь меня не только отдыха, но и денег. Бунгало на двоих один я оплачивать не могу, у меня не хватает средств. Ты знаешь, я всегда закладываю определенную сумму и не могу выйти из бюджета. Да и не собираюсь, в конце концов! И потом, если ты не в курсе, то рад сообщить, что мои билеты на самолет невозвратные. И будет чудо, если я смогу вернуть хотя бы десять процентов от их стоимости. И за отмену брони отель обязательно возьмет неустойку. Я бы понял, если бы речь шла о маме. У меня тоже есть мама, и это я могу понять. Но ты говоришь о дальнем родственнике, который тебе дал какой-то там билет!..

– Не билет, а путевку, – поправила Даша тихим голосом.

– Да какая разница, что он тебе дал! Почему я должен за это платить? – Моррис громко выругался и бросил трубку.

Даша не заплакала, хоть очень хотелось. Сжала зубы, проглотила слезы, положила телефон на стеклянную поверхность стола и закрыла лицо ладонями. «Ладно, ладно, ничего, я что-нибудь придумаю», – повторяла про себя, пытаясь успокоиться. Телефон снова зазвонил.

– Прости, Дари, я вышел из себя. Всё это, конечно, очень неприятно, и я взорвался. Мне стоило сдерживать свои эмоции, как советовал психолог, но согласись, у меня есть повод злиться.

– Конечно, Моррис, я понимаю. Ты можешь вычестить стоимость неустойки из моих денег. Но, повторю, я должна ехать.

– Разумеется, я так и сделаю. Остальное перечислю на твой счет. И держи меня в курсе. Надеюсь, ты закончишь все дела с похоронами твоего родственника до моего приезда. Хорошего дня, дорогая.

И вновь положил трубку, не дав возможности сказать ей и слова.

Разговор с авиакомпанией тоже не был воодушевляющим. Ее билеты тоже оказались невозвратными, и Даше пришлось сми-

ряться с потерей крупной суммы накоплений.

В этом году осень пришла стремительно. Еще вчера солнце припекало, и в футболке было даже жарко. Хотелось на пикник, разложить на траве клетчатый плед, достать бутерброды, фрукты и термос с горячим ароматным чаем. Смотреть вверх, на небо, голубое и глубокое, подернутое легкими перьями облаков. Наслаждаться танцем падающих кроваво-красных листьев клена, вдыхать чуть прелый запах земли, слушать прощальное пение птиц, собирающихся в дальнюю дорогу. И вдруг утром лужи покрылись коркой льда, солнце ушло спать за мрачную тучу, по улице уже идут плащи и пальто, цветными конфетами рассыпались зонтики, запахло зимой.

Даша сидела в вагоне поезда и смотрела в окно. Настроение было, соответственно погоде, мерзкое. Всё было не так, всё неправильно, будто сглазил кто-то. После последнего разговора с Морковкой на душе лежал камень, нет, огромный булыжник темно-серого цвета. Терзало то, что формально он прав, ведь сумма, которой ему пришлось лишиться, существенна. Даже та часть компенсации из ее денег не возместит ни затрат на билеты, ни огорчений за пошедший прахом отпуск. Но всё равно было очень обидно за то, что он не поддержал ее, не пожалел, не сказал ни одного доброго слова. И больше не звонил.

Еще большую досаду вызывало то, что приходилось делать крюк. Можно было бы сразу поехать в поселок, но придется заехать за ключами от дядиной квартиры на работу к той самой соседке, а она трудится в Новгороде и ключи у нее с собой. Хорошо хоть она работает недалеко от вокзала, но всё равно неприятно.

Последний раз в Великом Новгороде Дарья была, когда ей было лет тринадцать. Возможно, поэтому в глаза так бросились изменения. В детстве город казался ей серым, пьяным и дряхлым. Таким и

запомнился. Сейчас же он раздражал светлым, отреставрированным вокзалом, гнусными чистыми торговыми павильонами, мерзкими аккуратными, будто игрушка, остановками. И какой противный ровный асфальт. Гадость.

Магазин, где тетя Оля работала продавцом, находился на улице Ломоносова. Даша шла через парк Юности, раздражаясь всё больше. Бесило всё. И огромный спорткомплекс, и новый современный жилой район, и аккуратные дорожки парка, по которым гуляли мамочки с колясками, и подстриженный газон, и многочисленные детские площадки, на которых резвились дети. И всё это было чистое, ухоженное, современное. Совсем не такое, как в воспоминаниях.

– Ой, как хорошо, что ты приехала! – щебетала соседка, не давая Даше вставить слова. – А ты меня совсем-совсем не помнишь? Я договорилась со сменщицей, что через пятнадцать минут она придет, подменит меня, и мы можем ехать.

– Нет! – резко сказала Даша.

Соседка замолчала, удивленно приподняв брови.

– Вы мне дайте, пожалуйста, ключи, я доберусь сама. Хочу по городу погулять, давно не была. Если хотите, вечером приходите. Хочу побыть одна.

– Хорошо, конечно. У тебя же есть мой номер телефона? Позвони, как доберешься. Я приду.

Дарья шла по городу и не узнавала его. С момента переезда в Москву она ни разу не была ни в Великом Новгороде, ни, тем более, в Божонке. Это странно, но почему-то у нее не было даже желания просто навестить дядю, хотя она его действительно любила. И сейчас, прогуливаясь вдоль стен Кремля, Даша искренне недоумевала, почему ей даже в голову не приходило просто приехать, взять дядю за руку и отправиться гулять, например, в Витославлицы. Или посидеть рядом на кухне, заварить чай с липой, как он любил, и говорить о чем-то совсем неважном.

Живя там, далеко, ей почему-то казалось, что тут, с момента ее отъезда всё остановилось и заморозилось. словно это перевернутая страница в книге, всегда можешь перелистнуть обратно и перечитать заново. И только сойдя с поезда, она осознала, что всё не так. Мир не замер, и что обидно, даже не заметил, что она уехала. Этот большой мир жил дальше, развивался, видоизменялся, не вспоминал о ней так же, как и она о нем. Часы, тикая секундной стрелкой, подгоняли колесо времени, заставляли вращать колесоворот дней. Двигали младенцев в детство, потом в юность, в зрелость и толкали через старость, туда – в небытие.

И сейчас, когда она стояла на берегу Волхова, смотрела на мутную осеннюю воду, ей казалось, что она маленькая песчинка, решившая, почему-то, что она и есть то солнце, вокруг которого всё должно вертеться. Нелепая, жалкая крупинка, которая, наконец, осознала всю глупость своего тщеславного самолюбия.

Добралась до улицы Гагарина, села на сто двадцать седьмой автобус. Заняла место у окна, нахохлилась, как воробей, и закрыла глаза. Чудно, но совсем не хотелось плакать. Даша где-то слышала, что в такие минуты обязательно надо пореветь, но внутри всё было пусто. «Пустыня Сахара», – пробормотала она и открыла глаза.

Автобус проезжал Вологово. Слева и справа раскинулись серо-коричневые топи, с одной стороны упирающиеся, как в стену, в сосновый бор. Этот пейзаж всегда напоминал Даше рассказ про собаку Баскервилей. В ее детском воображении именно так и выглядели те самые болота, где на затерянных рудниках держал свою собаку Степлтон. Разумеется, она прекрасно знала, что это бывшие карповники, в свое время весьма процветающие. Но сейчас, в этих осенних сумерках, вид из окна автобуса и правда был какой-то инопланетный.

Тут же вспомнилось, как давным-давно, ранней весной, они с

дядей Гришей приезжали сюда, за «синий» мост, посмотреть на лебедей. По весне тут останавливаются на непродолжительный отдых огромные стаи гусей и лебедей, когда возвращаются с зимовок. Это было в апреле. Они очень замерзли, дядя Гриша дышал на свои огромные ладони, пританцовывал и всё время трогал Дашин нос, проверяя, не холодный ли он? А Дашка всё уворачивалась и хохотала.

– Дядя Гриша, ну что ты мне нос-то щупаешь? Я же не собачка!

– Я проверяю, замерзла ты или нет, – бубнил он, сосредоточенно хмурия брови. – Так всем деткам щупают. Вырастешь, родишь дитё, тоже будешь щупать.

Она мерзла и уворачивалась, лишь бы и дальше стоять и смотреть на белых лебедей. Большие красивые птицы просто околдовывали своей грациозностью. Девочка никогда до этого не видела лебедей так близко. Они совсем не были похожи на других, ранее виденных ею, птиц. Например, на кур, которых держала на огороде соседка бабка Света.

Гордая осанка, белоснежное оперенье, длинная гибкая шея, широкий размах крыльев, черные лапки с перепонками – ах, как же нравились Даше эти птицы!

– Правда, они похожи на ангелов? – спрашивала она. – Такие же белые и с крыльями. Может это и есть ангелы? А, дядя Гриш?

– Да кто знает... Может, и ангелы. – согласился он. – Кто знает...

– Эх, надо было хоть хлеба с собой взять, покормить их с дороги. Они же из Африки летят, да?

– Может, и из Африки, может, откуда поближе... Только хлеб им нельзя, заворот кишок будет. Они рыбешку мелкую едят, водоросли всякие. Не переживай за них, малыш. Иди, нос потрогаю...

Дарья опять закрыла глаза. Как странно. Будто и не с ней всё это было, может, с кем-то другим. И в параллельной реальности.

Она достала из кармана телефон, посмотрела на экран. Нет. Моррис не звонил. Видимо, дей-

ствительно сильно обиделся. Даша закрыла глаза и вновь почувствовала внутри лишь пустоту. Не было ни злости, ни обиды, ни печали, ни раздражения. Ничего.

В основном Божонка ничем не отличалась от других населенных пунктов. Вдоль центральной улицы, с двух сторон стоят в три окна деревенские дома, с крышами, заросшими мхом. Люди держат скотину и обрабатывают огороды. Рядом протекает река Мста, в которой до сих пор водится рыба. Но тут еще есть птицефабрика, которая давала работу жителям поселка. Для работников в советское время построили многоквартирные дома. Сюда, в однушку на первом этаже и привезли Дашу к дяде после смерти родителей.

Их пятиэтажка стояла недалеко от птицефабрики, рядом с въездом в поселок. Дошла до знакомого подъезда и с удивлением обнаружила на двери кодовый замок. Вспомнила про ключи, приложила ключ-таблетку к домофону. Дверь с противным писком открылась. Несколько минут простояла перед дверью квартиры, не решаясь войти. Стало страшно, что, открыв ее, она увидит там такую же пустоту, что ощущала сейчас внутри. «Соберись!» – приказала она себе и повернула ключ.

В нос ударил странный медицинский запах. Сняв пальто и разувшись, с удивлением увидела на галошнице свои старые домашние туфли. Красные в синюю клетку, с продавленной пяткой на левом тапочке и с дыркой на месте большого пальца на правом. Они тут так и стояли, ждали ее. И вот, дождались.

В доме все было по-старому. Та же мебель, те же цветастые вязаные дорожки на полу, бамбуковая межкомнатная занавеска, подвешенная с одной стороны обувным шнурком. И большая, выцветшая фотография Даши в рамке на телевизоре. Сжалось сердце. Это фото она выставляла пару лет назад в своей соцсети. Видимо, кто-то скачал и распечатал ее для дяди на обычном цветном принтере.

Она прошла на кухню и открыла окно, чтобы поскорее выветрился этот отвратительный запах. Выглянула на улицу. За окном тоже ничего не поменялось. Их окна выходили на «огороды», небольшие участки земли, на которых соседи, так же, как и те, что живут в частных домах, выращивали себе картошку и капусту.

Даша легла грудью на подоконник и высунулась из окна. Справа всё так же висела кормушка, вырезанная дядей из пятилитровой бутылки, в ней еще оставалось немного семечек.

Она улыбнулась, вспоминая историю этой кормушки. Дядька взял у соседа приставную деревянную лестницу, достал перфоратор, нашел саморез с дюбелем и пошел сверлить. Приставил лестницу, но не рассчитал, что под его весом она может серьезно просесть в рыхлой земле. Отверстие в стене дома сделать успел, а потом, прямо с перфоратором наперевес, рухнул на землю, серьезно вывихнув левую руку и сломав соседскую лестницу. Ох, и нервов было истрепано: ездили в больницу вправлять вывих, руку зафиксировали лангет. Потом дядька долго мирился с соседом за рюмкой самогонки, еле увела его вечером спать. А кормушка всё висит.

Вечерело, стало холодать, Даша поежилась и закрыла окно. Раздался звонок в дверь.

На пороге стояла тетя Оля с двумя пищевыми контейнерами, поставленными друг на друга.

– Ты голодная, наверное. Я принесла... Тут ничего особенного, картошка да котлеты рыбные. Поешь...

– Спасибо, проходите, – Даша отошла в сторону, пропуская женщину. – Вы мне расскажите, как произошло-то... Это...

Соседка поставила лотки на стол, по-хозяйски достала из шкафа тарелку, положила на нее немного жареной картошки и две маленькие, размером с фрикадельки, котлетки.

– Да как, – начала она. – Гриша постучал мне в стенку. Я сразу

поняла, что что-то не так, будто почувствовала. Сначала скорую вызвала, потом уже сюда побежала. А он сидел там, в комнате, на диване, бледный весь, за сердце держался. И всё бормотал: «Где Дашка? Найди Дашку, позвони Дашке, позови Дашку... где Дашка?» И так по кругу... потом глаза закрыл и всё... Скорая приехала быстро, но они всё равно ничего не смогли сделать. Вот так... Ты ешь, ешь...

Даша слушала, без особого аппетита жевала картошку, с ужасом ощущая всё ту же звенящую пустоту внутри. Это было незнакомое, пугающее чувство, словно что-то очень важное умерло возле сердца. И дело не в кончине дорогого человека, что-то в ней самой навсегда разрушилось.

– Ты не переживай, – продолжала тетя Оля. – Я уже была в Бронницах, договорились об отпевании. Сейчас Валя с пятого этажа должна приехать, она на кладбище была, про место, куда захороним, всё узнала. Там надо будет какие-то деньги заплатить. Если у тебя не хватит, мы добавим, не посторонний все-таки человек. Всю жизнь рядом прожили. Мы поможем, не волнуйся.

– Не надо, я заплачу. У меня есть...

– И тебе надо подумать, что с огородом делать. Тоже наследство, все-таки, – напомнила тетя Оля и без паузы добавила. – А то хочешь, пойдем, пока солнце не село, посмотришь, как там?

– Огород?

Даша совсем забыла про него. Их с дядей личный рай. Маленький прямоугольный участок земли. Там росли розы, клематисы, хосты, хризантемы, ирисы, дельфиниумы и много других цветов, чьи названия она никак не могла запомнить. А еще там было несколько грядок сладкой и крупной клубники. И малина со смородиной. Целая грядка сочного гороха. И костровище для запекания картошки в углях, самодельная коптильня, в которой дядька коптил только что им же пойманную рыбу. Посреди участка стоял

малюсенький сарайчик, где хранились лопаты, вилы и другой инвентарь. К нему дядя приделал навес, поставил там небольшой стол, сколотил лавочку.

Как было хорошо летними вечерами там сидеть, пить горячий чай, есть прямо с шампура шашлык, слушать разговоры взрослых о рыбалке и о ремонте автомобилей, когда к дяде приходили мужики с бутылочкой. Иногда приходили женщины, так и не смирившиеся с холостяцким выбором дяди Гриши. Бабы помогали полоть капусту, окучивать картошку и тоже рассказывали интересное. Например, как у какой-то Нюры родилась телка с пятью ногами. Или как местные ребятишки нашли на свалке артиллерийский снаряд времен войны.

– Ну что, пойдём? – повторила вопрос тетя Оля.

– Наследство? Да зачем оно мне, я ведь в Москве живу, и потом скоро... Ну, это не важно, – Даша отложила вилку. – Вы не обижайтесь, я сама схожу, одна.

...Хорошо, что тетя Оля сказала, что заменили старую сетку-рабицу на забор из металлического штакетника, иначе прошла бы мимо. Сняла тяжёлый навесной замок, открыла калитку.

Всё было по-прежнему. Только немного облезла краска на неказистом лебеде, сделанном из автомобильной шины, в память о той поездке за «синий» мост. У старого сарайчика перекосило дверь. Возле так называемой садовой дорожки, выложенной из старых советских радиаторов, мхом заросли края. Даша села на колченогую лавочку, вздохнула.

Да, тут ничего не поменялось. Тут-то как раз всё заморозилось и застыло. Вон ту доску она сама ставила на грядку, хотела показать, что уже взрослая. Забывала молотком, и ни разу не промахнулась мимо гвоздя, а дядя стоял рядом, молчал, сдерживая себя, чтобы не броситься на помощь. А вот и древняя керосиновая лампа, с вмятиной на ёмкости и с маленькой трещиной на закопченном

стекле. Осенними вечерами, когда темнело рано, а работы на огороде было невпроворот, она очень выручала. И старый кухонный нож с романтической розочкой на рукоятке, в оргстекле, так же торчал в стропиле навеса над столом. Протянешь руку, отрежешь хлеба или колбасы и воткнешь обратно, на место.

В груди, там, рядом с сердцем, что-то шевельнулось. Даша резко встала и чуть не бегом обогнула сарай. Остановилась, прижав руки к горлу.

Последняя их совместная поделка из разноцветных крышек от пластиковых бутылок. Собирали по всем соседям, и от молока – белые и красные, и от пива и кваса – коричневые, и от лимонада – синие. Потом вместе рисовали силуэт птички, покупали в магазине гвоздики, размечали на стене, где будет глаз, где крыло. Сначала прибили коричневые крышки по контуру, а уж потом начали заполнять нужным цветом брюшко и хохолок, особенно хорошо получились красные лапки. Нужного количества крышек сразу не набралось, надо было еще подкупить «стройматериала», поэтому птица обретала цвет оперенья медленно. И когда Дашка уехала, она была недоделана. А дядя Гриша ее закончил. Со стены сарая на девушку смотрел симпатичный снегирь.

И тут ее накрыло.

Наконец эта пугающая пустота разорвала панцирь грудной клетки, вырвалась наружу и заполонила всё вокруг. Мир вокруг стал пустой: нечем дышать, не на что смотреть. Задыхаясь, Даша нащупала стену сарайчика и прислонилась к ней спиной. Широко открывая рот, пыталась глотнуть хоть чуть-чуть кислорода. Из глаз, впервые за долгое время, брызнули слезы.

И она завывала. В голос, громко. От ужаса, от одиночества, от беспомощности. От того, что ничего не поправить, не вернуть назад. Остались лишь фотографии да наследство. Размазывая слезы по щекам, голосила как плакальщи-

ца, звала вернуться, спрашивала, зачем оставил ее, да на кого?..

Силы совсем оставили, и она рухнула наземь. Сначала пыталась подняться, но ноги не слушались, колени подгибались, и она снова и снова падала на холодную, мокрую траву. От бессилия начала кататься по дорожке между грядками, бить кулаками по земле и кричать от боли. Размазала грязь со слезами по лицу и, чтобы хоть как-то успокоиться, впилась зубами в ладонь. Помогло. Всхлипывая, с трудом поднялась, дошла до лавочки, села.

В какой лжи она жила! Куда бежала, к чему стремилась? Так боялась реальности, что распланировала всё на сто лет вперед, не думая, что жизнь течет по другим правилам. Искренне надеялась, что четкий план даст защиту и спокойствие. Какая же она была наивная... Карьера, деньги – это замечательно, но дальше-то вакуум! Сколько времени было потрачено на поиск подходящей кандидатуры в мужья?! И ведь искренне считала, что нашла его. Заставляла себя поверить, что брак с Моррисом – просто невероятное долгожданное везение. Внушала себе, что любит его, этого мелочного, бесчувственного чурбана, помешанного на своей персоне. Всё ради этого дурацкого переезда, этого побега от себя, от своих страхов. И только сейчас стало ясно, как белый день, что от себя не убежишь.

Всю жизнь она стеснялась: что выросла в Божонке, своего новгородского говора, да и дядьки своего тоже. Ей было неловко за его нетерпение к слабостям других, его агрессивного атеизма, его пристрастия к самогону, его навязчивой, как раньше казалось, любви к ней. Она стыдилась его огромных рук с наждачными ладонями, его массивного носа, похожего на спелую клубнику, его шаркающей походки и привычки громко сморкаться.

Даша верила, что, уехав по-дальше, она обретет спокойствие. Станет другим человеком. Будет жить «нормальной» жизнью,

пусть с нелюбимым, но благообразным мужем, пусть в чужом, но манящем мире, пусть с нерезальными, но красивыми мечтами. Она ведь так много работала, так долго к этому шла, столько грез и надежд вложила! Скрупулезно лепила этот хрустальный шар. Но Даша прозрела.

Зачем ей Моррис, которого она не понимает, и другая страна с холодными, чужими людьми?

– Вот она, твоя родина, – проворчала она. – Старый сарайчик со снегирем на стене и косой дверью. Вот твоя реальность. Ничего другого нет, ты всё придумала. Завернулась в кокон иллюзий, надеясь однажды проснуться мадагаскарской бабочкой. А ты – капустаница, и должна жить в своем климате, иначе погибнешь. Вот так.

Спустились сумерки. Даша, в мятом, в кусках глины, пальто, сидела под навесом на колченогой скамейке, смотрела на небо и с удовольствием вдыхала пряный осенний воздух. Ее лицо, в разводах от слез и грязи, было спокойно.

Она уже решила, что будет делать дальше.

СВИДАНИЕ

Раиса Николаевна медленно прогуливалась по аллее парка Победы. На голове ее была новая шляпка красной соломки с огромным белым плиссированным цветком. Ей очень нравилась эта шляпка, хотя, кажется, она ей совсем не шла. Ну и ладно. Зато она удачно сочеталась с ее красными лодочками на небольшом каблучке. Высокую обувь она уже давно не носила. Артроз. Не то, чтобы она маниакально следила за своим здоровьем, но надо же было что-то обсуждать с Ниной. А та, помимо обсуждения мод и спектаклей, любила поговорить о болезнях. Своих и чужих. В основном, о своих, что порой доводило Раису Николаевну до бешенства и внутричерепного давления, но другой приятельницы в Севастополе у нее не было.

Раиса Николаевна достала из сумочки пудреницу и внимательно осмотрела свое лицо. Поправила прическу, подкрасила красной помадой губы и присела на лавочку недалеко от шумного фонтана. Лето потихоньку уходило из солнечного города. Туристы, «отдыхашки», как их называют севастьяпольцы, потихоньку разъезжаются по местам прописки. Наверное, теперь и Раису Николаевну тоже можно назвать «местной».

Ей шестьдесят с хвостиком, среднего роста, «неудачный», по ее мнению, нос. Зато шикарные волосы, без седины, красивого кофейного оттенка. И ноги, сильные, спортивные, с выраженными икрами. Покатые загорелые плечи с ямочками до сих пор притягивали взгляды импозантных мужчин, но Раиса Николаевна давно не обращала никакого внимания ни на мужчин, ни на их взгляды.

Судьба продемонстрировала неожиданный кульбит. Раиса прожила с мужем долгих сорок четыре года. Вырастили прекрасную дочь. Вместе делили радости и печали. Всё очень банально. Все счастливые семьи до умопомрачения банальны. Такое скучное ежедневное счастье, без скандалов, драк и измен, растянувшееся почти в столетия.

С Севочкой она познакомилась на первом курсе Политеха. В институте в него были влюблены все представительницы женского пола, от первокурсниц до уборщицы бабМаши. Широкоплечий, с благородной осанкой блондин с карими глазами и вечно с каким-то справочником подмышкой. Отличник, надежда курса, любимчик ректора, тот год для него был выпускной.

Раиса Николаевна, тогда, конечно, Раечка, влюбилась в него без памяти. Кто бы тогда мог подумать, что через три года, в семьдесят восьмом, они поженились. А еще через год родилась Мариночка. Институт, конечно, пришлось оставить.

Сева как-то быстро стал подниматься по карьере, Раиса на ра-

боту так и не пошла. Воспитывала Мариночку, занималась собой и рукоделием. Подруги бросали укоризненные взгляды, давили сквозь зубы презрительное «домохозяйка», говорили что-то про промышленную мощь страны и производственные подвиги. Раиса кивала головой и неторопливо собиралась в бассейн. Соседки шептались у подъезда, что «девчонка-то больная, вот Райка и засела дома». Это была неправда. Просто ей хотелось себя посвятить семье, любимым людям. С удовольствием готовила, научилась шить и вязать, что очень пригодилось в голодные девьяностые, когда зарплаты мужа еле-еле хватало на корм коту.

Жили хорошо, радостно. Казалось, и не расставались никогда. И в магазин, и в отпуск – всегда вместе, за руку, прижавшись плечом к плечу. Мариночка выросла, вышла замуж за хорошего, доброго юношу Юрия, перспективного специалиста и уехала за ним в Мурманск.

А Раисе так и виделось, как будут они с Севочкой, уже, конечно, с Всеволодом Ивановичем, стареть вместе, всё так же, рядышком. Будут гулять во дворе с внуками, а глядишь, и с правнуками. Она свяжет мужу шерстяные гетры в полосочку, чтобы икры были в тепле, а себе розовый палантин. И будут сидеть по весне на солнце у подъезда, разглядывать набухшие почки деревьев и слушать журчание ручейков, несущих бумажные кораблики вниз по улице. И будет хорошо и покойно, как всегда.

Но Севочка умер. Внезапно. Однажды зимним утром она проснулась, потянулась к нему за ежеутренним поцелуем, а он уже холодный.

Дочь с зятем тут же приехали и занялись устройством похорон. Упокоился он на Хованском кладбище. Раису Николаевну долго не могли увести от гроба. Она стояла, слегка покачиваясь на ветру, бледная, с синими, от холода, губами и синяками под глазами. Раиса не плакала, молчала, лишь

время от времени подносила мятый несвежий платок к губам, словно старалась удержать рыдания. Другой рукой она так цепко держалась за край гроба, что ее белые от мороза пальцы окоченели без перчаток. Мариночка поднесла нашатырь.

Февраль выдался морозный и ветреный. На второй день после похорон Раиса слегла. На четвертый день зять настоял на вызове скорой. Госпитализировали сразу. Раиса Николаевна не сопротивлялась. Ей было всё равно. И ничего с этим уже не поделать.

«Воспаление легких с осложнениями» – так обозначил диагноз лечащий врач и надолго закрылся в кабинете с дочерью и зятем. Оттуда Мариночка вышла с покрасневшими глазами, заплаканная и слегка пошатываясь. Зять со странно посеревшим лицом крепко держал ее за локоть.

– Мамочка, после болезни твои легкие будут еще долго восстанавливаться. Врач настоятельно советует тебе переменить климат. Поехать надо туда, где ты сможешь ежедневно плавать, – Мариночка крепко сжала ее руку и вымученно улыбнулась. – Мы с Юрой всё устроим. Главное, чтобы ты выздоровела и полностью восстановилась. Хорошо?

Раиса Николаевна безразлично пожала плечами. Какая разница, где она будет, если Севочки нет?

Выбор был между дорогой Ялтой и героическим Севастополем. И хоть врач настоятельно советовал всё же ехать в Ялту, Раиса Николаевна выбрала второе.

Ей сняли маленькую квартиру на ПОРе¹, недалеко от парка Победы. Удачно, что рядом с домом-рынок, где продают вкусные помидоры и красный лук. До пляжа «Омега» можно пройти пешочком, а от остановки на топике² можно доехать до Графской пристани за пятнадцать минут. Там в

¹ ПОР (жаргон., сокращ.) – Проспект Октябрьской Революции, одноименная остановка.

² Топик – маршрутное такси, образовалось от названия южнокорейского микроавтобуса Asia Topic, широко применявшегося в Севастополе в конце 1990-х гг.

сезон каждый вечер играют музыканты, художники выставляют картины, гуляют семьи с детьми, на летней сцене выступают певцы и молодежные коллективы. Так легко смешаться с толпой, подпеть знакомые песни, припомнить забытые «па» под «Севастопольский вальс», а потом на приморском бульваре любоваться закатом. Или выйти на Цуме³, дойти через жилой квартал до парка Ахматовой, прогуляться между рядами благоухающих роз до пляжа «Солнечный». А еще можно посетить Херсонес, побродить после экскурсии между развалинами. И она в своей рутине так и не доехала пока до 35-й батареи. И очень хочется в Балаклаву, на «Золотой» пляж. И на Фиолент. А еще...

Раиса Николаевна сама не заметила, как быстро она тут прижилась. Ей нравились абрикосы и кизил, растущие в городе вдоль улиц, яркие пятна цветущих кустов гибискуса, устремленные ввысь макушки стройных туй, разлапистые кисти шелковой альбиции. Ее не пугали сколопендры и саранча, а непривычно черной ночью пение цикад навевало что-то милое, из детства. Она быстро сообразила, что тут подкармливать придется не только кошек, но и ежей, снующих вечерами под ногами в поисках пропитания. Так прошло уже четыре года.

С приятельницей Ниной ходили в театр и на концерты приезжающих артистов. Вместе покупали шляпки и веера, необходимая вещь в жарком общественном транспорте. Выбирали персики и инжир и варили варенье. Мариночка с Юрой приезжали навещать два раза в год. В общем, Раиса Николаевна ожила.

Нельзя сказать, что она совсем уж не скучала по своему дому. Иногда, при просмотре канала «Москва 24», у нее вырывалось случайное: «Ой, это же рядом с нами!» Щемило сердце перед Новым годом, когда вся страна смотрела «Иронию судьбы, или С легким паром» и следила за при-

³ ЦУМ – одноименная остановка.

ключениями героев, она смотрела на храм Михаила Архангела, где крестила Мариночку. Вздыхала, глядя на проходки героя Александра Ширвиндта перед универсамом возле станции метро Юго-Западная, и сглатывала слезы, когда Женя Лукашин танцевал лезгинку между домами по проспекту Вернадского. Ведь именно там, в середине восьмидесятых их семье дали квартиру, в доме номер 125, где впоследствии открылся знаменитый «театр на Юго-Западе». Квартира осталась, дом остался, а «того» района уже нет. Время бесповоротно изменило всё: и место, и людей, и даже запахи. Раиса Николаевна считала, что это неизбежно и абсолютно нормально. Всё меняется – это жизнь. Ничего не попишешь.

Вот только в последний год ей стало беспокойно. Странное чувство, будто что-то забыла. По нескольку раз в день она проверяла кошелек и документы. Проверяла газ и воду. Звонила в нехорошем предчувствии дочери, но та уверяла, что всё в порядке. Сходила к терапевту, сдала кровь на анализ. Раиса Николаевна точно знала, что-то не так!

Прозрение пришло неожиданно. В середине августа она проводила Мариночку и Юру, гостивших у нее, и прямо с вокзала заехала на рынок за овощами и зеленью. Проходя по рядам торговцев мимо киоска с разливным пивом, услышала из колонки, висевшей над дверью, популярную песню. Автоматически стала подпевать: «Тополиный пух, жара, июль...» И вдруг остановилась и чуть не выронила пакет.

Вот чего не хватает! Конечно, в Севастополе тоже растут тополя, но такого количества тополиного пуха, как на Большой Семёновской, где она училась и жила до замужества, Раиса не видела. Вдруг стало тяжело дышать.

Весь вечер просидела на кухне. На столе лежал неразобранный пакет. Вскипевший чайник давно остыл. Тушь от слез растекалась по щекам некрасивыми разводами.

Конечно, дочь увезла ее из Москвы не только из медицинских соображений. Понятно, что после ухода Всеволода Ивановича всё вокруг будет напоминать о его смерти. Марина росла в атмосфере безграничной любви родителей. И оставить маму наедине с горем она побоялась. Раиса это понимала и была благодарна дочери за все старания. Но сегодня она поняла, что помимо мужа она потеряла еще что-то очень важное и родное.

На следующий день, ничего никому не говоря, Раиса Николаевна купила билет на поезд.

Москва встретила серым дождливым небом. Обычная погода для конца лета. Памятуя об этом, Раиса Николаевна специально положила в сумочку маленький складной зонт. Прошла сквозь вокзал и с толпой спустилась в метро. Остановилась и, прислонившись к колонне, с удовольствием вдыхала этот неповторимый, ни с чем не сравнимый запах метрополитена. Как же она по нему, оказывается, скучала! Доехала с пересадкой до Юго-Западной, вышла на улицу. Дождь прекратился, было довольно свежо. Тщательно обходя лужи, Раиса Николаевна направилась в сторону дома, с любопытством оглядывалась вокруг. Район вроде бы остался прежним, но что-то неуловимо поменялось. Загадка.

В подъезде недавно сделали ремонт, стены выкрашены краской другого цвета, нежели прежде. Постояла перед дверью квартиры, собираясь с духом и теребя ключи. Наконец, повернула ручку и вошла.

В нос ударил запах нежилого помещения. С подоконников пропали все цветы. На мебели – слой пыли. Включила электричество в общем щитке. Открыла вентиль подачи воды. Поставила чайник на газ. Потом опасливо зашла в спальню. Окна были плотно занавешены пыльными темно-синими шторами. Раиса стремительно прошла через комнату и решительно, рывком, отдернула их в стороны. Кровать, на которой

умер Севочка, накрыта новым, каким-то чужим покрывалом. Кругом пыль и дохлые мухи.

Весь следующий день Раиса Николаевна приводила квартиру в порядок. Пылесосила, мыла полы и окна, стирала, гладила. Перемыла всю посуду и выбросила старый половичок. И с каждой минутой ей становилось как-то легче. Вдруг почудилось, что она пропустила что-то очень важное, пока жила у моря. И теперь это нужно обязательно наверстать.

Приняв душ, легла в кровать и долго смотрела на семейную фотографию, висевшую на стене. Снимок сделан давно, Мариночке тут тринадцать, но воспоминание живо, словно это было вчера. И какие они тут счастливые. Были.

Хотя, почему были? Разве она несчастна? Прожила много лет в счастливом браке с любимым человеком. Слушая рассказы подруг, она поражалась, как живут другие женщины. В сущности, она еще не старая женщина. И бежать от прошлого – глупо.

Проснулась в прекрасном расположении духа. В проеме окна синело безоблачное небо. Раиса Николаевна с удовольствием потянулась, широко зевнула и бодро встала с кровати.

День обещал быть теплым, поэтому она решила поехать погулять. Достала из чемодана всё ту же красную шляпку, надела любимые лодочки и накрашила губы помадой в цвет шляпки.

Вышла из метро в Александровский сад. Было жарко, и Раиса достала из сумочки веер. Солнечные лучи пробивались через соломенные переплеты шляпки и ложились причудливыми кружевами на лицо. Раиса Николаевна чувствовала себя сейчас очень красивой, даже экстравагантной. Но старалась не думать, что шляпка ей, всё же, не к лицу.

Она медленно двигалась мимо грота, любясь на отдыхающих горожан. Было много молодежи: юноши с татуировками, девицы с разноцветными волосами. Они ей нравились, эти молодые люди –

такие они яркие, улыбчивые, эмоциональные.

Перевела взгляд в другую сторону и увидела бодрого старика, лет восьмидесяти. Тот сидел на лавочке, в тенике. Он был в старомодном потертом костюме с галстуком, аккуратно причесан и чисто выбрит. В руках он держал небольшой томик в зеленом переплете и букет желтых гладиолусов. «Видимо, с дачи привез», – подумалось ей. Старик близоруко щурился на прохожих. Вдруг просветлел лицом, не без труда поднялся с лавочки и пошел навстречу невысокой седовласой женщине в цветастом платье. Та приняла букет, он галантно поцеловал ей руку, и они пошли прочь, о чем-то переговариваясь.

Раиса Николаевна села на освободившуюся лавочку и прикрыла глаза. Вспомнилось, сколько раз они с Севочкой здесь гуляли. Муж вообще считал, что прогулка – самое лучшее решение любого вопроса, а в качестве профилактики простудных заболеваний ей цены нет.

И сейчас же встал перед глазами тот промозглый день конца октября. Раиса была уже глубоко беременна. Шел косой дождь, капли громко капали на большой черный зонт, пахло прелой листвой. Чувствовалось приближение зимы, на них теплые пальто и перчатки. Они медленно и молча шли по Александровскому саду, тесно прижавшись друг к другу. И сад укрывал их пеленой дождя, прятал за ветвями клена тайну скорого появления на свет новой жизни. Осенний Александровский сад, как бабка-повитуха, закрывал их своим желто-коричневым подолом от посторонних глаз.

Раиса достала из сумочки бутылку воды и сделала глоток. Поправила помаду, встала и пошла дальше.

Пройдя через рамки металлодетектора, ступила на брусчатку Красной площади. И вспомнилось ей праздничное Седьмое ноября восьмидесят седьмого года. Мужу на работе дали пригласительные билеты на парад. Они сидели на

трибуне рядом с Мавзолеем. Было не по себе оттого, что руководство партии во главе с Горбачёвым было так близко. Раиса с удовольствием отметила, что у Севы точно такой же мохеровый шарф, что и у Михаила Сергеевича. Не зря отвалила большие деньги той надоедливой кооперативщице.

Погода в тот день была солнечная, теплая, градусник показывал плюс двенадцать. Мариночке уже было шесть с половиной, она смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, сжимая в маленькой ручке сильно потрепанную гвоздику.

Площадь была украшена с размахом. На кремлевской стене развешаны гербы всех союзных республик, перемежаемые хвойными гирляндами. На ГУМе огромный портрет Ленина на алом фоне, огромные транспаранты с лозунгами «Демократия! Мир! Перестройка! Ускорение!», на фасаде музея Ленина на красном фоне гигантская цифра юбилейного года революции. Начался парад, неразборчивые поздравления, громогласное «Ура!», потом пошли военные колонны. Одни, вторые, третьи... Но когда вышли знаменосцы с флагами, и вся площадь превратилась в красное колышущееся море, у Раисы захватило дух от гордости за свою страну, свой город. Она вдруг осознала, какое это счастье находиться сейчас тут, в центре событий, лично участвовать в празднике, за которым вся страна наблюдает через экран телевизора, своими глазами видеть то, о чем кто-то лишь прочитает в газете.

Так, в облаке воспоминаний, Раиса прошла насквозь площадь, к Васильевскому спуску. Остановилась на Большом Москворецком мосту, чтобы полюбоваться на башни Московского Кремля, Собор Василия Блаженного, проводить взглядом речной трамвайчик, проплывающий по Москве-реке. И тут память ее перенесла в лето семьдесят восьмого.

Июнь, глубокая ночь. Город остывает после жаркого дня. Сви-

дание слишком затянулось, давно не ходят метро и автобусы, а денег на такси нет. Родителей предупредили, хорошо, что в кармане завалились две двушки. Раечке завтра наверняка влетит от отца, но ее сейчас это не тревожит. Она залиvisto смеется над шутками Севочки, всё время поправляет непослушную челку и украдкой любуется его красивым лицом и спортивным телом. Ах, как он был хорош собой! Просто не верилось, что из всех девушек он выбрал именно ее, что они уже два года дружат, и может быть, это перерастет во что-то серьезное...

Вдруг Сева стал читать Бальмонта, громко, с выражением, энергично жестикулируя:

«Ты — шелест нежного листка,
Ты — ветер, шепчущий украдкой,
Ты — свет, бросаемый лампадкой,
Где брезжит сладкая тоска...»

Он широко шагал в ритм стихотворения, а она улыбалась... Так и дошли они до этого моста. Севочка схватил ее за руки, повернул к Кремлю и, указывая на сердце города, проговорил: «Только посмотри, как прекрасна Москва ночью!» И действительно, пустынный темный город, украшенный гирляндами электрических огней, выглядел замком из сказки. Красными глазами дракона смотрели на них рубины пятиконечных звезд, чуть дальше горела подсветкой высотка на Котельнической набережной, а в темной Москве-реке волны играли отражением огней, будто рыба чешуя переливается.

— Ах, как красиво, правда?
— восторженно выдохнула она.
— Кажется, что это декорация к какой-то опере...

Он повернулся и посмотрел как-то странно.

— Раечка, выходи за меня замуж, — вдруг проговорил он, и помолчав, добавил, — пожалуйста...

Воспоминания, воспоминания... А ведь то платье, в котором она была в тот вечер, до сих пор висит в ее шкафу. Рука не поднимается выбросить. «Может, перешью потом внучке», — и Раи-

са Николаевна улыбнулась своим мыслям.

Вдруг ей подумалось, что Москва всегда была немым свидетелем событий. Как близкий родственник, что всегда рядом. Сопереживала горестям, радовалась добру. Однажды, раскрыв руки, приняла раз и навсегда, окутала нежностью и заботой, и как любящая бабушка, прижав руки к груди, наблюдала за взрослением своего чада: что же из тебя вырастет, кем станешь? Сломаешься под гнетом трудностей или выстоишь и окрепнешь? Проживешь ли достойную жизнь, созидаешь доброе, нужное или пропадаешь в погоне за легкими деньгами? Не променяешь ли жизнь на блестящую шелуху и фантики? Раисе Николаевне верилось, что у неё всё получилось, так как надо.

А жизнь идёт дальше. Впереди ещё много счастья. И теперь она точно знала, что всё будет хорошо. В груди стало легко и покойно.

Какое, однако, получилось свидание с собой...

Услышала чей-то смех, повернулась. Две совсем молоденькие девчужки что-то обсуждали, кидая на неё косые взгляды. Раиса Николаевна недоумённо оглядела себя, может быть, испачкалась где-то, но ничего особенного не увидела.

— Не беспокойтесь. Мы обсуждаем... — одна из них, рыжеволосая, глазами показала на голову Раисы, — очень даже миленькая шляпка.

— Да, нам очень она понравилась, — улыбнулась вторая. — Сейчас мало кто носит шляпки, в общем-то вообще никто... А ведь это очень круто выглядит! Вам к лицу!

— Вот как? Спасибо, очень приятно!

Раиса Николаевна нежно прикоснулась к головному убору. И, вскинув голову, бодро зашагала в сторону Большой Ордынки.

ВОЛГА-ВОЛГА

Посвящается Йоргу Бозе.

Наталья РУМАРЧУК
(1958–2023)

По образованию филолог,
работала редактором
в издательствах
«Молодая гвардия»,
«Звонница»,
а также в разное время
сотрудничала
с издательствами «Радуга»,
«АСТ» и др.

Стихи переведены
на польский, немецкий
и другие языки.

Как журналист публиковала
свои статьи и очерки в газетах
и журналах «Деловой мир»,
«Божий мир» и других.

В качестве переводчицы
польской и чешской поэзии
участвовала в антологиях
серии «Из века в век.
Славянская поэзия
XX–XXI века».

Когда-то я боялась кораблей, – меня мучила даже самая небольшая качка. Но со временем я преодолела в себе этот недостаток. Это было чисто психологической проблемой, ко всему надо привыкнуть. Однажды по пути из Бельгии в Англию через Ла-Манш я даже пережила небольшой шторм, и ничего, обошлось.

Довелось мне совершить круиз и на мегалайнере – огромном корабле класса «Мир моря», можно сказать, что это был плавучий курорт, где чего только нет для приятного и экзотического времяпрепровождения: бассейны, дно которых прозрачно и совпадает с днищем судна, что позволяет любоваться подводной морской жизнью, а для любителей зимнего спорта, пожалуйста, – каток! И все это под тропическим небом Карибского моря. Осадка этого «левиафана» была так глубока, что он мог зайти не в каждый порт. Но сейчас я хочу рассказать о другом. Теплоход, на котором я совершила свою замечательную прогулку, вовсе не так велик. И хотя наша Волга – не океан и не море, но она милее моему сердцу.

Во время этого путешествия я, как обычно, вела дневник. Вот некоторые из его страниц.

УГЛИЧ

Мы в Угличе. Завтрак заканчивается подло рано, в 9 утра. В 10 уже начинаются экскурсии.

Храм на Крови построен на том месте, где погиб царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного. Было официально объявлено, что он играл с детьми в тычку и напоролся на нож. У него была падучая болезнь, ее приступ якобы и стал причиной трагедии. По другой версии, к нему подослали убийц, которых потом растерзала толпа. Так была пре-

рвана линия Рюриковичей. Пушкин был сторонником версии заговора и умышленного убийства, во всяком случае, именно ее он отразил в своей трагедии «Борис Годунов».

Историки до сих пор спорят о тайне смерти маленького царевича, а астрологи говорят о предопределении, будто он был бы слишком хорошим царем для России, чего не могли допустить «силы небесные». Врачи утверждают, что во время припадка эпилепсии у больного ладони раскрыты, так что вряд ли возможно самому себе нанести смертельную рану.

У власти оставался Борис Годунов, а потом наступило время испытаний для России – Смутное время. Нам показывали носилки, на которых перевозили мертвого Дмитрия в Москву. После смерти Годунова, после нашествия поляков, после Смутного времени на престол вззошел первый Романов. Михаил Романов венчался на царство в Ярославле. А царевич Дмитрий был причислен к лику святых русской православной церковью уже в наше время.

Туристам предлагали здесь сфотографироваться у терема, накинув на плечи стилизованные под старину, расшитые золотыми нитями одежды.

Мы погуляли по городу. У аллеи, которая ведет от порта к центру, расположились местные русские музыканты. Они играли... немецкий гимн. Несколько раз повторяли для каждой новой группы туристов. Растроганные немцы бросали в раскрытый футляр деньги.

Старушки, которые продают букетики цветов, очень боятся, как бы за то время, пока они стоят на пристани, не опустошили их огороды.

ЯРОСЛАВЛЬ

Погода здесь прохладная. Во время экскурсии по городу гид объяснил нам, что, в отличие от других городов, названия улиц здесь во время перестройки не меняли. Правда, повесили таблички с новыми названиями, но и старые тоже оставили, чтобы не возникло путаницы. Теперь на каждой улице два названия.

Мы были в Спасо-Преображенском монастыре. На территории монастыря звонарь звонил Благовест. Когда раньше здесь жили монахи, в кельях было очень холодно. Гид рассказывает нам о колокольном звоне, но называет его не звон, а колокольная музыка. А еще – зарубежные ученые якобы установили, что колокольный звон во время эпидемий не допускал бактерии в область своего звучания. Он сказал нам также, что все звонари – долгожители. В монастырском дворике очень много цветов, осенних цветов с одуряющим запахом.

КОСТРОМА

День ясный и солнечный, но очень холодный. Собственно, с этого дня и начались холодные денечки, вплоть до Саратова, что не удивительно, ведь уже вторая декада сентября.

Экскурсия в Ипатьевский монастырь, действующий и поныне. К сожалению, задержаться там мы не могли, торопились к ждущим нас автобусам.

Музей художника Ефима Честнякова. Директор Костромского областного музея В.Игнатьев приводит отрывок одного из частных писем художника: «Положение мое весьма неудобно: при отсутствии средств я стремлюсь создать «свою культуру» и забочусь о ее сохранении... О помещении в музей мне говорили (Репин, например), но я того не желаю. Считаю свои вещи не туда относящимися. Множество людей делают что-то для своего пропитания, мало думая о более существенном, неслучайном... И душа истрадалась, что мало делается для коренного воздействия на жизнь...»

Картины художника действительно долгое время висели не в

музее, а в крестьянских избах в деревне Шаблово Кологривского района, где их и обнаружили сотрудники Костромского музея. Там же были изготовленные мастером игрушки и скульптуры. Все это было в таком состоянии, что требовало обязательной реставрации. Пришлось объяснить положение дел на собрании колхозников, жителей деревни, которые свято чтят память художника-сказочника. Так ценное наследие перекечовало в музей, где и была произведена необходимая реставрация.

Хорошо сказано – «коренное воздействие на жизнь», этого воздействия всегда не хватает, потому и время в России сгущается в революции, отчего в результате если и становится лучше, то опять-таки одним за счет других, а не всему народу. А художник в мечтах о «Городе всеобщего благоденствия» рисовал свои прекрасные и наивные картины, русские крестьянские утопии. Прекрасные цели, на которые всегда «нет средств».

Ефим Васильевич Честняков делил свою жизнь между крестьянским трудом и живописью, сам пахал, сеял, собирал свой невеликий урожай, пропитания ради. Только зимой появлялось время для творчества. Замечательный человек, в нем было что-то от героев ранней прозы Андрея Платонова. Он умер в 1961 году, незаслуженно обойденный славой. Его работы хотелось бы видеть и за пределами этого небольшого музея.

«Щедрое яблоко» – дети на тележке везут яблоко, которое гораздо больше их самих. «Благоденствие» – огромный холст. Это мечта художника о рае. Но что бы ни происходило на самой картине, – «Свадьба», «Праздничное шествие "Мир"», «Вход в город всеобщего благоденствия», «Слушают гусли» – изображенные на ней весело наряженные люди внимательно и доброжелательно глядят на зрителя. И даже грибы своими огромными шляпками приветствуют нас. А в чем-то волшебный мир его картин кажется немым укором нашей сегодняшней светной и лукавой жизни.

Если отклониться от туристического маршрута чуть в сторону, то уже будет разруха, мобильный телефон работать не будет.

По дороге к теплоходу, когда у нас оставалось свободное время, я попросила гида, чтобы нас высадили у действующей церкви. Слишком много ходили мы по святым местам только как экскурсанты в музей. Нам говорили, посмотрите на эти фрески, посмотрите на эти иконы, но здесь теперь не проходит служба... В какой-то момент я поняла, что это мучает меня. Когда мы со Славой вышли у действующей церкви, несколько человек тоже выразили желание пойти с нами. Получилось, что я сделала хорошее дело, привела людей к храму. Но не слишком ли много я на себя беру?

НИЖНИЙ НОВГОРОД

На теплоходе идет конференция по поводу страшного теракта, который произошел в Беслане 1 сентября. Когда мы подошли к Нижнему, конференция была прервана и вот почему: на берегу стояли тысячи людей с плакатами: «Терроризм не пройдет», в рупор выкрикивали лозунги. Эта демонстрация была приурочена к нашему прибытию, так как в нашей группе было много политиков и иностранных журналистов. Мы приветствовали их сначала через стеклянные стены конференц-зала, а потом вышли на палубу. Демонстранты махали нам руками с берега, а мы им с палубы. Матросы спустили трап, и мы начали сходить на берег. Молодые девушки в национальных русских костюмах и кокошниках вышли нам навстречу с хлебом-солью. Потом заиграла музыка. К моему удивлению, это была американская попса. Неужели они подумали, что это именно та музыка, которая должна обязательно найти отклик в сердцах «европейцев», сошедших на берег Волги? Но почему бы организаторам было не включить в репертуар русские народные песни?

На конференции иностранные журналисты совершенно ушли от темы теракта и всё повернули к гонениям и репрессиям. Такое впечатление, что больше их ничего не интересует. Для них главное, чтобы гонений не было. Моему мужу, сидящему в президиуме, один из немцев задал вопрос: «Можно ли пожертвовать принципами демократии, чтобы изменить ситуацию

в Чечне, если это потребуется?»
Надо сказать, что Слава уже был известен многим на корабле после поэтического вечера, когда он читал стихи в немецких переводах, а Сережа Летов аккомпанировал ему на саксофоне и на других, в том числе экзотических инструментах. А некоторые знали поэта Вячеслава Куприянова по его книгам, изданным в Германии. И теперь кому-то было интересно, как поэт ответит на политический вопрос.

Ответ был такой: «Если в России кто-то найдет что-нибудь хотя бы отдаленно напоминающее демократию, то можно и пожертвовать».

Все засмеялись, но, быстро опомнившись, снова стали спрашивать представителей из России: «А жива ли демократия в России, нет ли массовых репрессий?»

В городе очень красиво, все отреставрировано, покрашено, много новых домов, но не башен, а четырехэтажных; попадаются и старые покосившиеся избышки. Часто они стоят рядом: современное здание, а за ним старый, осевший, кривоватый домишко.

Мы остановились у Храма Успения, рядом камень, на табличке надпись: «Здесь стоял дом, где родился Иван Кулибин». Мало кто вне России знает, что его имя у нас давно стало нарицательным для любого изобретателя-самоучки. Некоторые из наших гостей были удивлены, что у нас были такие вот русские «Эдисоны», им казалось, что наша техническая мысль не столь продвинута, как наше плясовое и певческое искусство.

С нами на теплоходе – вокально-инструментальная группа «Звери». Это как бы противовес «классической» Любе Казарновской. Молоденькие фанатки и фанаты встречают группу радостным визгом. По ночам эти музыканты каким-то образом достают ключи от конференц-зала и устраивают там сами для себя концерты, любимое занятие – бить в барабаны. Видимо, они хотели произвести впечатление на немцев, но иностранцев этот шум скорее раздражал. Я же из-за этого совершенно не высыпаюсь.

Я не ходила на завтрак и проснулась только к обеду, но здесь нас так перекармливают, что я и на обед не пошла. Когда к ужину

вышла из каюты, на нашем этаже уже во всю пили шампанское, начался прием в честь приезда немецкого посла. Выслушав необходимое количество речей, перешли к более крепким напиткам и закускам. Наконец подхожу к Любе Казарновской, которую очень люблю. Да и кто ее может не любить! Мы знакомы уже много лет. Ее сестра Наташа – филолог-романист, она училась у академика Юрия Владимировича Рождественского, у него дома мы и услышали впервые Любу, еще студентку. Голос ей ставила Надежда Малышева, вдова академика В.В.Виноградова. В этом турне Люба даст несколько концертов в волжских городах.

Экскурсия в Семёнов. Город находится в полутора часах езды от Нижнего Новгорода. Мы посетили фабрику Хохломы. Нас водили по разным цехам. В первом показали деревянные болванки матрешек. Следующий цех – лакокрасочный. Он очень светлый, с высокими потолками, много цветов на подоконниках, но это не спасает от острого запаха лака и краски. Женщины в легких ситцевых халатах сидят за столами и расписывают матрешек. Хотя грамотно надо говорить только так: пишут матрешек. У мастеров разные разряды. И тут посыпались вопросы: «Сколько человек работает на предприятии? А у кого акции?»

Слегка замаявшись, экскурсовод ответила, что на фабрике работает тысяча шестьсот человек, а все акции у генерального директора. Я спросила: «А какая зарплата у рабочих?» «3–3,5 тысячи, в зависимости от разряда», – ответили мне. Немцам перевели, они поинтересовались: евро? Когда им объяснили, что не евро, а рублей, они спешно начали переводить рубли на евро. Получилось, около 100 евро. Сначала они оторопели, а потом возмущенным возгласам не было конца.

Нам объяснили, что сегодня день не жаркий, в цеху хорошо, а в жару дышать нечем. Но ведь и сегодня можно задохнуться от лака. Наверное, человек привыкает ко всему...

Да и что говорить, городок маленький, рабочих мест не хватает, хорошо, что есть хотя бы эта фабрика. Я и раньше не любила хох-

лomu за ее аляповатость, а теперь и вовсе не терплю. Фабрика произвела на меня удручающее впечатление. В этом городе мне вообще понравились только старинные фотографии в рамках в краеведческом музее. Особенно групповой портрет художественной артели. Какие лица! Строгие, серьезные, умные, интеллигентные!

Когда мы шли к автобусу, бабушка, гулявшая с внуком, подзвала нас к себе. Она дала ребенку цветы – оранжевые фонарики, и он протянул их нам. Но немцы, видимо, инструктированные об осторожности общения с местным населением, бросились прочь. Только эти фонарики сделали светлым мое пребывание в этом городе.

ЧЕБОКСАРЫ

Под проливным дождем нам выносят хлеб-соль. Я совершенно поражена архитектурными красотами города. Много современных домов с необычными окнами: круглыми, треугольными, дома не только покрашены в разные цвета, но на многих нарисованы картины. Довольно изящные. Это может быть маска или скрипичный ключ, например. Множество домов имеет необычную форму, они построены как-то полукругом... Храмы отреставрированы. Не знаю, как выглядит та часть города, которую не показывают туристам, но все, что мы видели, очень красиво и ухожено. Поражают своей красотой и разнообразием красок цветочные часы. Можно подумать, что это Швейцария.

После экскурсии по городу нас везут в музей пива, в котором, конечно, есть пивной бар. Выбор огромный. Но немцев трудно удивить пивом! На теплоходе мы и так без него не обходимся, «к пиву» всегда есть и хорошая компания, это и наш «главный» – Йорг Бозе, и главный редактор журнала «Восток» – Петер Франке. А в Чебоксарах продают пиво «Янтарь», это живое пиво, оно и в закрытых бутылках может храниться всего несколько дней. Но вот публика в баре – ужасная. Наша иностранная группа, конечно, привлекает к себе внимание. За одним из столиков недалеко от меня сидит немка, еще в

прошлую поездку по Днепру и Черному морю она купила себе украинскую кофту. Но даже веселая украинская вышивка не оживляет ее унылое скучающее лицо.

У нашего теплохода стоят старухи и просят милостыню. Одна из них чрезвычайно веселая, с хитрющими глазками-щелочками, она научилась говорить по-немецки несколько фраз, и расчувствовавшись немцы подают ей. Пытаюсь себе представить ситуацию с точностью до наоборот: немецкие старухи просят милостыню, а чебоксарские путешествуют по немецким рекам и, сходя с теплохода, им подают. Но разве такое возможно?!

КАЗАНЬ

Через огромные стеклянные окна нашего ресторана уже за завтраком до нас доносится шум веселья с пристани. Я так устала, что не нахожу в себе сил присоединиться к энтузиастам, которые уже вышли навстречу людям в национальных костюмах. Надо беречь силы. Сегодня у нас опять грандиозный прием, на котором как всегда будут присутствовать «отцы» города.

Думаю, надо сбежать с этого приема и позвонить своему знакомому Марату. Когда-то мы с ним были очень дружны. Я еще училась в школе, а он – в институте. Он жил с родителями. Его отец в то время был главным редактором журнала «Татарстан». Но сейчас я ничего не знаю об их семье.

С Маратом мы познакомились в Доме творчества, в Одессе. Он несколько раз приезжал ко мне в Москву, и моя бабушка считала его чуть ли не моим женихом, пока я не познакомилась со своим будущим мужем. Последний раз я видела Марата в Москве в ресторане Центрального дома литераторов, там собралась писательская группа по случаю нашего возвращения из Италии. Мы сидели большой компанией: Ира Гинзбург, переводчица немецкой поэзии, ее муж – композитор Александр Журбин, испанист Павел Грушко со своей женой Машей (она – родная сестра актрисы Елены Кореньевой) и т. д. А я, конечно, была с мужем. Марат смутился и быстро ушел... Как давно это было!

А пока мы отправляемся в музей Горького. Нам показали дом, в котором Горький, будучи подростком, выпекал хлеб. Маленькая комната с низкими сводами, справа углубление, куда опускали хлеб для выпечки. Экскурсовод поставила одну из туристок около этого углубления, чтобы кто-нибудь из немцев туда случайно не свалился. Она так много говорила о попытке Горького к самоубийству, а переводчица – молоденькая татарочка так плохо и путано переводила, что некоторые из несведущих немцев решили, что еще в молодом возрасте Горький свел-таки счеты с жизнью. Но более начитанные удивились, а мой писатель заметил, что если слушать экскурсовода, да еще в таком плохом переводе, то получается, что Горький не успел написать ни пьесу «На дне», ни роман «Мать».

На втором этаже – музей Шаляпина, его сценические костюмы; нам поставили старинную хрипящую пластинку с его исполнением. Но все равно шаляпинский бас очаровывает.

Затем в галерее мы смотрели современные картины. В больших деревянных рамках изображения разных татарских духов. Дух дома, дух бани – бичура.

Дороги в Казани ужасные, тротуары выщербленные, очень много домов ломают, поэтому, наверное, так много свалок. Кажется, город находится в низине – воздух здесь загазован еще сильнее, чем в Москве, и вообще ощущение захолустья. Наверное, они готовятся к празднованию тысячелетия своей столицы и потому везде стройка. Несмотря на это, Казань мне очень нравится. И еще могу добавить, что когда я приехала сюда через несколько лет, здесь все преобразилось. Один квартал напоминает чуть ли не Брюссель, другой – совсем как Париж... Так что теперь это красивый европейский город.

Центральная улица Баумана – пешеходная, очень похожа на наш Старый Арбат. Посреди улицы стоит самая настоящая карета Екатерины II. Недалеко отсюда церковь, в которой венчался Шаляпин.

Днем гуляли около Кремля, был сильный ветер, ярко-зеленая трава волновалась как море.

Слава сегодня читает свои стихи в Национальной библиотеке. Это изумительной красоты старинный особняк. Здание было построено в 1906 году. Архитектор – Карл Мюфке. Алексей Ушков заказал постройку этого здания для своей жены Зинаиды Ушковой. Теперь это библиотека. В ней много залов, все в разных стилях. Один зал – как самый настоящий грот. Другой – выдержан в японском стиле, в нем множество витражей. На лестничных пролетах черные витые ажурные перила с золочеными фигурами. В одном из залов часы с татарским чертом – шурале, который похож на веселого задиру, если так можно сказать о черте. Паркет какой-то необыкновенный, со старинными узорами.

Но мы торопимся на теплоход: надо передохнуть и переодеться – вечером в городском театре концерт Любы Казарновской, и она обещала нам билеты.

Желающих попасть на концерт так много, что даже нашего организатора Йорга Бозе и то не пропускают. Его переводчица куда-то исчезла, а он сам ничего не может объяснить. Наконец администрация посадила нас в директорскую ложу. Зал принимает Любу восторженно.

Удивительно, как много несимпатичных людей на банкете, который устраивает страховая компания. Я не знаю, кто они, их нет на теплоходе.

Жена одного из переводчиков очень любит фотографироваться. Она поймала дирижера оркестра Шуман Камерата и просит, чтобы кто-нибудь сфотографировал ее рядом с ним. Для композиции она сунула ему в руки чужой бокал с красным вином (он пьет только минеральную воду). Бедняга почти не сопротивляется. Что ж, он вежливый англичанин. Зато такие штучки не проходят с Любой Казарновской, которой она намеревалась всучить несколько пирожных и блюдо с фруктами. Любина охрана быстро оттеснила любительницу фотографироваться со знаменитостями, так что ее старания подойти ближе к Любе не увенчались успехом. Когда девушка-менеджер заметила непринужденное общение Любы Казарновской с моим мужем,

то сразу начала проявлять большой интерес и ко мне, и к нему, а один из организаторов банкета, маленький коротышка, возбужденно стал бегать вокруг нас и забрасывать вопросами. Вот что значит имя!

После банкета мы сидим в баре. На теплоходе новая немецкая музыкальная группа «Блюз Гайз». Они очень стильные. Все, кроме солиста, в черных очках. Синхронно двигаются. У солиста один манжет претенциозно расстегнут и низко свисает. У них разные музыкальные инструменты. Двое музыкантов – один с саксофоном, другой с трубой – спускаются с площадки в зал к танцующим, не выпуская из рук инструментов и, продолжая играть, медленно ложатся на пол и играют, лежа на полу. Восторженная публика окружает их. Зал безумствует.

Деловитая девушка-менеджер с неприятным жестким лицом, которая всегда бегаёт по коридору и беспрерывно говорит по мобильному телефону, тоже танцевала. Я впервые увидела на ее лице какую-то эмоцию, не то чтобы ее лицо стало приятным, но оно было немного расслаблено. Какие лица штампует наше жестокое время!

При такой насыщенной программе я так и не успела позвонить своему давнему другу Марату. Теплоход уходит из Казани, я смотрю в окно, передо мной то ли лунный серп, то ли одна из мечетей, скрытая в тумане, так что виден только полумесяц...

УЛЬЯНОВСК

В каждом городе мы останавливаемся дольше, чем любая туристическая группа, так как у нас специальная программа: «Российско-германские культурные встречи». Наш теплоход вообще обслуживает только делегации и конференции, например, «Врачи без границ» и т. д. А вот в Ульяновске мы всего один день.

На пристани нас встречают девушки в кокошниках. Подходит еще один теплоход. Называется «Гоголь». «Гоголь – самый лучший теплоход», – доносится из динамика громкий крик с музыкальным сопровождением. А у нас через каждый метр висят объявления с просьбой не шуметь.

По коридору навстречу мне двигается наша уборщица с пылесосом. «На улице холодно?» – спрашиваю я. Она озабоченно смотрит на меня и советует одеться потеплее. И хотя она ненамного старше меня, в ее голосе столько заботы... «Возьмите кофту и курточку», – говорит она. Неважно, что она сказала. Она сказала это как нежная любящая мать.

Сегодня в программе музей Ленина и Карамзинская библиотека.

Итак, Карамзинская общественная библиотека в Симбирске. До 1924 года город назывался Симбирском. Здесь собраны книги из личной библиотеки Карамзина и единственные в стране и вообще в мире книги из личной библиотеки императора Александра III. Комитет библиотеки в 70-х–80-х годах XIX века возглавлял брат поэта Николая Языкова. Комитет собирался раз в месяц, чтобы решить, какие книги заказывать.

Вечером мы как обычно сидим в баре с нашим организатором Йоргом Бозе. Он обладает удивительной способностью объединять людей. Йорг – веселый компанейский человек, он поздно ложится спать (если вообще ложится), в баре легко переходит с пива на водку и обратно, но при всем при том удивительно хорошо держится. Его все обожают. Он здесь незаменим. Он может объясниться по-русски, но не настолько хорошо, чтобы его порой не подводили и не обманывали его российские партнеры.

Йорг родом из ГДР, но ухитрился вовремя перебраться в ФРГ. По образованию он германист и политолог, защитил диссертацию по языку пропаганды Третьего рейха. Долгое время учительствовал в школе. Сегодня в Тюбингене Йорг Бозе знаменит как президент общества Запад-Восток. Его усилиями были организованы многочисленные конференции о перестройке в СССР, а затем в перестроечной и в постперестроечной России. Ему приходится непросто с его «русофильскими» устремлениями, политика здесь колеблется, он же колебаться не привык. В старинном университетском Тюбингене он создал «Клуб Маяковский», где часто выступают деятели культуры и искусства из России.

Забавный случай: господин Бозе устроил ряд вечеров русской по-

эзии в тюбингенском театре ЛТТ, весьма популярном, в том числе вечера поэзии Маяковского и Есенина. Через некоторое время общество Запад-Восток получило бумагу из фискального ведомства, согласно которой господа Маяковский и Есенин обязаны уплатить налоги...

Здесь на теплоходе все происходит по его планам, а точнее, в борьбе его культурных замыслов с коммерческими амбициями наших московских коллег. Сегодня поздно вечером Йорг для самой стойкой группы путешественников с увлечением читал «Записки сумасшедшего». Конечно, в немецком переводе. Будем надеяться, что от Гоголя после этого не потребуют (чем хуже наши нынешние власти?) заполнить налоговую ведомость...

Туристы с пришвартованного к нам теплохода «Гоголь», чтобы попасть к себе на борт, должны пройти через наш теплоход, это им удается с трудом, потому что нас усиленно охраняют.

На теплоходе находится несколько высоких чиновников из Москвы. Один из них рассказал мне, как на правительственном приеме не растерялся и уловил момент для решения своей проблемы. Поймав одного из наших министров, он изложил ему суть дела. Речь шла о случае собак. Ему нужен был кобель. «Вам позвонят», – ответил ему министр. Действительно, через несколько дней ему позвонил генерал и сказал, что его просьбу можно удовлетворить. Но это будет стоить 100 долларов. Вопрос был решен. Уже и ценки есть. Вот чем теперь занимаются генералы.

САМАРА

Раннее утро, вижу из окна каюты, как музыканты из трио «Рахманинов» выходят на улицу. Виолончелистка несет свой концертный костюм, черные кружевные оборки небрежно свисают с ее руки. Один из пианистов тащит огромный футляр с ее виолончелью. Тяжела жизнь артиста. Они идут как пилигримы. Их ждет автобус.

Днем в университете встреча со студентами. Потом все собираются в конференц-зале, играют два гим-

на: немецкий и российский. Русских на теплоходе немного, когда играли наш гимн, кроме меня, никто не встал, а немцы, едва заслышав свой гимн, тут же вскочили. Вечером на теплоходе прием, опять встреча с «отцами» города.

Я познакомилась с господином Эгоном Баром. Он был министром еще в правительстве Вилли Брандта, а потом и в правительстве Гельмута Шмидта. Его называют одним из творцов новой восточной политики, он многое сделал для улучшения отношений между нашими странами. В свое время это было решительным шагом – перестать «бояться» России. Он смотрит на меня долгим изучающим взглядом, а потом протягивает мне руку для приветствия. У него умное лицо, живые глаза. «Он очень фотогеничный», – заметил мой муж. Еще бы, если он был членом правительства и привык фотографироваться. Он так хорошо выдерживает паузу при рукопожатии! Время как будто специально выдержано для съемки.

Я думаю, что если кто-то представился вам, не назвав своей должности (а по имени вы ее не определили), ее легко узнать по рукопожатию, во всяком случае, человека государственной важности можно легко отличить от простого смертного.

Эгон Бар сыграл важную роль в объединении Германии, его методы – это движение маленькими шагами. По его мнению, ни Европа, ни Америка не должны навязывать России свой путь развития, он считает, что мир должен быть многополярным. Так будет лучше для всех.

ЗЕЛЕНАЯ СТОЯНКА

То ли опустевшее село, то ли деревня Винники. Все радуются теплу, кто-то играет в волейбол, кто-то купается, многие сидят прямо на песке или на земле, на опушке леса. А в нашей каюте мы как в пластиковой капсуле. По этой причине многие из персонала часто болеют. Уборщицы не только убирают каюты, они еще стирают белье, глядят, перетаскивают на сквозняке по палубе огромные, по 50 кг, мешки с бельем. За это они получают надбавку, но зарплаты у них все равно мизерные. Команда не помогает им

таскать тяжести – матросы обслуживают ресторан, они разгружают мешки с продуктами и ящики. На мой вопрос, как же мужья отпускают своих жен в такие длительные рейсы, одна из женщин задумчиво ответила: «Да, у некоторых из нас были мужья...» Потом она пояснила, что все они уже давно разведены, еще до того, как устроились на эту работу. Так что мужей ни у кого нет.

Простужена не я одна – многие. Думают, что это какой-то вирус, оставшийся после французов, которые были на теплоходе до нас.

По нашему местному радио сообщают о количестве погибших в Осети. На полуслове радио перхнулось, затем прохрипело, что... шашлыки готовы.

На берегу жарят шашлыки, раздают напитки, но я уже не могу смотреть на еду. Место это кажется на первый взгляд совершенно пустынным. Такое впечатление, что кроме нас здесь никого нет, но это не так. Случайно столкнувшись в коридоре с организатором маршрута, я заметила, что она очень волнуется и считает количество сданных ключей. Она объяснила мне, что в прошлый раз на этом маршруте именно в этом месте один из туристов отстал, и сколько его ни искали, так и не нашли. «Наверное, бомжи съели», – озабоченно произносит она.

САРАТОВ

Хлеб-соль. Воздушные шары. На берегу играет оркестр.

В музей Радищева мы со Славой не пошли, уже нет сил. Были в Свято-Троицком соборе, поставили свечи, а теперь просто сидим на улице, на скамейке. День почти летний. Рядом на карусели девочки катают свою куклу. Утром сделали насмешливое всех объявление, что саратовские школьники приглашают немцев гулять по городу, но просят, чтобы немцы их потом угостили в Макдоналдсе.

Была и еще одна забавная история. Многие немцы переписываются с жителями городов-побратимов. Чтобы они могли пообщаться, было решено в один из дней отпустить немцев в семьи. Это было запланировано заранее. Но у берега стояли две девушки с целлофановыми па-

кетами, из которых торчали батоны колбасы и бутылка водки. Они ни с кем не переписывались. Узнав, что приедут иностранцы, они пришли просто так и просили, чтобы к ним в гости отпустили двух мужчин-иностранцев, обязательно холостых и с ночевкой. Но всех немцев уже разобрали, а холостых и вовсе нигде было взять. Наконец, пожертвовали одним немцем из оркестра. На палубе он долго и нежно прощался со своей подругой, а потом робко спросил: «Может быть, можно без ночевки?» Но организатор только рукой махнула. Я так и не поняла, почему подруга его отпустила. Наверное, потому что это очень законопослушный народ! Типичный пример немецкой логики: раз надо – значит надо. «Но зачем же было отправлять немца, который не свободен?» – спросила я. «А где мне другого взять? Только женщины остались», – устало промолвила организаторша.

На следующий день после политической дискуссии мы с мужем опять пошли в церковь. Архиерейская домовая церковь во имя иконы Божьей Матери «Утоли мои печали». После службы мы подходим к консерватории им. Собинова. Я уже много раз была в Саратове и этот уголок города люблю больше всего. Здание, в котором расположена консерватория, было построено в 1902 году по проекту архитектора А.Ягна и реконструировано С.Каллистратовым в 1912 году. Оно выполнено в псевдогоготическом стиле.

В парке нет ни одной свободной скамейки. Все заняты бритыми парнями или девушками, которые сидят группками по двое, по трое. Около них на скамейке расставлены батареи пивных бутылок, все с мобильниками, вокруг грязь, шелуха от семечек, пустая тара валяется на земле. Такое впечатление, что мусор вообще не убирают, очень похоже на помойку. Мостовые во многих местах разбиты, много небольших по диаметру, но глубоких ям. Улицы освещены плохо.

Мы возвращаемся на теплоход и видим, как двое верзил, сильно смахивающих на гангстеров, сажают на теплоход санетника президента, писателя Анатолия Приставкина. Верзилы оказались крупными

местными чиновниками. Бедный Приставкин с трудом помещается в своей маленькой каюте после президентского люкса. Мы с мужем, конечно, уже у него. На столе стоит коньяк. Надо отпраздновать награждение: оказывается, верзи-лы вручали Приставкину орден с бриллиантами. «Такой есть только у меня и у Назарбаева», – похва-лился Анатолий Игнатьевич.

Музыканты из трио «Рахмани-нов» тоже здесь. Они рассказывают нам, как много было накладок, когда они выступали в Саратове. Сначала на сцену забыли вкатить рояль, а когда, наконец, его доставили, то оказалось, что он не настроен. «Как же я буду играть?» – растерянно спросил Ямпольский.

Потом... Люба Казарновская должна была выступать во втором отделении, а в первом играл только немецкий оркестр Шуман Камерата. И вот когда оркестр исполнял Гайдна, в зале раздались крики и свист: «Мы на Казарновскую пришли!!!» Оркестр замолчал... Молодой английский дирижер впервые столкнулся с подобным. Так у нас «любят» искусство.

Только Люба собралась петь на бис, как объявили Виктора Ямпольского, назвав при этом Янковским. «Подождите, у меня еще один номер», – недоуменно сказала Люба Казарновская. Но все как-то обо-шлось в конце концов.

ВОЛГОГРАД

Теплоход мерно покачивается, мы причаливаем к стоянке. Перед глазами вода, а дальше панорама города: широкая лестница, колон-ны, дома – сталинский ампир. Сол-нечные блики на воде, дрожащие блики воды на потолке каюты – мы в Волгограде. Очень жарко. Темпера-тура плюс 29. Такой вид может открываться взору только из доро-гой гостиницы.

Нас приветствует казачий хор. Все ликуют.

Прямо на пристани в кафе на-чинается пресс-конференция. Уже и солнце ушло, и ветер усилился, а конференция все продолжается. В середине кафе бьет фонтан, вокруг столики и бесконечные речи, речи... Наконец, когда народ уже начал расходиться, для VIP-персон при-

несли шашлыки и пиво. Какими вы-носливыми могут быть люди: силь-ный ветер и холод, пробирающий до костей, им нипочем, если дело идет о дармовом шашлыке и пиве.

Мы со Славой возвращаемся на теплоход, поскольку надо успеть переодеться к вечернему празд-ничному концерту. Слава включен в программу. На концерте присут-ствует посол Германии с женой и другие высокие лица.

Веселенькое приключение у нас вышло еще в Москве, когда посол приглашал участников проекта на прием по случаю открытия Дней Германии в России. Слава должен был читать стихи, а Сережа Летов аккомпанировать ему на саксофо-не.

В назначенное время мы втроем: мой муж, Сережа Летов и я приеха-ли в немецкое посольство на Мос-фильмовской улице. На «вахте» в списке приглашенных нас почему-то не оказалось. Тогда русская со-трудница вызвала немку. Она тоже не нашла нас в списке, но дописала фамилии Летова и Куприянова, а в отношении меня деловито поинте-ресовалась у Славы: «Вы ее знае-те?» «Еще бы, – ответил он, – ведь это моя жена!»

У первых ворот милиционер по-просил нас вытащить все метал-лические предметы из карманов, потом проверял нас каким-то при-бором. Мне пришлось все вытащить из сумки. Милиционер спросил, нет ли у меня с собой острых предметов или газового баллончика. «Я уче-ная, – с достоинством ответила я, – конечно, ничего подобного не ношу с собой, если иду в посольство». Он улыбнулся и занялся Сережей Ле-товым, попросил его открыть фут-ляр и долго с задумчивым видом рассматривал Сережин саксофон, как будто не зная, что с ним делать. Наконец мы прошли через первые ворота.

У вторых ворот нас опять начали расспрашивать про острые предме-ты. Такие меры безопасности пред-приняты в связи с тем, что в Москве происходят теракты.

На пороге посольства нас встре-тил советник. Слава решил, что это и есть новый советник по культуре, потому что прежний недавно уехал. Они ведь меняются время от време-ни.

Советник пожал ему руку, они обменялись визитками. Слава ска-зал ему, что будет читать стихи из своей новой немецкой книги, а Ле-тов будет играть. «Очень хорошо», – радостно сказал советник. Что на-писано в визитной карточке, Слава, конечно, не посмотрел.

Потом мы удивились, поче-му нет никого из предполагаемых знакомых. Официант принес нам напитки и сказал, что скоро все со-берутся. Можно было самим наце-дить пива или взять по бокалу вина. Мы решили, что автобус с другими участниками попал в пробку, и ста-ли ждать.

И вот народ стал собираться, но ни одного знакомого лица! Мало того, все эти однообразно и чинно одетые господа не были даже отда-ленно похожи на публику, которая обычно присутствует на творче-ских мероприятиях. В зале стояли столики, и люди постепенно соби-рались вокруг них, как обычно бы-вает на фуршете.

Советник взгромоздился на не-большую сцену, на краю которой Сережа Летов уже пристроил свой саксофон, и начал торжественную речь. Чем дольше он говорил, тем более изумленным становилось Славино лицо. В конце концов, он начал хохотать. Между прочим, он уже пропустил не одну круж-ку посольского пива. А поскольку столик, у которого мы стояли, на-ходился очень близко от сцены, то советник, конечно, обратил внима-ние на громкий смех и несколько смугился. Мы с Летовым ничего не поняли из его немецкого привет-ствия. Наконец посол перешел на русский язык. Он сказал, что он че-ловек новый, что сегодня его первое мероприятие, и он рад поздравить господ предпринимателей с откры-тием в Москве... торговой выставки. После этой фразы не только мой муж, но и мы с Летовым просто по-катились от хохота. Окончательно смущенный и сбитый с толку совет-ник удалился со сцены, так и не по-няв, чем он, собственно говоря, нас так развеселил. Но ведь мы пришли на другую встречу!

Слава подошел к советнику и объяснил ему, в чем дело. Советник сказал, что он не занимается дела-ми культуры, а только экономикой, а нам надо было ехать не в посоль-

ство, а в резиденцию посла. «Я же вам сказал, что собираюсь читать стихи, а Летов будет играть на саксофоне», – смущенно сказал Куприянов. «Я тоже удивился», – не менее смущенно ответил советник по экономике.

На глазах у изумленных милиционеров мы пулей вылетели из посольства, поймали такси и приехали в резиденцию посла на Поварской улице, когда концерт уже начался. Оттуда как раз выходил министр культуры Швыдкой.

В резиденции мы встретили Явлинского. «А, это вы...» – сказал Явлинский моему мужу, как будто они давно знакомы, что меня весьма удивило. Оказывается, когда Куприянов летел из Берлина, он увидел в самолете Явлинского и подарил ему свою книгу с «китайской прозой». Явлинский читал в Берлине лекцию в отеле Кемпински. Позже муж еще несколько раз встречал его в самолете, когда возвращался из-за рубежа. Явлинский уже узнавал его и приглашал к себе в салон бизнес-класса, где они мило беседовали за рюмкой коньяка.

Итак, Куприянов и Летов все-таки успели к своему номеру в праздничной концертной программе.

После этого отступления (мы поведали о нашем приключении послу Германии, чем ужасно его развеселили), я снова возвращаюсь к Волге.

Концерт на теплоходе закончился, но я так устала и так хотела спать, что у меня уже не осталось сил на фуршет.

...Я не раз бывала на Мамаевом кургане, но мне никогда не примелькается это торжественное, величественное место.

Когда я еще училась в школе, у нас во время каникул была поездка в Волгоград. Нас привели в планетарий, где я целовалась с одноклассником под «звездным небом» и до сих пор помню об этом. Я тогда еще не была знакома со своим мужем, мне не было и шестнадцати, я жила своей жизнью, не связанная никакими обязательствами, я была беспечна... С какой нежностью я вспоминаю теперь об этом времени!..

Но на сей раз посещение планетария не было предусмотрено...

Возвращаясь с экскурсии, вижу одного из наших депутатов, он всем хорошо известен, поскольку не сходит с экрана телевизора. Его и без того продувная физиономия сейчас совершенно красная и смурная.

В парке растительность не совсем такая, как у нас, много южных растений. Что-то между средней полосой и югом. Парк чудесный! Центр города состоит в основном из помпезных домов сталинской эпохи. Все кажется надежным и стабильным. Мне нравятся и колонны, и дворы, и арки. Мне вообще любой город нравится больше, чем Москва!

Начиная с Волгограда, пьянка на теплоходе резко сменилась поеданием арбузов.

НИКОЛЬСКОЕ

Я родилась и выросла под Москвой. Поселок, где я жила в детстве, назывался Никольское, и потому мне так странно теперь видеть это название на маленькой пристани. Казачий хор, хлеб-соль. Маленькие лодки на берегу. На пригорке церковь.

Многие идут купаться.

После ужина в конференц-зале переводчик Стас опять напутал. Он перевел, что Приставкин родился в 1912 году. Один из немцев сказал, что думал, будто он самый старый на теплоходе, а оказывается, есть еще и постарше. Он, исходя из перевода, решил, что Приставкину 92 года, и тут же заметил, что Анатолий Игнатьевич очень хорошо сохранился для своего возраста. Еще бы, ему ведь едва за 70! Затем фразу о том, что у нас давали большой срок за украденные полмешка картошки, Стас перевел так: «У нас, если человек купил полмешка картошки, то ему дают большой срок». Немцы сильно недоумевали... В другой раз речь шла о фильме «Goodbye, Lenin!» – «Прощай, Ленин!» Английское название он перевел... как будто с немецкого: «Gut bei Lenin» – «С Лениным хорошо».

АСТРАХАНЬ

В Астрахань мы прибыли очень рано, в 8 утра. Все так устали от приветствий, что многие еще спят,

и только самые стойкие выходят на пристань.

Наша уборщица мне рассказала, что между Никольским и Астраханью есть самые настоящие пираты. Они подходят на лодках к теплоходам, и они вооружены. Например, в прошлую поездку из каюты второго помощника через окно на полном ходу сперли телевизор. Всех просят закрыть окна.

Экскурсия в Кремль. В круглой башне была пыточная камера, там пытали Степана Разина.

Экскурсия в дельту Волги. Сначала час на автобусе, а потом 40 минут на катере. Прогулка замечательная, но сильный ветер, это от скорости катера. Впечатление, как от кинематографических джунглей: вода и буйная растительность. Огромные листья лотосов, как на картинках в Индии, красивые, диковинные бледно-розовые цветы. Только что слонов нет. Но зато есть лихие ребята, они приезжают сюда рыбачить. На берегу для них построена гостиница. Дорогая. Номер за сутки – 200 долларов.

Очень хотелось сорвать цветок лотоса, но из быстро мчавшейся лодки сделать это было нереально. Удалось только на причале «схватить» с мостков несколько головок – плодов лотоса, но цветов здесь уже не было.

На берегу стоят шатры с камышовыми крышами. В одном из них для нашей группы устроили прямо-таки королевский обед: черная икра, уха, шашлыки из осетрины.

Центральная улица Астрахани совершенно не освещена, тротуары все разбитые, везде ямы. На берегу пьяная женщина продает сувенирных матрешек.

Мы уходим из Астрахани. Несмотря на то, что уже 12 часов ночи, нас провожает оркестр. Стараясь перебить грохот музыкальных инструментов, организатор маршрута торжественным голосом читает на пристани плохие, банальные стихи.

«Всего доброго! До новых встреч!» – несется с берега вслед отплывающему теплоходу.

РАССКАЗЫ

Андрей САЛЬНИКОВ

г. Екатеринбург.

ГОРДОСТЬ ЕГО ДУРАЦКАЯ...

Поздний Советский Союз, но еще «комбайнер» власть не взял. Все еще обхохатываются над тем, кто через тридцать лет будет вспоминаться с каким-то почти религиозным умилением. Друг дружке пересказываются анекдоты про «Карлсона Марксона и друга его Энельсона», а также стихи и частушки вроде вот этой: «Брови черные, густые, речи длинные – пустые. Нет ни мяса, ни конфет! На-фига нам этот дед?!» Но все мы крепки задним умом, и в наше время многие отрещиваются и от анекдотов, и от частушек. А тогда... впрочем, я отвлекся. Итак, одна из зим позднего СССР, областная железнодорожная больница, палата терапии. В палате шесть коек и пять человек, утром выписался Егорыч, веселый, разбитной дядька, постоянно шутивший с медсестрами, да и с доктором своим тоже, и очень любивший рассказывать анекдоты. Вот появляется новенький, это толстый, пожилой дядька с лицом умудренного жизнью бульдога и с глазами жадного хорька. Он хмуро здороваётся, садится на койку, складывает вещи в тумбочку, заваливается на бок и... тут же засыпает, чтобы потом всю ночь не давать палате спать своим стонами и охами...

Через пару суток его ненавидела вся палата. А тут еще медсестра Тоня на ушко шепчет Василию Степановичу, что новенький, то есть Петро Заго-

руйко – бывший власовец. Чтобы вы понимали всю пикантность ситуации, надо знать, что Василий Степанович, как и его друг – Степан Васильевич – оба фронтовики. Оба потеряли здоровье, стоя по грудь в ледяной воде Пинских болот. Оба ранены не один раз, а Василий еще и контужен. Степана постепенно скрючивало так, что разогнуться и прямо ходить он уже не мог. У Василия ночами «горели» ноги, но он в отличие от Петра, даже медсестер старался ночами не беспокоить. Они прошли фронт рядышком, призывались оба с одного райвоенкомата с разрывом в пару дней и оказались в одной маршевой роте. Оба после ранений всеми правдами и неправдами возвращались в свою часть, а так как один был исключительной меткости наводчиком, а другой командиром орудия, то почти всегда их желание служить в своей части удовлетворяли. Только вот громить Японию уехал только Василий. Степан же отказался, показав жест рукой по горлу, сказал: «Всё, Вася, навоевался я, сил больше нет. Раз есть возможность отказаться, я откажусь». Он был в то время в очередной раз легко ранен, потому на этот фортель никто не обратил внимания. И после войны они вернулись в свой станционный поселок, поселились через дорогу друг от друга, и до времени этой истории они были соседями и друзьями. Оба отработали на железной дороге, оба в тот момент уже были на пен-

сии, но тут их было просто не узнать. Оказывается, и от ненависти можно помолодеть...

Обстановка в палате накаляется, и та же самая медсестра, сболтнувшая о прошлом Загоруйко, испуганно просит врача перевести его куда-нибудь от греха подальше. Власовца переводят в отдельный бокс. И когда они пересеклись с Василием на капельницах, то старый, потертый бульдог, щуря свои глазки злобного хорька и ехидно ухмыляясь, говорит честному солдату: «Вот всегда у вас так, чем больше в вас говно кипит, тем мне же лучше. Сталин меня посадил вам на радость, а Хрущёв выпустил. Да, в столицы мне нельзя было, зато я себе северные пенсии заработал, не то, что ваши копейки. И вот сейчас вы тут бегали, орали и чего?!

Я прямо как барин отдельно лежу, мне жратву в палату таскают, а вы, как и были всегда, в бараке друг у друга потные носки нюхаете. Там вам и место».

Василий Степанович потемнел лицом, скрипнул железными зубами, встал и двинулся на Петра Семеновича. Тот изменился в лице, задергался, заверещал, зовя на помощь, прибежала процедурная сестра Валюха и спасла провокатора от побоев. Василий, не смотря на все уговоры, прямо с капельницей ушел из процедурной, и как ни орала потом Валя, обратно не вернулся. Врач доклад старшей сестры об этом инциденте выслушал и ничего фронтовику говорить не стал. Может быть, потому, что его отец не вернулся с войны, но лечить власовца он не перестал...

Чем бы это всё закончилось, бог весть, если бы в палату не пришел рентгенолог – Анатолий Самуилович со снимками Степана и в процессе разговора не узнал об этой истории. Покачав головой, он сказал Ва-

силию, а по сути всей палате: «Доктор наш, Андрей Егорович, из той же деревни, что и этот вот, предатель. Так вот, в плен он попал с Егором Мелентьевичем – отцом вашего доктора. И после отсидки, когда вернулся, как-то при случае и при паре свидетелей заявил Андрею, тот тогда совсем еще пацаном был... – дескать... – да, помню я вашего папку, дурак он был. Я ему предлагал вместе со мной пойти, а ему эта его идиотская гордость не позволила. Героизм там и прочая чепуховина, а о вас он и не подумал. О том, как баба его одна с тремя мальцами управляться будет, не подумал, а подумал бы, был бы жив...

Андрюху тогда с ружьем поймали у его дома, и сел бы пацан за попытку убийства, да следователь тоже фронтовик попался, замял как-то...»

Палата молчала после того, как ушел Самуилович еще минут пять...

ТЬМЫ НИЗКИХ ИСТИН МНЕ ДОРОЖЕ...

«Мащ, побежали, нам еще за Колькой заходить, он же... ой, а что это у тебя, кулич что ли?!» – раскрасневшаяся от быстрой ходьбы Екатерина медленно бледнела, глядя на стол, на котором беззаботно поблескивали спинки разноцветных яиц и вздымался крутыми боками невозмутимый кулич. Мария, поставив шаньги в печь, повернулась к госте и медленно, и нарочито спокойно ответила: «Да, кулич, пасха же». И неторопливо повернувшись, пошла в светелку, переодеваться. Маша только успела открыть комод и достать оттуда с вечера наутюженное платье, как за спиной услышала свистящий шепот подруги: «Ты, что же это, церковные праздники отмечаешь?! Ты, ты, ты... – задыхаясь, захлебывалась гневом Екатери-

на, – ты же комсомолка, как ты могла, это же опиум...»

Через час бледная и решительная Екатерина Васильева потребовала исключения из комсомола своей, как она особенно подчеркнула, бывшей подруги. И чрезвычайно разгневалась, когда собрание ее не поддержало. «Разбрасываться такими ценными кадрами, как Мария Кашеварова, мы тебе не позволим», – сказал, как отрезал, комсорг Симбирцев. – «И нам еще вот что интересно, а где ты была, почему не проводила разъяснительную работу с подругой своей?! – поддержала комсорга завспортсекцией ГТО Нила Семантьева и добавила, – нечуткость, невнимательность и зазнайство не к лицу активной комсомолке, а ты Катенька, сколько лет уже дружишь с Машей?!» – «Пять лет», – опустив глаза, ответила, кусая губы до крови Екатерина. «И до сих пор не удосужилась поинтересоваться, чем дышит, во что верит твоя еще вчера лучшая подруга?!» – подняла бровь Нила Артемьевна...

Под давлением обкома Машу все-таки лишили звания комсомолки, а Екатерине поставили на вид. И должна бы была Машенька, наверное, пострадать во время «перегибов», но уехала она и затерялась среди огромных строек коммунизма. Прошло более пяти десятков лет. И обе бывших подруги, независимо одна от другой, вернулись в свой небольшой городок, на глазах превращавшийся в умирающее село, это было через два года после расстрела парламента из танков. Мария Александровна Смолянинова, в девичестве Кашеварова, выкупила небольшой домик, стоявший неподалеку от давно сторевшего родового гнезда, в то время территория усадьбы Кашеваровых уже лет тридцать как была заставлена зданиями ныне по-

чившей в бозе селекционной станции. Екатерина Семеновна Радимцева в девичестве Васильева вместе с мужем на деньги сыновей построили себе добротный, но одноэтажный коттедж неподалеку от церкви. Церковь лишь недавно начали восстанавливать, и бывшая комсомолка приняла самое непосредственное участие в деле строительства и реставрации храма. А вот Мария Александровна – нет. И Екатерина Семеновна решила лично узнать у своей бывшей подруги, в чем же тут дело?!

«Доброго вечерочка, Мария Александровна, можно я войду?!» – робея, спросила гостя. – «Уже вошла, Катя», – не очень вежливо встретила ее хозяйка и продолжила: «Чего застряла у порога, проходи, садись, рассказывай, какой бес тебя принес...» Гостя, бочком, бочком прошмыгнула к столу в большой комнате и, сгорбившись, присела на самый краешек табуретки. «Нормально садись, чего ты мостишься, не гоню ведь», – проворчала хозяйка. Гостя передвинулась, помолчала немного и, решившись, спросила: «Отец Андрей спрашивает, а чего храм стороной обходишь?!» Мария Александровна невесело улыбнувшись, ответила: «Вон оно как обернулось, Катенька. Ты отца Евгения со свету сживала, меня за пироги мои чуть под статью не подвела, церковные колокола уговорила сбросить, а сейчас власть поменялась, и ты в Бога уверовала?!» Екатерина Семеновна выпрямилась как ужаленная плеткой. «Ну, я то, положим, молодая дура была. В Бога не верила, дорогу к храму не искала. Жизнь побила, да многому научила. А тебе-то сейчас без малого восемьдесят, неужели и смерти не боишься?!»

«Так я и думала», – снова широко и спокойно улыбнулась

хозяйка. – «От смерти в вере спрятаться решила, грехи замаливаешь, местечко получше вымолить надеешься. Ну-ну, пробуй, может оно и получится. Да ты не вскакивай, не вскакивай, я обижать тебя не хочу, исполнишь потом всем интересующимся свою вариацию на тему, я ни спорить, ни опровергать ничего не буду. Ты сядь, сядь. Сядь! Сядь и слушай!» – вскочившая было гостя вновь присела на стул, подчинившись невольно властному тону хозяйки. А та продолжила: – «Уверовала?! Хорошо, счастливая ты. Нет, правда, счастливая. В коммунизм ты искренне верила, теперь вот в Бога, похоже, что так же искренне веришь и всегда при деле, и всегда с ясным сердцем, и не мучаешь сама себя вопросами, на которые нет ответа. А я?!» – Мария Александровна улыбнулась одними губами и, глядя куда-то в неведомую и невесомую даль, продолжила. – «А вот я всегда сомневалась, права я или не права?! Есть Бог или нет? И когда мы в 1943-м ров с расстрелянными детьми нашли, я себя спросила: – Как Он мог такое допустить?! – И впервые я не нашла на этот вопрос ответа. Друзья гибли, находила, одного разорвало прямо на моих глазах, и всё равно ответы находились. И когда письмом пришло, что родителей моих в концлагерь угнали, и тогда находила ответ, а тут... тут вот не смогла. Отец Евгений, может быть, мне бы всё и объяснил, но его уже расстреляли, да и как бы я его на фронте-то нашла?! Когда первый мой муж на фронте погиб, за три дня до Победы, за три дня... понимаешь?! Я тогда уже сильно сомневалась, что Бог прав вот так вот с нами поступающий. Егор-то мой, он три войны у меня прошел и за три дня до Победы...» – она опять замолчала, гостя в это время сидела, не шелухнувшись и почти

не дыша, и хозяйка продолжила: – «Когда мои дети один за другим умирали, кто при родах, а кто и в двадцать лет, я уже даже ругать Его не могла, так закаменело во мне всё. А когда и второй муж погиб из-за алкаша за рулем, умерла душа у меня, совсем умерла, головешка теперь, а не душа у меня. А у тебя душа», – она посмотрела на бывшую подругу и улыбнулась светло и не обидно: «У тебя, Катюш, душа живая, потому бьется, спастись хочет...» – и она вновь ясными глазами без тени слез посмотрела в лицо своей бывшей подруги. А та не знала, что ей ответить...

ИУДИНЫ ВРЕМЕНА

Погода всерьез собиралась стать паршивой. Иван Алексеевич, слегка покачиваясь, вышел на перрон, поставил фанерный чемоданчик между ног, зажав его ногами на всякий случай, достал из изрядно помятой пачки папироску дрянной народной марки «Прибой» и закурил-закашлялся. Табак был, конечно, так себе, но дело было не в этом. Просто до сих пор болели отбитые на допросах и застуженные в бараках легкие. Казанский вокзал был почти такой же, как и в его долагерном прошлом, и это немного успокаивало. Закурив, мужчина подхватил чемоданчик и отправился на выход, всеми органами чувств впитывая в себя свой город. Всё здесь было родное, но уже не близкое. И слегка кисловатый воздух, наполненный запахом паровозного дыма, табака и квашеной капусты. И сырой ветер, постоянно дующий с «гнилого угла». И грохот трамваев, и клаксоны машин. Всё было почти такое же, как и до... ну почти такое же. Так мелькавшие на пути трамваи и троллейбусы утратили дерево и угловатость, приобрели мягкие, округлые формы

из сплошного металла. Легковые авто утратили дробность и хром, приобретя перетекающие друг в друга объемы, с не выпирающими, за исключением зеркал заднего вида, деталями. Галифе практически исчезли, шинелей стало меньше раза в три и во столько же раз стало больше пальто. Платки уже не доминировали над шляпками, но и сами шляпки стали миниатюрнее и женственнее...

Погода всерьез собиралась стать паршивой. Холодными пальцами пробираясь за шиворот телогрейки, начал нащупывать его шею дождь. Но Ивану было не до этого. Он шагал и вглядывался, шагал и вслушивался, шагал и принохивался – вот настолько он отвык от обычной улицы, обычных людей, обычного дня «столицы нашей Родины». Шагая, он погружался в этот город как в обжигающе холодную-кипящую ванну. Но вроде бы находясь во вне (по отношению к себе) или внутри этого огромного города, Иван всё это время вспоминал и думал. Голова его непонятно отчего слегка кружилась. То ли от радости узнавания, то ли от тоски по ушедшему. Он то узнавал, то не узнавал Москву. За эти двадцать с небольшим хвостиком лет всё так переменялось... До дома его матери шагать пришлось бы почти часа полтора, но Иван решил всё же идти пешком. Денег было вприпрыжку, а нужно еще было как-то прожить, пока он получит документы и устроится на работу. Если бы можно было идти к себе, то он дошел бы раза в два быстрее, но жена публично, за себя и детей, отказалась от него почти сразу же в тридцать седьмом. Через несколько лет новые сидельцы из числа общих знакомых рассказали про то, что Вера, намаявшись и наглодавшись с двумя детьми целых пять лет, вышла замуж за

какого-то аппаратчика из обкома комсомола. Что, конечно же, было странным, ведь ее новый муж не мог не знать, что берет за себя бывшую жену «врага народа», да еще и с детьми. Но ведь жили и выжили как-то! Не было у Ивана ни злости, ни, тем более, ненависти к жене. Отгорело всё, до белого пепла отгорело. «А вот детей я должен был обязательно увидеть, – думал Иван, обходя огромную лужу... – Это не обсуждается. Вадиму уже двадцать четыре – мужик уже, может и в армии быть, если институт кончал, да и Валеньке за двадцать, красавица, наверное, вся в мать. Хотя...»

Погода всерьез собиралась стать паршивой. Вокруг уже плыло просто море зонтов самых разных форм и расцветок, от китайских до кооперативных. Навстречу шла семейная пара с коляской и шагающим донельзя серьезным сорванцом лет пяти. Иван Алексеевич невольно улыбнулся. Уж больно комичен в этой своей серьезности был старший брат. Внимательный глаз бывшего зэка отметил и непривычную форму детской коляски, и легкомысленную шляпку, чудом сохраняющуюся почти на затылке молодой мамы, и добротные, кожаные, явно сделанные на заказ ботинки молодого отца. Но не это делало иными и людей, и город. До Ивана вдруг дошло, чего ему не хватает для того, чтобы хотя бы мысленно вернуться в свое счастливое, полное светлых идей и святой веры, прошлое. Ни на одной из площадей не висели прежние вездесущие портреты с характерными усами. Красного цвета было по-прежнему полным-полно, но портреты стали меньше и уже не подавляли обычного человека своей нечеловеческой величиной и угрюмым величием. Да и сами портреты стали другими. Появилась новая «святая трои-

ца» – Ленин, Маркс и Энгельс. Но всё это было каким-то другим, каким-то более мелким что ли?! Мысли Ивана обрели новое направление. Он знал, что и первый, и второй его следователи были тоже арестованы. За двадцать лет, через Ивдельлаг кто только не прошел, так что многое можно было узнать. Первый был расстрелян всего через полтора года после вынесения приговора Ивану, а второй получил десятку и... не выжил.

Погода всерьез собиралась стать паршивой. Но вдруг передумала и хитро прищурилась неярким осенним солнышком. Иван подходил уже к Знаменке, когда к нему подошел милиционер, козырнул, представился и попросил документы. Бывший зэка подал справку и вновь закурил-закашлялся. Милиционер вернул справку, глянув на Ивана с профессиональным прищуром и, уже не откозыряв, своей особой походкой отправился по своим делам. До дома матери оставалось еще минут двадцать ходу, но Иван вдруг сбавил шаг, всё та же самая окаянная мысль не давала ему покоя. Он знал уже, кто написал на него и Саню Смирнова донос. Знал, зачем и почему он это сделал. И вот, что удивляло Ивана. Он и Саня отмотали по полной. Витьку и Галю расстреляли. Следователям заплатили полной мерой и тою же монетой. Даже из тройки, выносившей приговоры им всем, один был расстрелян, одна тоже сидела и только третий погиб на войне. А вот этот вот живой. Ни репрессии, ни война, ни бандитизм военных и послевоенных лет ничего ему не сделали. Как же так?! Почему?! Кому он задает этот даже и не вопрос, а дикий вопль измочаленной лишениями души, атеист Иван Семухин не знал. И переложить бремя ответа ему было не на кого. Иудины времена...

ПОГОДА РАЗЛУКИ

Евгения ВАСИЛЬЕВА

**Родилась в Москве.
Окончила философский
факультет МГУ
им. М.В.Ломоносова
и Высшие литературные курсы
Литературного института
имени А.М.Горького.
Публиковалась
в ряде сборников коротких
рассказов, в журналах
и на страницах
сетевых изданий.**

Сегодня мы расстались. Был весенний солнечный день. Он удивительно не подходил бы для обычных расставаний. Но не в этом случае. Наши отношения скреплялись пасмурной погодой и дождями, когда хочется тепла и уюта, мужского плеча рядом и горячего кофе. Взбалмошная москвичка, я никогда не придавала должного внимания его надежности. Он, настоящий мужчина, помогал всегда скромно и подчеркнуто вежливо, не укоряя и ничего не требуя взамен.

Наша встреча случилась нечаянно в Питере, который москвичи или любят, или ненавидят. В моем же случае было нечто третье – избегание гайморитного ветра с северных болот. Именно здесь проходил рубикон первого брака, что был обречен с самого начала. Москвичи и питерцы, даже если оказываются в одной постели, не могут жить долго, оставаясь независимыми. Кто-то из них перекрашивается под Москву или становится, хотя бы в душе, питерцем. Мой недолгий брачный союз сгубила независимость. И теперь эта нелепость – два москвича встретились на Неве, словно судьбе негде было их свести. Шел дождь. Это стало основой наших долгих отношений. Как и то, что мы никогда не говорили. Это позволило продержаться целых два года.

Всё – и хорошее, и плохое – происходит. Из всех эпитафий эта китайская мудрость подходит больше всего. Рассеянность, небрежность, невнимательность, с одной стороны, – моей, женской, и полное самопожертвование – с другой.

Ценность связи придает расставание. Разрыв, как морская волна, смывает всё наносное и несущественное, оголяя самую суть. Вода уносит в глубокую синюю даль всё, что когда-то волновало, превращая даже самое значительное в маленькую точку, исчезающую у горизонта.

Чаще всего это немного боли и облегчение: так хирурги очищают нагноившуюся рану. Это блюдо обычно приправлено ссорами и завернуто в подарочную бумагу обид и разочаро-

ваний. Светлая грусть, которую так маниакально ловят киноленты, появляется редко, как призрак. Все мои расставания до этого напоминали трейлер из первой части. Это не были отелловские страсти с заламыванием рук и драматическим концом. Скорее мелодрамы, нанизанные, как соломенные чучела, на жердь напряженности. Как если бы их создавал Хичкок. Бывали, конечно, и наброски от Феллини. Но именно сегодняшний день стал вехой, дав мне новое откровение. До этого я была ограничена одной, максимум двумя октавами, чтобы затем мне открылись басы и немного визгливое сопрано скрипичного ключа.

Из вагона я вышла резко. Словно принцесса, что очнулась от столетней спячки и заспешила наверстывать упущенное годами. Ноги стремительно оттолкнулись и понесли вперед. Тело гордо несло развернутые плечи и высокомерно задранный подбородок. Тогда еще я не понимала, что мы расстались навсегда. А он, прижавшись носом к стеклу, смотрит на мою затираемую толпой, словно ластиком, спину. Всё просто. Выпадает только одно: орел или решка. Обычно у нас была одна монета на двоих, и мы ходили как сиамские близнецы, свиваясь в единое тело. Но каким-то мистическим образом у нас выпали или разные монеты, или мы видели каждый свою картинку. Мой орел делал знак протиснуться через нашпигованный телами вагон. Ему решка приказала стоять, не двигаясь.

Если бы в тот день шел дождь, я была бы меланхолична и собрана. Но в окна вагона нагло улыбалось солнце. Все мои мысли занимало только наличие или отсутствие в сумочке черных очков. Он был терпелив. Он ждал моего внимания. Хотя бы малейшего знака, который бы говорил о том, что я еще нуждаюсь в нем. Но я была слишком беспечна, а длинные мысли меня сегодня только расстраивали.

Если и есть на свете настоящий мужчина, то это был он. Мой верный зонт. Большой и прекрасный. Теперь он с кем-то наматывает круги по второй кольцевой линии метро.

В

Пингвины в метро.

Левушка на Патриарших.

Ночная лига.

